

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука», Москва

№ 5 1972 сентябрь — октябрь

Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко. Союз равноправных народов и русский язык 3

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В. Ю. Троицкий. Волшебник слова 12
В. С. Вахрушев. «Левша» в английском платье 21
Т. С. Карская. Удержать строй... народной речи 27
В. В. Николаева. Стиль сказки «Коняга» 32
Ив. Васева-Кадынкова. Диалог без авторского текста 38
Ю. В. Люкшин. «Рождество голубого ручья...» 44
Н. В. Хоменко. Речь и характер 46

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ

Федор Абрамов. Такой словарь нужен... 51
Лев Успенский. Участие писателей необходимо 54

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Н. В. Лебедева. Формы и стили речи 53
Т. С. Коготкова. Ребята! 62
Г. В. Судаков. На Москве — в Москве 66
Н. А. Кондрашов. Культура речи в Польше 70

ТЕРМИНОЛОГИЯ

В. П. Даниленко. О кратком варианте термина 75

ГРАММАТИКА

Н. И. Формановская. Полупрямая речь 82

ШКОЛА

М. И. Гетманский. Н. К. Крупская о преподавании русского языка	86
А. И. Кондрашенкова. Об усвоении переносных значений слова	92
В. М. Панькин. Кто же взял фальшивую ноту?	96

УЧЕБНИК РОДНОГО ЯЗЫКА

Письма из школ	104
В. Я. Дерягин. Если <i>-надцать</i> суффикс...	107

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

И. Г. Добродомов. Атаман и гетман	110
Р. Г. Ахметьянов. Артачиться	115
З. М. Петрова. Ведом? Ведомо?	116
Н. С. Авилова. Как наши предки ездили по Москве	118
В. С. Филиппов. В мире музыкальных инструментов	121

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

И. С. Улуханов. Разговорная речь Древней Руси	124
Г. С. Баранкова. О «Шестодневе» Иоанна экзарха Болгарского	136

ПРОЧИТАЙТЕ ДЕТЯМ

Виталий Костылев. Рассказы	144
--------------------------------------	-----

КОНСУЛЬТАЦИИ

Словарь произношения и ударения	147
Старинные меры длины	149

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»102, 151

*На обложке Н. С. Лесков
Гравюра Ю. И. Космынина*

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

СОЮЗ РАВНОПРАВНЫХ НАРОДОВ И РУССКИЙ ЯЗЫК

50 ЛЕТ назад народы нашей страны добровольно сплотились и создали Союз равноправных Советских Социалистических Республик. История человеческого общества еще не знала такого союза народов, объединившихся во имя претворения в жизнь лучших идеалов, создания светлого будущего всего человечества.

Вдохновителем и организатором Союза Советских Социалистических Республик была Коммунистическая партия, которая неуклонно следовала великим предначертаниям гениального Ленина. Владимир Ильич писал: «Мы хотим *добровольного* союза наций, — такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой, — такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии» (Полное собрание сочинений. Т. 40, стр. 43).

Великая многонациональная Страна Советов явилась таким союзом наций, в котором живут в согласии и дружбе носители около 130 языков — русские, украинцы, белорусы, малочисленные народности Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока, народы Советской Средней Азии, многоязычного Кавказа и др.

Основы советской национальной политики были разработаны В. И. Лениным. Владимир Ильич выступает в теории и на практике как величайший гуманист, заботящийся о судьбах больших и

малых народов, об их культурах и языках, об их настоящем и будущем. Не подавление языков национальных меньшинств, угнетенных народов, не насильственная ассимиляция, не поглощение малых наций, их языков великими нациями, не уничтожение так называемых «примитивных» языков, не их изоляция и «замораживание», а всемерное развитие и взаимообогащение больших и малых наций, народностей, различных культур и языков в возможных пределах их жизненных интересов и потребностей — таковы были общеметодологические и общесоциологические установки В. И. Ленина, легшие в основу советской практики развития национальных языков и культур. В. И. Ленин глубоко и всесторонне развил идею К. Маркса: «Всякая нация может и должна учиться у других» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 23, стр. 10).

Буржуазно-помещичья Россия оставила Советской власти тяжелое наследие. В большинстве национальных окраин царил сплошной неграмотность. По данным первой русской всеобщей переписи населения 1897 года, грамотность населения в целом по России составила 21,1, а в Туркестанском крае — 1—2 процента. Характерно, что к 1906 году, то есть за десятилетие, увеличение грамотности населения в Европейской России составило в среднем 4,2, на Кавказе — 1,1, в Сибири — 1,3, а в Средней Азии — всего 0,4 процента. По официальным подсчетам, при таком темпе роста грамотности (только среди мужчин) предполагалось, что достижение всеобщей грамотности (заметим в скобках: если такая постановка вопроса была возможна в принципе при царском режиме) станет возможным в Европейской России через 120 лет, на Кавказе и Сибири — через 430, а в Туркестанском крае (то есть в Советской Средней Азии) — через 4600 лет (Из итогов первой русской всеобщей переписи. — «Вестник воспитания», 1906, № 1, стр. 45).

Общеобразовательные школы, в которых могли учиться дети так называемых «инородцев», представляли собой главным образом основанные на разных принципах и методах четырехклассные начальные школы:

1) «русско-туземные школы» на русском языке, созданные с целью подготовки из местного населения преданных слуг царизма, могущих нести службу в полицейском и колониальном административном аппарате. В них обучение ограничивалось освоением письма, чтением и изучением арифметики. Подобных школ в Туркестане было в 1910 году всего 98;

2) старометодные религиозные школы (медресе и мектебы). Для них было характерно зазубривание отдельных мест из Корана на арабском языке, молитв;

3) в начале XX века возникли новометодные или джадидские школы, в которых изучение религиозных догм (исламского толка) сочеталось с элементарными сведениями из светских наук. В них обучались преимущественно дети из зажиточных слоев населения. Школы, в которых давались сведения из светских наук, не получили широкого распространения, так как царизм не был заинтересован в просвещении народных масс. В Средней Азии, например, процент неграмотных среди местного населения достигал 98—99 процентов.

Обучение на родном языке — узбекском, киргизском, таджикском, туркменском и т. д. — почти не было организовано. Во всей Средней Азии в 1914 году не было ни одного высшего учебного заведения, было только одно среднее специальное, в котором училось всего 100 учащихся (оно находилось в Узбекистане). Не развивались наука и искусство. Не было культурно-просветительных учреждений. Не в лучшем положении находились и многие другие национальные окраины дореволюционной России.

В послеоктябрьский период нашей стране приходилось преодолевать огромные трудности. Остро ощущалась нехватка национальных кадров, учебных пособий, школ, школьных принадлежностей, просто грамотных людей. В этих условиях В. И. Ленин придавал исключительное значение ликвидации неграмотности, подчеркивая, что «безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке» (Полное собрание сочинений. Т. 44, стр. 174).

Ни одна из национальных окраин не в состоянии была лишь своими силами взяться за решение в кратчайший срок величайших социальных проблем просвещения всех трудящихся, не могла решить задачу поднятия на высокий общеобразовательный и культурный уровень развития «медвежьих уголков» России. Решить успешно эти проблемы было под силу только союзу добровольно объединившихся социалистических республик.

В начале 20-х годов Советская власть приступила к разрешению сложных проблем развития национальных языков, расширения их социальных функций как важнейших средств подъема общеобразовательного и культурного уровня народов. В то время перед нашей страной в области разрешения языковых проблем стояли конкретные практические задачи: создание письменности для ранее бесписьменных языков, использование родных языков в развитии национальных культур, широкое применение их в ликвидации неграмотности, в повышении общеобразовательного, культурного и общественно-политического уровня всех народов СССР, с учетом в полной мере желаний каждого народа, его социально обусловленных жизненных потребностей.

Идя вперед по неизведанным путям, совершая громадные преобразования в своем политическом, экономическом и культурном развитии, многонациональный Советский Союз нуждался в новых методах, приемах ликвидации в кратчайший срок вековой отсталости народов нашей страны. Но таких готовых методов, рецептов, опыта, которые молодая Республика Советов могла бы перенять, не было. Планирование языкового развития в широких масштабах применительно к многим десяткам самых различных по структурам, по степени развития социальных функций языков впервые в истории было начато в СССР.

На X съезде партии, проходившем под руководством В. И. Ленина, была принята широкая программа просвещения народов России. Задача партии состоит в том, говорится в историческом решении X съезда, чтобы помочь трудовым массам: «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке... для ускоренной подготовки местных кадров...» («КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. Изд. 7-е. 1954, стр. 559).

Для руководства языковым строительством были учреждены центральные органы — Центральный комитет нового алфавита при Президиуме ВЦИК, Комитет нового алфавита народов Севера при Президиуме ВЦИК. В начале 30-х годов, когда были подготовлены местные кадры, в национальных районах создаются институты языка и культуры при Советах народных комиссаров. Они явились первоначальной базой многих созданных впоследствии — в 40-х и 50-х годах — академий наук союзных республик и филиалов АН СССР.

В 20-х и 30-х годах в соответствии с неотложными жизненными потребностями народов повсеместно развертывается языковое строительство: создание школ на родных языках, разработка орфографии, терминологии, составление учебных пособий, расширение социальных функций литературных языков, замена древних и средневековых несовершенных и трудных алфавитов наиболее совершенной и практически необходимой для советских народов графикой.

В итоге около 50 национальностей СССР впервые за всю историю своего развития получили письменность на родном языке. Названное выше число национальных письмен превышает число алфавитов (национальных письмен), применявшихся в Европе за все известные науке предшествующие эпохи. Это был поистине беспримерный подвиг в культурном строительстве.

Многонациональный Советский Союз, проводя в жизнь ленинскую политику полного равноправия всех народов, свободного развития их языков и культур, испытывал жизненную необходимость в языке межнационального общения. Функции такого языка в условиях СССР лучше, чем какой-либо другой, мог выполнять русский язык, всеобъемлюще отражая мировую и советскую социалистическую культуру.

Каковы же главные факторы, способствовавшие выполнению русским языком функций общего языка межнационального общения народов СССР? Русский язык — родной язык более половины населения Советского Союза. Украинцы и белорусы в подавляющем большинстве более или менее хорошо знают его как близкородственный украинскому и белорусскому, не говоря уже о тех из них, которые свободно владеют или для которых русский стал родным языком. Почти вся интеллигенция народов СССР свободно пользуется русским языком как средством общения. Довольно значительная часть других слоев нерусского населения также владеет им. Следует учитывать исключительно благотворное воздействие русского языка, русской культуры, науки на развитие культур и языков многочисленных народов нашей страны, а также исторически сложившиеся традиции широкого применения русского языка во всех республиках, областях, округах. Большое значение имеет и тот факт, что русский народ возглавил героическую борьбу за освобождение страны от царизма, от гнета царских и местных, «своих» эксплуататоров и оказал огромную неоценимую помощь народам в их политическом, экономическом и культурном развитии. Накопец, знание русского языка — одного из наиболее развитых международных языков — позволяет представителям нерусских народов СССР приобщаться к мировой культуре, помогает в установлении научных и культурных связей с зарубежными гражданами.

Несмотря на все это, русский язык занимает равноправное положение среди языков народов СССР. Он не является обязательным насильственно навязываемым народам государственным языком Советского Союза. «Мы думаем, что великий и могучий русский язык не пуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его *из-под палки*», — писал В. И. Ленин (Полное собрание сочинений. Т. 24, стр. 295).

Школьники, студенты, взрослые — представители всех народов СССР охотно изучают русский язык, любят его, высоко ценят непревзойденные качества одного из наиболее богатых и распространенных языков мира. Еще в 1932 году на VII Дагестанской областной партийной конференции старый коммунист П. Алиев говорил о том, что в Аварском округе все дети идут туда, где преподают русский язык. Если даже их посылают в Буйнакск на курсы, они спрашивают, будет ли там преподаваться русский язык, и когда узнают, что будет, то едут с удовольствием («Архив Дагобкома ВКП(б)». Т. I, стр. 105).

Из жизни любого советского народа можно было бы привести примеры, свидетельствующие об искреннем, настойчивом желании нерусского населения СССР в совершенстве овладеть русским языком. Свободное владение русским языком для каждого гражданина СССР означает удовлетворение возросших духовных потребностей высокообразованного советского человека — строителя коммунизма.

Русский язык всеобъемлюще отражает выдающиеся достижения мировой культуры, науки и техники. Он располагает богатыми и разнообразными средствами художественного изображения действительности, многогранной духовной жизни человека. Именно поэтому он могуч и прекрасен. Фридрих Энгельс писал: «Как красив русский язык» (Сочинения. Изд. 2. Т. 36, стр. 106). Вместе с тем Фридрих Энгельс подчеркивал, что русский язык — «...один из самых сильных и самых богатых из живых языков...» (там же, т. 18, стр. 526).

Прекрасно осознал эти достоинства русского языка якутский поэт С. Данилов и воспел их в поэтической форме:

Я ко всем наукам ключ имею,
Я со всей вселенною знаком —
Это потому, что я владею
Русским всеохватным языком.

Русский язык щедро делится своими богатствами с другими языками наших народов. В советской лингвистической литературе убедительно показано, что русский язык является одним из основных источников обогащения и развития языков народов СССР (сб. «Вопросы развития литературных языков народов СССР». Алма-Ата, 1964; сб. «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР». М., 1969; Ю. Д. Дешериев и И. Ф. Протченко. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1968 и др.). В младописьменных языках примерно 70—80 процентов общественно-политических и научно-технических терминов заимствовано из русского языка и через него из других языков (сб. «Вопросы терминологии»,

М., 1961). Заимствования из русского языка имеются во всех языках народов Советского Союза.

В свою очередь языки нашей страны служили раньше, служат и сейчас одним из источников обогащения и развития русского языка, прежде всего в области лексики. Много слов проникло в русский язык из тюркских, финно-угорских, иберийско-кавказских, монгольских языков. Из тюркских и через них из других языков: *буран, курган, изюм, сайга, балык, хан, базар, халат, тулуп, чалма, плов, чайхана* и др.; из финно-угорских: *камбала, палтус, пурга, салака, Кама, Пермь, Урал, пельмени* и др.; кавказские заимствования: *сакля, абрек, бурка, лаваш, папаха* и др. Подавляющее большинство лексических заимствований из языков нашей страны отражает особенности культуры, быта, обычаев населяющих ее народов.

Процессы взаимодействия и взаимообогащения языков отражаются и на установлении литературной нормы. Многие новые явления в национальных языках, касающиеся нормализации литературных языков, обусловлены благотворным влиянием на них русского литературного языка. Такое его воздействие связано главным образом с образованием общего лексического фонда языков народов СССР. Сюда относятся прежде всего советизмы и интернационализмы. Орфографические и нередко орфоэпические нормы исходных форм устанавливаются в большинстве литературных языков по русским образцам: совет, колхоз, совхоз, партия, космос, космонавт, социализм, коммунизм, филология, философия.

Процессы образования общего лексического фонда, связанные иной раз с унификацией орфографических и фонетических норм исходных форм, затрагивают внутренние закономерности функционирования того или иного языка и вызывают в них существенные изменения. Так, в современном татарском языке «в заимствованных словах употребляются также русские согласные: *в* (губно-зубной), *к, в* (заднеязычные), *ц, ч* (аффрикаты), *ш*. Например: *власть, восстание, винт, колхоз, гараж, гипноз, градус, грипп; фракция, трапеция, процесс, центнер, чек, чекист, часть; борщ, щи*. Указанные звуки раньше в татарском языке заменялись другими звуками (ср. ведро — *бидрә*, вор — *бур*, воронка — *бурәнкә*, офицер — *эфисәр*, багор — *багур* и т. д.» (И. А. Абдуллин, Г. Х. Ахунзянов, Ф. А. Гавиев. Русский язык — один из источников обогащения и развития татарского литературного языка. — В кн.: «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР». М., 1969, стр. 100).

В свою очередь русский язык также заимствует слова из национальных языков, нередко принимая во внимание нормы того или иного языка. На основе принципа взаимообогащения, уважения народов, их языков иногда приходится пересматривать устоявшие-

ся в русском языке нормы заимствованных слов. До революции и в первые годы после установления Советской власти было принято писать: Тифлис, Батум и т. д. Учитывая установившиеся нормы написания этих слов в грузинском языке, указанные формы были заменены формами: Тбилиси, Батуми и т. д.

Русский язык широко применяется во всех национальных республиках, областях и округах. С каждым годом увеличивается число лиц, свободно владеющих русским языком. Русско-национальное двуязычие стало жизненной потребностью нерусского населения. Следовательно, речь идет не об одноязычии, не о владении одним языком, а о двуязычии, о свободном владении двумя языками — родным и языком межнационального общения. В этом отношении достигнуты значительные успехи. Материалы Всесоюзной переписи населения 1970 года показали, что из 5931 тысячи опрошенных татар 62,5 процента свободно владеют русским языком, из 9052 тысяч белорусов — 49,0, из 1430 тысяч латышей — 45,2. Особенно больших успехов достигли в овладении родным и русским языками, то есть в развитии двуязычия, народы автономных республик, областей и национальных округов: 60—70 процентов опрошенных коми, марийцев, мордвы, удмуртов, чеченцев признали, что они свободно владеют русским языком; более 70 процентов ингушей и кабардинцев ответили, что они свободно знают родной и русский языки.

В связи с развитием массового национально-русского двуязычия, а также русско-национального и других типов двуязычия большое социальное значение приобретают проблемы культуры речи. Среди них наиболее важными являются: 1) вопросы культуры родного языка у людей, которые живут в своей национальной среде; 2) вопросы культуры речи и языка межнационального общения; 3) вопросы культуры родного языка и речи у людей, живущих среди других народов; 4) вопросы культуры языка и речи, связанные с взаимодействием и взаимообогащением языков.

Необходимо вести борьбу за единые нормы, против возникновения местных вариантов общенациональных языков, их жаргонов. В этой борьбе трудно переоценить социальное значение повышения речевой и языковой культуры. В нашей стране много сделано и делается по нормализации литературных, письменных языков, повышению языковой культуры в практическом и теоретическом плане.

По словам В. В. Виноградова, «наука о культуре языка или культуре речи представляет собой теоретическую и практическую дисциплину (или сферу исследований), смежную со стилистикой языка и стилистикой речи, обобщающую их положения и выводы как с целью живого оперативного воздействия на дальнейшие про-

цессы развития языка, так и с целью определения основных эстетических норм, форм и тенденций связи литературной речи с движением стилей художественной литературы» (Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания.— «Вопросы языкознания, 1964, № 3, стр. 9).

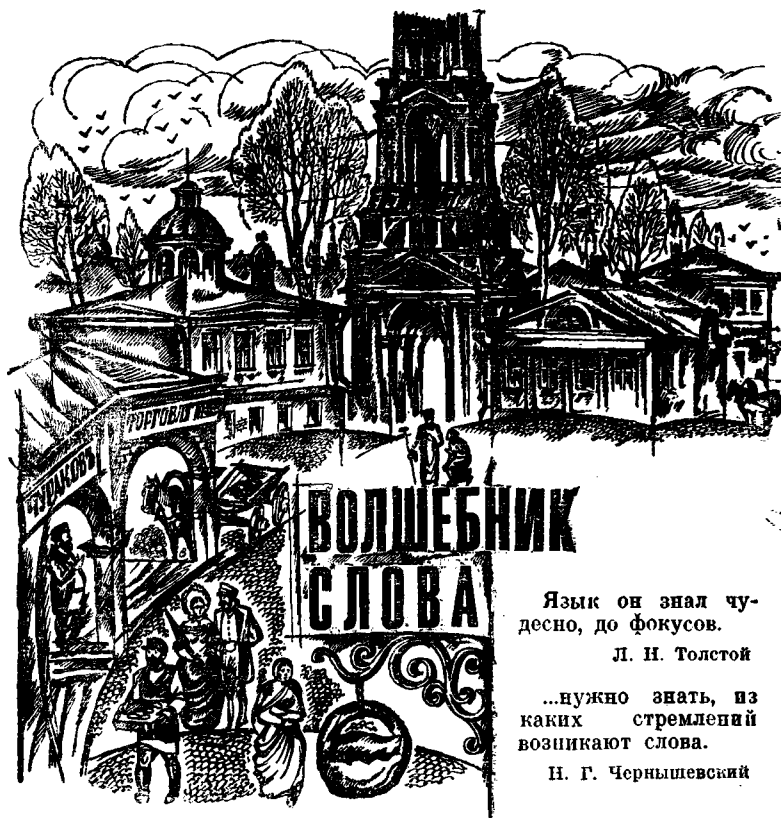
Впервые в Советскую эпоху стало возможным различение устной и письменной форм около 50 младописьменных языков, так как до Великого Октября все они были бесписьменными. Вопросы культуры языка и речи почти всех старописьменных языков стали разрабатываться в широком плане только после революции. Все это приходится учитывать, рассматривая проблемы развития языковой культуры народов СССР.

В ряду важных социальных задач духовного развития нового человека, его этического, эстетического воспитания, повышения культурного и общеобразовательного уровня, дальнейшего совершенствования его художественного и научного языкового мышления культура языка или речи занимает существенное место. В повышении культуры языка или речи пуждаются не только учащиеся, рабочие, колхозники, служащие, но и деятели науки, литературы, искусства. Это поистине общенародная задача.

К славному юбилею 50-летия образования Союза Советских Социалистических Республик народы нашей страны приходят со значительными успехами в решении этой общенародной задачи. «В невиданных ранее масштабах,— говорится в постановлении ЦК КПСС, посвященном этому юбилею,— создаются и публикуются на языках народов СССР произведения литературы и искусства, научные труды, выпускаются газеты и журналы... Более 40 народов, не имевших в прошлом своей письменности, обрели в советский период научно разработанную письменность и имеют теперь развитые литературные языки. Все нации и народности СССР добровольно избрали русский язык в качестве общего языка межнационального общения и сотрудничества. Он стал могучим орудием взаимосвязи и сплочения советских народов, средством приобщения к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры».

*Доктор филологических наук
Ю. Д. ДЕШЕРИЕВ,*

*Член-корреспондент АПН СССР
И. Ф. ПРОТЧЕНКО*

Язык он знал чудесно, до фокусов.

Л. Н. Толстой

...нужно знать, из каких стремлений возникают слова.

Н. Г. Чернышевский

Его «трудный рост» (так определил Лесков свой творческий путь) был нерасторжимо связан с постоянной ювелирной отделкой языка. «В нем было все свое, „лесковское“, начиная с почерка и манеры писать. У него были свои словечки, которые нельзя встретить ни у одного из наших писателей, свои обороты речи, такие цветистые прилагательные и такой юмор собственной окраски, по которым можно было узнать автора» (Е. Борхсениус. Мои воспоминания о Николае Семеновиче Лескове). Необыкновенными выглядели даже заглавия его произведений: «Воительница», «Несмертельный Голован», «Некрещеный

поп», «Колыванский муж»... «Я люблю заглавие,— признавался Лесков,— чтобы оно было живо и в самом себе рекомендовало содержание живой повести».

Лесков начал с публицистики. Он выступал со статьями по самым различным вопросам общественной жизни. Газетный полемический стиль и обстоятельность изложения заметны во многих произведениях беллетриста. Но уже в первых его литературных опытах появились картины действительности, запечатленные яркой художественной речью. Через словесную вязь русского простонародья проглядывали в этих статьях образ мысли, настроения описываемых людей и верные черты времени.

Речь автора была ведущей в публицистике Лескова. Здесь впервые обнаружилось умение писателя создавать переначиванием слов и изобретением необычных словосочетаний глубоко значительный подтекст, который свойственен мудрости живой народной речи. «Сотрудники общественных неправд», «собрание мировых ундеров», «слезопийцы несчастных матерей», «надувательное искусство» — в каждом из этих выражений, взятых из ранних статей, чувствуется стиль будущего Лескова, умельца речи, автора «Смеха и горя», «Соборян» и «Запечатленного ангела», «Очарованного странника», «Левши», «Зимнего дня» и «Заячьего ремиза». Тон этих произведений будет определять речь самих героев, насыщенная языковыми находками, меткими и бесконечно емкими словами.

Лесков хорошо знал провинциальный быт. Пестрый колеблющийся состав различных сословий, чинов и рангов скоро научил писателя оценивать сущность людей по их поступкам, суждениям и речи. Он освоил особенности говора различных слоев русского общества и умел воспроизведением речи героев перенести читателя в ту действительность, которую изображал. Так, рассказы Домны Платоновны (Воительница) или болтливые разговоры Марьи Мартыновны и Аички (Полуночники) переносят нас в мещанскую среду; дневник протопопа Савелия Туберозова (Соборяне) воссоздает мир провинциального духовенства, а из рассказа одного из героев «Запечатленного ангела» читатель получает полное представление о судьбе и житье-бытье художников-изографов... Лесков всегда стремился передать дух времени: «Время изображено верно, стало быть, и цель художественная выполнена».

Лесков верил, что человек «сам по себе» — единственная непреходящая ценность. Поэтому столь индивидуален

облик его героев: только в сокровенном, по его мнению, может сказаться характер и только в непринужденной речи раскрывается он. Не случайно уже в ранних произведениях писателя появляется герой-рассказчик, облик и строй которого определяет колорит произведений Лескова.

«Чтобы мыслить „образно“ и писать так... надо, чтобы герои писателя говорили каждый своим языком, свойственным их положению. И мои герои и я сам имеем свой собственный голос. Он поставлен в каждом из нас правильно или, по крайней мере, старательно... Человек живет словами, и надо знать, в какие моменты психической жизни у кого из нас какие найдутся слова» (А. И. Фаресов. Против течений. СПб., 1904) — в этом видел Лесков основную художественную задачу.

Иные писатели искали слово, чтобы передать поступки, внешность и характер героев; Лесков же в своих творческих поисках отталкивался от характера персонажа, чтобы создать его речь. Каждая черта, каждое настроение героя верно и отчетливо выражались в содержании рассказа, богатстве речевых интонаций. Слово как бы заново отражало человека в непосредственном искреннем повествовании его о жизни. Внутренний мир героев, «отливаясь» в речи, приобретал необыкновенную определенность. В «Разбойнике» (1862) и «Воительнице» (1864), «Захудалом роде» и «Мелочах архиерейской жизни» (1878), «Штопальщике» (1882), «Тупейном художнике» и других произведениях автор только начинает повествование, а затем передает его герою. Те же люди и события как бы заново отражаются в рассказе героя. Этот фокус «двойного отражения» Лесков постиг в совершенстве.

Лесков был «с народом свой человек». И вот одна из заслуг художника: «простолюдина» он изобразил так, как этот «простолюдин» сам понимал и осознавал себя. Причина этому — особые обстоятельства. Многие герои Лескова — выходцы из крестьян и разночинцев, то есть тех сословий, которые стали подниматься к жизни в бурное время 60-х — 70-х годов XIX столетия. Почти все они только начинали сознавать свою самостоятельность. Эти люди, как правило, еще не могли осмыслить окружающее, но умели видеть и переживать по-своему. Даже то, что герои полностью не понимали, что они лишь смутно чувствовали, иногда проявлялось в высказываниях, как бы помимо их сознания. И как кстати был здесь их «собственный голос»! Действуя под влиянием сердечного

порыва, непосредственного «чистого чувства», они пытались выразить пестрые впечатления бытия столь же пестрой и непосредственной речью. Таковы Домна Платоновна («Воительница»), герой «Запечатленного ангела» каменщик Марк Александров, «очарованный странник» Иван Северьянович Флягин, штопальщик Лепутан и многие другие... Так, читая «Воительницу», мы будто слышим речь Домны Платоновны. Ясно предстает перед нами мещанка-кружевница, приживалка и «советчица», верящая в чудеса и нахватывавшаяся отовсюду суждений, рассуждений, понятий, представлений и мнений:

«Видишь, как удивительно это все случилось: видела я сон; вижу, будто приходит ко мне какой-то священник и приносит каравай, вот как, знаешь, в наших местах из каши из пшенной пекут. На, говорит, тебе, раба, каравай.— „Батюшка,— говорю,— на что же мне и к чему каравай?“ Так вот видишь, к чему он, этот каравай-то, вышел — к пропаже.

— Было это, друг мой, очень удивительно. Ты знаешь купчиху Кошеварову?

— Нет,— говорю,— не знаю.

— А не знаешь, и не надо. Мы с ней приятельницы, и то есть даже не совсем и приятельницы, потому что она женщина преехидная и довольно даже подлая, ну, а так себе, знаешь, вот вроде как с тобой, знакомы. Зашла я к ней так-то на свое несчастье вечером, да и засиделась. Все она, чтоб ей пусто было совсем, право, посиди да посиди, Домна Платоновна. Все ведь с жиру-то чем убивалась? что муж ее не ревнует, а чего ревновать, когда с рожки она престрашная и язык у нее такой пребольший, как у попугая. Рассказывает, болели у нее зубы, да лекарь велел ей поставить пиявицу врачебную к зубу, а фершалов мальчик ей эту пиявицу к языку припустил, и пошел у нее с тех пор в языке опух. Опять же таки у

меня в этот вечер и дело было: к Пяти углам надо было в один дом сбегать к купцу — жениться тоже хочет; но она, эта Кошевериха, не пускает».

Вся ее с начала до конца стилизованная речь передает дух мещанской среды. Самое содержание этой болтовни, строй мыслей подсказывает, что она за человек. Домна Платоновна придает здесь пророческое значение снам, у

нее нет каких-либо устойчивых понятий о благородстве отношений: она называет свою знакомую «приятельницей» и тут же говорит о ней, как о «женщине преехидной и довольно даже подлой». Из ее слов можно догадаться о ее «профессии»: «Надо было в один дом сбегать к купцу — жениться тоже хочет».

В речи «воительницы» пестро смешиваются слова церковного обихода (не в простонародном их употреблении!): *испытуешь, священник* (не поп или батюшка) и слова, и словосочетания аффектно-фамильярной лексики: *преехидная; довольно даже подлая; с жиру-то чем убивалась; с рожки она престрашная*; слова эти встречаются наряду с профессионализмами в просторечном их употреблении: *фершал* (фельдшер), *пиявица врачебная* (врачебная пиявка), *опух* (опухоль), *плипорция* (пропорция) и т. д. Ее речь насыщена эмоционально-экспрессивными словечками: *неужели ж таки; и то есть даже не совсем; ну, а так себе; вот вроде как; да и; опять же таки и т. п.* Словечки эти переплетаются с тавтологией, фонетической омонимией, словесными повторами: *таки-такая я грешница; из каши из пшенной; ревмя реву; жду-жду; бегла, бегла; чуня-чуней.*

Широким потоком льются из ее уст пословицы: *черта в ступе, вот чего недостает; надоело играть косточкой, покатай желвачок; пригонит нужда и к поганой луже; холеной неженке первый снежок труден; чтоб ей пусто было. Наконец, свойственные только ей образные высказывания (пиявицу к языку припустил; в голове засточертело; в голове-то у меня чертополох пошел и т. д.)* придают особый

вкус ее слогу. В этой речи — весь человек в его социально-историческом и индивидуальном проявлении.

Писатель пристально интересовался историей, этнографией, фольклором. «Лесков пользовался не только книжным материалом, — вспомнил Ф. Де-ла-Барт. — Он старательно изучал на месте ту среду, которую изобразил

в „Соборях“ и „Мелочах архиерейской жизни“, в „Полунощниках“ и других романах и повестях. У него на дому можно было встретить и старообрядцев, и хлыстов, и монахов, и богомольцев, якобы возвращавшихся с Афона и Иерусалима» («Известия Общества славянской культуры». Т. II, кв. 1, М., 1913). Особенно привлекали его внимание поверья, житейские побасенки, истории и легенды, которые отражали представления тех людей, среди которых они бытовали. Некоторые его произведения приобретают форму сказа, словно «записанного» устного рассказа, выдержанного в народном духе. Разговорная речь здесь как бы вбирает в себя народно-повествовательные традиции («Левша», «Леон, дворецкий сын» и многое др.). Ведь Лесков считал: чтобы верно судить о людях и их характерах, «на них только и можно смотреть глазами той именно среды, где они чудотворят».

Рассказчик Лескова — почти всегда выходец из народа — не мог не пользоваться богатейшей кладовой народной мудрости и народного опыта — прибаутками, пословицами, короткими сказками, анекдотами. И отмечая вымышленность многих фольклорных историек, писатель утверждал, что в них «всегда сильно и ярко обозначается настроение умов и вкусов». Некоторые из произведений Лескова сплошь построены на анекдотах, на коротких рассказах с напряженным развитием действия и неожиданной развязкой. Среди них сказ о Левше, «Записки неизвестного», «Мелочи архиерейской жизни», «Леон, дворецкий сын» и др. Иногда один и тот же анекдот, рассказываемый каждый раз по-новому разными людьми ос-

вещает отраженное в нем событие с разных сторон. Это одновременно дает наглядное представление о каждом из рассказчиков (Импровизаторы).

Анекдот придавал речи рассказчика характер напряженности и органически входил в тот необычный «разнопестрый» стиль, которому сам писатель невольно подражал в речи от автора. «Он словно не мог иначе думать, как только при посредстве фактов из жизни, разных случаев, образов, запечатлевшихся в его восприимчивой памяти...» (А. Фаресов.— «Исторический вестник», 1879, март). Эта «привычка» понятна. Нейтральная литературная речь звучала бы странно и отчужденно рядом с витиеватой, трепещущей живыми оборотами речью своеобразных героев — чудаков, оригиналов, праведников. «Ог себя самого я говорю языком старинных сказок и церковно-народным в чисто литературной речи», — признавался он.

Народный взгляд на события, отношение к людям, вещам передается в речи героев характерным «простонародным» переименованием слов, например в сказе о Левше и стальной блохе: буреметр, нимфазория, мелкоскоп, свистовые казаки [вестовые]. Совсем не случайно *документ*, например, назван *тугаментом*. Крестьянам нередко приходилось *туго* от всевозможных бумаг, в значении которых они часто не разбирались, чем бывало пользовались чиновники и прочие должностные лица. Или совсем не случайно *фельетон* переделан в *клеветон*, а *таблица умножения*, в *долбицу умножения*. Дело не только в том, что эта таблица заучивалась наизусть, но и в общем отношении к школе, которая, как известно, была школой «зубрежки и муштры». А сколь колоритна народная этимология в сказе «Леон, дворецкий сын»! Здесь перелицовка слов, названий должностных лиц ясно показывает общественную оценку этих лиц рассказчиком: *хан-фрау*, вероятно от слова *ханать* — вульгарное «загрывать, воровать». Не менее характерна перелицовка слова *пропаганда* в *пропуганду* (от слова *пугать*) и т. п. Повествование в этих сказах по характеру передачи событий часто отзывается наивностью рассказчика в понимании общественных отношений (в том же «Леоне...» рассказчик с наивной симпатией относится к императору), но через стиль проступают черты трезвой народной оценки событий и людей.

Биеие пульса разговорной речи Лесков иногда передавал ритмизированной прозой. Мы чувствуем ритм в мо-

пологах порывистой, экзальтированной Манички Норк и как бы в противовес им воспринимаем подчеркнуто обыденные интонации Истомина (Островитяне). Еще более характерны легенды, писанные по материалам Пролога. Здесь ритмическая речь положительных персонажей помогала верной обрисовке героев того времени, подлинные черты которого неясно просматривались на скрижалях истории. Это способствовало образованию «соответственного старинному сказанию эпического стиля» (Н. С. Лесков. Письмо В. М. Лаврову, 20 июля 1889). При этом ритмы, прорывающиеся в монологах героев, выглядели совершенно в духе повествования, и эмоциональный настрой их соответствовал характерам Нефоры (Гора), Прекрасной Азы (в одноименной легенде), Фалалея и Тении (Аскалонский злодей) и т. п. «Я добивался „музыкальности“, которая идет к сюжету как речитатив», — писал Лесков о легендах (Письмо С. Н. Шубинскому, 2 июня 1890).

Лукаво-насмешливый тон лесковского юмора, язвительность сатиры находили у него сообразный словесный облик. Мы грустно улыбаемся, читая «Смех и горе», смеемся «сквозь слезы» в сказе о Левше, ощущаем скрытое негодование в «Полунощниках», «Мелочах архиерейской жизни», «Административной грации» и «Загоне». Стиль его сатиры имеет свои приметы. Среди них нередко — несоответствие слов предмету. Так, жандармский офицер назван «голубым купидоном»; провокатор, доносчик, он изысканно вежлив, речь его полна извинений и часто сопровождается безобидным присловием «простенько, но мило». Отчетливо видно в иных произведениях то «столкновение» стилей, которое само по себе рождает комический эффект (Заметки неизвестного, Старинные психопаты). Возвышенный стиль появляется там, где речь идет о весьма прозаических вещах; тем самым пародируется содержание сказанного.

Лесков тщательно добивался «соответствия слов предмету» и ратовал за то, чтобы «беречь наш прекрасный язык от порчи». Он не считал «хорошими и пригодными» иностранные слова, если только их можно было заменить чисто русскими или более обруселыми. Он понимал, что главное — «дух языка», что исконная, кондовая речь, в которой схвачен образ мыслей и чувств народа, не может быть вполне передана в переводе на язык иностранный. Одному из переводчиков сказа о Левше на немецкий язык он писал следующее: «Тут знания немецкого просторечия не-

достаточно. Что вы сделаете с созвучиями и игрой слов: „клеветон“ вместо *фельетон*, „спираль“ вместо *спертый воздух*, „досадная укушетка“ и т. п. Конечно, что-нибудь выйдет, но общего тона такой вещи передать на ином языке нельзя». Бережное отношение к русскому языку было неизменным правилом Лескова.

Лесков любил Русь и надеялся видеть ее народ единым и сильным. Горько переживал он социальную разобщенность своих соотечественников и поэтому так страстно выступал против любых столкновений в обществе, против «направленчества», не желая видеть неизбежности этих социальных столкновений. Во всем пытался он найти предлог для объединения русского народа, именно с этим связано творческое стремление писателя как бы слить воедино разные стили, обнаружить в художественном произведении стихию языка общенародного. Предоставив слово героям из народа, писатель способствовал дальнейшему обогащению нашего литературного языка. А. М. Горький очень верно назвал Лескова «волшебником слова» и постоянно советовал учиться у него подлинно художественной речи.

Кандидат филологических наук
В. Ю. ТРОИЦКИЙ

«В писателе чрезвычайно ценен его собственный голос, которым он говорит в своих произведениях от себя. Если его нет, то и разрабатывать, значит, нечего. Но если этот свой голос есть и поставлен он правильно, то как бы ни были скромны его качества, возможна работа над ним и повышение, улучшение его тона. Но если человек поет не своим голосом, а тянет петухом, фальцетом, собственный же голос у него куда-то запрятан, подменен чужим — дело безнадежно. Я знаю, например, каким голосом говорят... Гаршин, Достоевский или Тургенев. Я живо представляю себе, как говорит у них каждый их герой. Это верный признак талантливости писателя. Но этот-то, собственный, голос вы найдете далеко не у всякого писателя...».

1890-е годы. Запись А. Н. Лескова

«ЛЕВША»

В АНГЛИЙСКОМ ПЛАТЬЕ

Все познается в сравнении. Оригиналу произведения больше ценишь, узнав, как он звучит в переводе на другой язык.

Сравним два текста: «Когда император Александр Павлович окончил венский совет, он захотел поехать по Европе посмотреть, что покажут ему различные страны. Он поехал во многие страны, был очень дружелюбен и вел сердечные беседы с разными людьми; у всех у них было чем поразить его и склонить на свою сторону, но с ним

был донской казак, по фамилии Платов, которому все эти дела не нравились; Платов хотел вернуться домой, в свой хутор на Дону, и он все время просил царя вернуться в Россию» и «Когда император Александр Павлович окончил венский совет, то он захотел по Европе проездиться и в разных государствах чудес посмотреть. Объездил он все страны и везде через свою ласковость всегда имел самые междуособные разговоры со всякими людьми, и все его чем-нибудь удивляли и на свою сторону преклонить хотели, но при нем был донской казак Платов, который этого склонения не любил и, скучая по своему хозяйству, все государя домой манил».

Разница, как говорится, бьет в глаза: в первом случае дана русская «калька» английского перевода Джорджа Ганна (N. Leskov. Lefty. Translated by George Hanna. Progress publishers. Moscow, 1965), во втором — стилизованная в духе сказа речь рассказчика, ритмизованная, даже с рифмой (не любил... домой манил), в меру украшенная простонародными оборотами (через свою ласковость), фольклорного типа выражениями (междуособные разговоры), синонимическими повторами (проездиться... объездил) и каламбурами (преклонить хотели... Платов этого склонения не любил).

Куда исчезло у английского переводчика это лексико-синтаксическое и интонационное богатство? Отбросив его начисто, Джордж Ганна дал взамен правильный гладкий английский язык, «усредненностью» которого Лесков-языкотворец низведен до уровня лощеного автора слегка забавных историй.

Конечно, Лескова переводить в известном смысле даже труднее, чем Л. Толстого и Достоевского, потому что стиль его особенно богат диалектными речениями, тем словесным «узорочьем», которое не вмещается ни в какие словари русского языка. Своей цветистостью стиль «Левши» напоминает о ладах русских гармоник, о росписях Хохломы, Палеха или Городца. Он опирается на народные сказки, легенды, пословицы и поговорки. Он похож на лубок, только поднятый до уровня классической литературы.

«„Левша“ — это сказ, форма повествовательной прозы, которая в своей лексике, синтаксисе и подборе интонаций обнаруживает установку на устную речь рассказчика». В повести два основных стилевых слоя: главный — повествование анонимного рассказчика, предположительно, старого тульского мастера, второй — речь от автора. Стилиевые

пласты как бы накладываются друг на друга; писатель обогащает свой язык народной речью, а рассказчик, хотя и «в науках не зашелся», не прочь блеснуть образованностью; в результате — сложная и многообразная игра смыслов, значений, семантических оттенков в словах и фразеологизмах повести.

Язык «Левши» — такой же герой этой «баснословной легенды», как и сам сказочный тульский мастер. Ибо этому языку в художественном мире повести подчиняется все. Забавно читать, например, как русские императоры Александр I и Николай I говорят слогом и складом сестрорецких мастеровых: неужто, супротив вас, пустяковина, аглицкая блоха. Речь снижает образы царей, они делаются смешными и глупыми, хотя рассказчик исполнен почтения к ним. Сам Лесков отмечает, что его вещь написана «не дерзко, а ласково, хотя не без некоторой правды в глаза». Ласковость тут своеобразная, она слита с иронией, то ядовитой, то добродушной.

Что значат, например, все эти «нимфозории», «буреметры», «клеветоны», «валдахины» и «аболоны полведерские»? В этих словах целый спектр значений. Тут и лукавое остроумие русского человека, его умение бойким словом заклеить славно то, что достойно осмеяния. И лингвистическое чутье, и стремление пустить пыль в глаза, и улыбка над своим собственным невежеством.

В ответ на дружескую критику англичан (которые по-русски знают не хуже заправских русаков) Левша отвечает: «Об этом спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные». Много смешного в этой фразе: своеобразные простонародные конструкции, неуместное сцепление двух разнородных мыслей (тут явно ощутима карикатура на славянофильство, хотя повести в целом и присущи славянофильские тенденции). Здесь и трогательный пафос искренней любви трудового человека к родной земле. Где надо, ирония языка помогает смягчить и даже опозитизировать житейскую прозу. «Потная спираль» в избе Левши — малоэстетичное явление, но читатель «упивается» в данном случае не столько им (хотя и оно ловко обыграно в гротескно-смеховом плане), сколько врезающимся в память неологизмом просторечного типа.

Сказовая манера Лескова складывается из нескольких компонентов. Тут характерное для живой русской речи вынесение сказуемого в конец предложения, обилие просторечий (проездитья, без перестачи, коченелая, волосья,

пользительнее, дерябнул, будут ноги остекливши, на закорки), архаизмы (повалилися, раны приял за отечество, в постыждении не будет). Часто встречаются нарушения норм литературного синтаксиса, граничащие подчас с абсурдом, алогизмом, что как раз и придает стилю неподражаемый комический колорит: «Платов держит свою ажидацию, что для него все ничего не значит»; «им завертело»; «человек у них себе все абсолютные обстоятельства перед собой имеет»; «те в этих примерах выросли». Видимое косноязычие таких фраз по существу артистично, в них ощутимы и добродушная пародия на живой народный язык и любование им.

Специфически «ремесленную» окраску придают стилю «Левши» слова и выражения, характерные, очевидно, для русского мастерового человека, лукавого, бойкого, поднаторевшего в городской культуре: «этому удивляться с одним восторгом чувств не следует»; «хотели прямо свое смелое воображение исполнить»; «умом виляет»; «чтоб ни одна минута для русской полезности не пропадала»; «у вас никаких экстренных праздников нет».

Но что особенно показательно для лесковского стиля — это его «неологизмы». Так причудливы, неожиданны и вместе с тем понятны все эти лесковские «непромокабли», «тужурные жилетки», «верояции», «тугамент» (для наглядности показанный фарсовым жестом), «досадная укушетка», «свистовой», «потная спираль», «долбица умножения», «полшкипер», «часы с трепетиром» и т. п. Само собой разумеется, такие словесные курьезы не звучали бы вне системы всех других стилистических приемов Лескова, с которыми они образуют органическое единство. Но их ведущая роль в стиле несомненна.

В начале заметки мы уже дали пример того, как обедняется и тем самым искажается стиль Лескова в переводе на английский язык Джорджа Ганна. Но прежде чем продолжить разговор о последнем, обратим внимание на одно любопытное издание, вышедшее в США в годы второй мировой войны, когда интерес и симпатии ко всему русскому в Америке были велики. Книжка называется «Стальная блоха. Повесть Н. Лескова, обработана Бабеттой Дейч и Абрамом Ярмолинским». «Переделыватели» проявили, правда, в скромных пределах, некоторое языковое чутье, в речь героев повести они вводят изредка американо-английские просторечия: *this pistol doesn't unscgew* (этот пистолет не отворяется), *matey* (дружище)

и т. п. Оправдано вполне и введение такой русской реалии, как kaftan, тем более, что по облику своему это слово легко приспособливается к английской речи. Но таких удач крайне мало. Тульские мастера обращаются к Платову: little father (маленький отец). Как догадаться, что «маленький отец» — это «ба-тюшка»? С сюжетом повести обработчики просто обошлись беспшибанно. По их воле Платов и Левша с подкованной блохой скачут мимо Петербурга в Англию, причем их тройка одним прыжком перемахнула через Ламанш. В финале — типичный для американской буржуазной литературы «хэппи энд»: благополучное возвращение Левши в Тулу и всеобщее веселье. Исковерканный сюжет, фальсифицированное содержание приведены в соответствие со стилем, обедненным и упрощенным, если не считать немногих исключений.

В отличие от американцев Джордж Ганна не допускает таких вольностей в обращении с текстом «Левши». Единственная ошибка, допущенная им в передаче смысла, касается части одной фразы из 3-й главы. У Лескова читаем: «потому они совсем разных мыслей сделались», Ганна переводит: «for their minds were filled with endless ideas» (ибо их головы были полны бесчисленных мыслей). За этим явным исключением, переводчик правильно передает общий (точнее говоря, абстрактный, логический) смысл всех предложений повести. Но полный отказ от передачи стилового своеобразия сказа слишком уж очевиден.

Лесковский Левша щеголяет в драмом кафтане, казакине или «озямчике». В английском тексте герой неизменно облачен в некое безличное одеяние — coat, что может означать 'пиджак', 'китель', 'пальто', — все, кроме подлинной одежды русского мастерового начала XIX века. Столь же не везет и «аглицкой» одежде; в переводе это

и т. п. Оправдано вполне и введение такой русской реалии, как kaftan, тем более, что по облику своему это слово легко приспособливается к английской речи. Но таких удач крайне мало. Тульские мастера обращаются к Платову: little father (маленький отец). Как догадаться, что «маленький отец» — это «ба-тюшка»? С сюжетом повести обработчики просто обошлись беспшибанно. По их воле Платов и Левша с подкованной блохой скачут мимо Петербурга в Англию, причем их тройка одним прыжком перемахнула через Ламанш. В финале — типичный для американской буржуазной литературы «хэппи энд»: благополучное возвращение Левши в Тулу и всеобщее веселье. Исковерканный сюжет, фальсифицированное содержание приведены в соответствие со стилем, обедненным и упрощенным, если не считать немногих исключений.

Лесковский Левша щеголяет в драмом кафтане, казакине или «озямчике». В английском тексте герой неизменно облачен в некое безличное одеяние — coat, что может означать 'пиджак', 'китель', 'пальто', — все, кроме подлинной одежды русского мастерового начала XIX века. Столь же не везет и «аглицкой» одежде; в переводе это

прилагательное всюду заменено нейтральным English (английский). Исчезли «циглеты», «мерблюзьи мантоны», «смолевые непромокабли» и «байковое пальто с ветряной нахлобучкой». Появились «кожаные ботинки» (leather boots), «пальто из верблюжьей шерсти», «ватерпруфы» и «шерстяное пальто с капюшоном». «Золотая словесная грудка» разом потускнела, превратилась в набор скучно-правильных слов и выражений. «Нимфозорния» стала на-секомым, «тугамент» — документом, «опорочки» — стоптанными сапогами, «клеветон» — описанием, «буреметр» — барометром, «кунсткамера» — музеем. Загадочная «Канделябрия» обернулась простой Калабрией, «обезьяна сапажу» стала безликой «маленькой обезьяной», а «Тверди-земное» море вообще утратило свое имя.

По милости переводчика Левша стал изъясняться литературно. Он больше не жалуется, что на корабле у него «от колтыхания морская свинка делается». Нет, он изрекает лаконично, как подобает англичанину: «У меня морская болезнь». В Европе тульский мастер не поет залихватски «се тре жули», но на чистом французском языке выводит «C'est très joli!»

Не больше повезло и лесковским англичанам. В повести они владеют русской речью ничуть не хуже любого россиянина — таковы законы народного сказа. Пьяница — «полшкипер», пытаюсь спасти Левшу, «шумит» графу Клейнмихелю: «у него хоть и шуба овечкина, так душа человечкина». Кстати, эти слова о «душе человечкиной» повторяются в конце повести, они подчеркивают гуманистическую идею произведения и завершают его в той стилевой тональности, которая задана началом сказа. «Обангличанившийся» англичанин выспиренне вопрошает: «Разве у него нет человеческой души под поношенным пальто?» (Hasn't he got a human soul under a ragged coat?).

Да, английская одежда, изготовленная переводчиком, мешает Левше и всем героям повести.

Какие же выводы можно сделать из сказанного? Одно ясно: «стальная блоха» еще не подкована англичанами. Чтобы провести эту сверхтонкую операцию, им нужно тщательнейшим образом изучить стиль сказа. Только тогда англоязычный читатель познакомится с подлинным Левшой.

В. С. ВАХРУШЕВ

УДЕРЖАТЬ СТРОЙ ... НАРОДНОЙ РЕЧИ

Лескова-писателя знают все, Лесков-переводчик известен немногим. Это и естественно, так как в его литературном наследии переводы занимают весьма скромное место. Однако и здесь можно отметить определенную закономерность: большинство из них свидетельствует об устойчивом интересе писателя к славянским литературам. Выбор вещей для перевода по их тематике, социальной сфере изображения, человеческим характеристам всегда соответствует направлению собственного творчества Лескова, а его переводческие приемы прямым образом соотносятся с индивидуальным стилем. Эти черты обнаруживаются уже на примере одного из первых

опытов подобной работы — переводе Лесковым сказки «О двенадцати месяцах», вышедшей из-под пера прославленной чешской писательницы Божены Немцовой. Перевод

был опубликован в петербургской газете «Северная пчела» 8 апреля 1863 года и подписан псевдонимом: М. Стебницкий.

Сказка эта общеизвестна. Однако за пределами Чехословакии ее редко связывают с именем Немцовой. По признанию самой Немцовой, сказка была записана ею в 1853 году в Дъярмотах (Словакия) «от служанки Марки, происходившей из окрестностей Тренчина», и писательница перевела ее на чешский язык, «строго держась оригинала».

В подстрочном примечании «От переводчика» Лесков пишет: «Pohádka „Odvanácti měsíčkách“ записана известной чешской писательницей Божей Немцовой с уст народных и напечатана в литературном сборнике, изданном в Праге под названием Lada — Niola. В переводе по возможности удержан строй народной речи, неподражаемо верно переданный в оригинале».

Лескову в общем удалось выполнить поставленную задачу: перевод обладает определенными достоинствами. Они особенно рельефны при сопоставлении этого перевода с переводом той же самой сказки на русский язык, напечатанным в 1859 году в журнале «Иллюстрация» под названием «Легенда о двенадцати месяцах. Богемская сказка» (без указания имени Немцовой и фамилии переводчика).

По-видимому, переводчик из «Иллюстрации» пользовался не чешским оригиналом, а очень точным немецким переводом, вышедшим в Лейпциге в 1857 году. Но сам он значительно отошел от основного текста. Сохранив сюжет, троичность действия, и образы чудесных помощников, он изменил многие художественные детали и преднамеренно олитературил язык. Подобная тенденция была характерна при издании сказок в середине прошлого века, когда, по словам А. Н. Пыпина, «не умели выдержать народного колорита, или, не довольствуясь простотой сказки, переиначивали ее содержание» («Отечественные записки», 1856, № 4).

Так, в «Легенде» полностью утрачен словацкий народный колорит, даже имена героинь Марушки и Голены изменены на французский лад: Магдалина и Элоиза. Искажена и социальная окраска сказки: персонажи ее не бедные сельские жители, а люди достаточно обеспеченные. Повествование ведется с помощью трафаретных выражений, свойственных третьеразрядной литературе: блеск

голубых глаз; свежий ротик; золотистый цвет волос; хорошенькая фигурка; прекрасна и скромна, как цветок, который не знает своих достоинств и т. п.

Принципиально иным по заданию и глубинному смыслу предстает перевод Лескова. Главное достоинство его перевода заключается в верности самому духу оригинала. Это выражается в строго последовательной передаче содержания без какой бы то ни было «отсебятины», в том, что переводчик последовательно заменяет чешские выражения эквивалентными русскими не только по смыслу, но и по звучанию, в том, наконец, что он передает свойственный чешской фразе лаконизм, используя соответственные русские синтаксические конструкции, и это придает необходимую динамичность русскому тексту.

Лесков находит нужные средства для передачи национального колорита сказки и последовательно показывает ее связь с крестьянским миром. Так, он оставляет в неприкосновенности личные имена девушек-словачек Марушки и Голены, там, где считает нужным, вводит в свой текст параллельно русским словацкие слова, как они даны у Немцовой: *сечен* 'наш январь', *вагра* 'костер', *патык* 'посох'. А наименования растений он счел нужным дать вовсе без перевода: «Цвела туранка, краснелись клинчоки, в долинах — есенка, под буками росли высокие капради и густой зимозелень».

Что касается социального, крестьянского колорита сказки, то он оттенен не только достаточно отчетливо, но местами даже усилен по сравнению с оригиналом. Как и у Немцовой, падчерица Марушка представлена в круговерти домашних дел женщины-крестьянки. Она прибирает в хате, варит, моет, шьет, прядет и ткет. Но если в оригинале она «носит траву», то у Лескова еще конкретнее: «косит». В отношении ухода за коровой — одной! (заметим, что переводчик «Легенды» наделил семью большим количеством домашнего скота), вся совокупность хлопот героини о кормилице крестьянской семьи у Лескова выражена сильной, чисто народной формулировкой: «И за коровой сама ходила, все ей припасала и все около нее обряжала».

Связь содержания сказки с народным укладом жизни подчеркнута и соответствующим отбором лексики и фразеологии. В простом разговорном языке своего времени Лесков находит все, чтобы передать живые непринужденные

пассажи оригинала. Он удачно использует общий для русских и чехов словарь: *hleděti* (глядеть), *neznala svoji krásu* (не знала своей красоты) и т. д. Он отбирает эквивалентные чешским эмоционально наполненные выражения русского языка: *nemohla ani pomyslit* (не могла придумать), *ubohe Marušky spřostiti* (сбыться бедной Марушки), *kterak to je, že se matera tak velmi na ni jeduje* (за что мачеха так на нее естся), *Takových trápení si na ne vumyslily* (такое ей загадывали) и т. п.

Многие из приведенных примеров показывают, как Лесков конкретно решал задачу перевода с родственного славянского языка. Отметим, например, что глагол *загадывать* в приведенном выше значении более всего характерен для речи жителей юга России и Украины. В Картоотеке Словаря современного русского литературного языка (Институт языкознания АН СССР, Ленинградское отделение) даны такие значения этого слова — ‘заставляли делать’, ‘давали задание’. Там же приведена ссылка на Словарь Буркаша: «В Малороссии так называют объявление мужикам наряда на работу». Отметим, что слово *загадывать* встречается и в художественной литературе в языке лиц, связанных с Украиной, например в романе Г. П. Данилевского «Беглые в Новороссии»: «Раз и моей Варьке загадали идти до той молотилки».

С еще большей уверенностью можно отнести к украинизмам глаголы *сбыться* и *естся*. Первый из них в его чистой украинской форме *збуватися* — *збутися* зарегистрирован в «Украино-русском словаре» И. Н. Кириченко, причем в значениях, близких тому, которое видим в переводе Лескова: *второй* — *їстися* в значении ‘ссориться’ приведен в «Словаре украинского языка» Б. Д. Гринченко. В упомянутой выше Картоотеке даны указания на распространение этого глагола по югу России, в частности он встречается в речи населения Краснодарской области: *естся* ‘браниться’. Наличие этих и подобных слов в переводе указывает на то, что Лесков стремился соблюсти «славянский колорит» подлинника также и путем внесения в свою работу такой лексики, которая была понятна русским читателям и в то же время имела, как ему казалось, общеславянский «привкус».

Перевод сказки «О двенадцати месяцах» занимает безусловно скромное место в творчестве Лескова, но вместе с тем представляет одно из звеньев формирования и последующего развития его стилистической системы. В ря-

ду других ранних творческих опытов писателя перевод сказки позволяет понять, как именно складывалась эта система, лексическую основу которой составили богатства не только русского народного языка, но и братских славянских языков. Первые опыты получают развитие в дальнейшем творчестве писателя — неповторимо своеобразного мастера русского литературного языка, кудесника художественного слова.

Т. С. КАРСКАЯ

«...Вообще я не считаю хорошим и пригодным иностранные слова, если только их можно заменить чисто русскими или более обруселыми. Надо беречь наш богатый и прекрасный язык от порчи, в которой все вы виноваты сугубо,— сугубо потому, что вам так нетрудно было заговорить на нем хорошо...».

Н. С. Лесков. Из письма к А. И. Пейкер, 1878

«Художественность состоит в том, чтобы каждое слово было не только у места,— чтобы оно было необходимо, неизбежно и чтоб как можно было меньше слов. Без сжатости нет художественности. Поэзия тем и отличается от прозы, что берет лишь самые существенные черты, и берет их так удачно, что они во всей полноте рисуются перед воображением читателя с двух, с трех слов гениального писателя. На пяти или десяти страницах описать лицо так, чтобы можно было знать все его приметы,— это сумеет сделать самый бездарный прозаик. Нет, вы художник только тогда, когда вам нужно всего пять строк, чтобы возбудить в воображении читателя такое же полное представление о предмете. Пустословие может быть очень милым, изящным пустословием, но с художественностью не имеет оно ничего общего. Поэзия и болтовня — вещи противоположные. Сущность поэзии в том, чтобы концентрировать содержание; разведение водой убивает ее».

Н. Г. Чернышевский

К 145-летию со дня рождения

СТИЛЬ СКАЗКИ «КОНЯГА»

М. Е. Салтыкова-Щедрина

Литературное наследие Салтыкова-Щедрина огромно. Вся русская общественная жизнь 40-х — 80-х годов XIX века отражена в его произведениях. Отношение автора к героям определялось его позицией революционного демократа, патриота, горячо сочувствующего нищему и бесправному люду и страстно ненавидящего его притеснителей и разорителей.

Если в романах, очерках, драматических произведениях 60—70-х годов сатирик зло высмеивал помпадуров, угрюм-бурчеевых, колупаевых и тем служил своему народу, то в середине 80-х годов его все больше влечет к себе сама «страдательная среда», те, кто «одят лебеду». Они не только становятся героями произведений писателя, но в них он хочет видеть и своих единомышленников. Он стремится расширить круг читателей и обращается непосредственно к тем, кто неотступно владел его умом и сердцем. Сказка, этот доступный народу и любимый им жанр, помогала Салтыкову-Щедрина приблизиться к многомиллионным читателям.

Писатель видел в народе богатырские силы, понимал, что только сам народ может определить свою судьбу. Но Салтыков-Щедрин никогда не льстил крестьянству. С горечью писал он о невежестве, пассивности масс, об их покорности властям.

Свои гражданские думы и чувства, острую злободневную проблематику Щедрин облакал в высокохудожественную форму, используя не только сокровищницу народной речи, но и все богатство выразительных и изобразительных средств литературного языка.

Сплетение различных стилей в одном произведении составляет своеобразие художественной ткани сказок Салтыкова-Щедрина. Богатство и актуальность проблематики, авторская страстность и публицистичность, мастерское использование стилей как литературного, так и разговорного языка отличают эти произведения от их прообраза — народной сказки. Традиционный эпический жанр под пером художника превращается в злободневную политическую сатиру.

Одно из самых известных и читаемых нашими современниками произведений Салтыкова-Щедрина — сказка «Коняга». В ней сконцентрированы многолетние горькие думы писателя о судьбах

русского крестьянства, его прошлом, настоящем и будущем. Безысходность жизни российского пореформенного крестьянства Салтыков-Щедрин воплотил в образе рабочей лошади, дав ей меткое и выразительное имя Коняга. Обращение к образу животного, обусловленное сказочным жанром, позволило художнику резче провести мысль о нечеловеческом существовании рабочего люда России.

Повествование открывается описанием конягного житья. Сдержанно, будто бы беспристрастно рисует художник в экспозиции «портрет», голодное существование, непосильный труд своего «героя». Вот он и его хозяин за работой: «...Выедут оба с сохой в поле: ну, милый, упирайся! — услышит Коняга знакомый окрик и понимает. Всем своим жалким остовом вытянется, передними ногами упирается, задними — забирает, морду к груди пригнет. Ну, каторжный, вывози! А за сохой сам мужичок грудью напирает, руками, словно клещами, в соху впился, ногами в комьях земли грузнет, глазами следит, как бы соха не слукавила, огреха бы не дала».

Эта картина оставляет у читателя почти физическое ощущение крайнего напряжения сил крестьянина и его верного кормильца — Коняги.

Какими же средствами достигает этого художник? Язык приведенного отрывка, как и всей экспозиции, прост, все слова и определения точны, конкретны, взяты из народно-разговорной речи: «Коняга — обыкновенный мужичий живот, замученный, побитый, узкогрудый, с выпяченными ребрами и обожженными плечами, с разбитыми ногами». То же самое можно сказать и о глаголах. Художник отбирает такие глаголы действия, которые заключают в себе образность, экспрессию: «грудью напирает»; «руками... в соху впился, ногами в комьях земли грузнет».

Для раскрытия картины каторжного житья мужика и Коняги Щедрин использует и просторечие, и авторскую речь. Экспозицию писатель заключает словами: «Пройдут борозду из конца в конец — и оба дрожат: вот она, смерть, пришла! Обоим смерть — и Коняге, и мужику; каждый день смерть». Экспозиция сменяется пространым описанием сельского пейзажа — бескрайних полей: «Нет конца полям; всю ширь и даль они заполнили; даже там, где земля с небом слилась, там все поля».

Казалось бы типичный русский пейзаж, который привлекал к себе многих художников — и живописцев, и поэтов, и писателей. Вспомним хотя бы у Тургенева в «Отцах и детях»: «поля, все поля тянулись вплоть до самого небосклона, то слегка вздымаясь, то опускаясь снова...». Но восприятие одного и того же предмета, одной и той же картины (природы) зависит от позиции восприни-

мающего. У автора «Коняги» бесконечное пространство полей — это злая сила, засасывающая, поглощающая человека, маленького и беспомощного: «...Нет конца полям; всю ширь и даль они заполнили; даже там, где земля с небом слилась, и там все поля. Золотящиеся, зеленеющие, обнаженные — они железными кольцами охватили деревню, и нет у нее пикуда выхода, кроме как в эту зияющую бездну полей».

Так, характерная особенность русского пейзажа — простор полей, в которой обычно художники видели символ воли, «врачующее» начало, в восприятии Салтыкова-Щедрина, сила злоедающая, враждебная, враждебная Коняге, потому что она олицетворяет для него бесконечный каторжный труд. Это ему представляется поле ненасытным чудовищем, которое «давит его, отнимает у него последние силы и все-таки не признает себя сытым». В этой основной части сказки и сконцентрированы безотрадные думы писателя-демократа о судьбах русского крестьянства, думы, вылившиеся в страстный лирический монолог. Иные художественные средства понадобились здесь Салтыкову-Щедрину — не просторечная лексика с ее конкретно-вещной образностью, а литературная, создающая высокий поэтический стиль: «зияющая бездна полей»; «солнце наполняет природу теплом и светом»; «(поле) цепенеющее под белым саваном».

Метафоричность — характернейшая черта поэтической речи — пронизывает авторский монолог. Она органична здесь, так как все стихии природы — и солнце, и дожди, и вьюги — воспринимаются несчастным Конягой как живые грозные существа. И прежде всего это, конечно, поля, которые от зари до зари обрабатывает Коняга. «Оно (поле) властно раскинулось вглубь и вширь, и не на борьбу с собою вызывает, а прямо берет в кабалу»; «Поле, как головоног, присосалось к нему бесчисленными щупальцами и не спускает его с урочной полосы».

Целостное восприятие этой картины создается единством лексики и речевого строя. «Из века в век цепенеет грозная, неподвижная громада полей, словно силу сказочную в плену у себя сторожит. Кто освободит эту силу из плена? Кто вызовет ее на свет? Двум существам выпала на долю эта задача: мужичку да Коняге. И оба от рождения до могилы над этой задачей бьются, пот проливают кровавый, а поле и поднесь своей сказочной силой не выдало...».

Здесь и метафорические глаголы (цепенеет громада полей), и слова высокого стиля (поднесь), но здесь же отметим и черты поэтического синтаксиса — риторические вопросы, инверсии (силу сказочную, пот кровавый), постановку глагола-сказуемого в конце предложения.

Инверсия позволяет автору выделить нужное слово и вместе с тем сообщает фразе элегическую тональность: «А поле и поднесь своей сказочной силы не выдало». Но не только расположением слов изменяется лирический настрой, создается необходимая музыкальность. Этому служат и повторы (двухкратные или трехкратные) синонимических или антонимических глаголов, существительных или прилагательных: «Ни разгадать его, ни покорить, ни истощить нельзя: сейчас оно помертвело, сейчас опять народилось»; «Нет для него ни благоухания, ни гармонии звуков, ни сочетания цветов; никаких ощущений он не знает, кроме ощущения боли, усталости и злосчастия».

Конец лирического монолога заключает в себе собственно раздумья автора над судьбой трудового человека, жизнь которого «запечатлена клеймом бесконечности». Прошлое народа — темная бездна, настоящее — тяжелый, изнуряющий труд. А будущее? Может, оно ответит на вопрос: откуда она пришла эта жизнь и куда идет? Но, может быть, и будущее будет столь же безучастным, как бездна прошлого? — заканчивает свои невеселые думы писатель. О будущем многострадального народа у Салтыкова-Щедрина не было оснований судить оптимистично в годы разгула реакции, в годы, когда еще не было «движения самих масс».

Третья (последняя) часть «Коняги» по стилю своему резко отличается от экспозиции и авторского монолога: мы найдем здесь образный строй народной сказки, типичные обороты ее, но наряду с этим и книжные выражения, использованные с пародийной целью.

Вот как будто бы характерный речевой строй народной сказки: «Жил, во времена оны, старый конь, и было у него два сына: Коняга и Пустопляс. Пустопляс был сын вежливый и чувствительный, а Коняга — неотесанный и бесчувственный». Но если попристальнее вчитаться в сказку Щедрина, то окажется, что его манера письма здесь очень близка к той, которая отличает крупные сатирические произведения Щедрина, отнюдь не сказочного характера.

Так, антонимические характеристики, которые дает сатирик двум братьям — Пустоплясу и Коняге, очень похожи на те, которые были в ходу у господ Головлевых и Затрапезных. Это там «вежливый» и «чувствительный» Порфирий Петрович, умевший подольститься к маменьке, загнал в гроб своих родных, в том числе и «неотесанного» и «бесчувственного» брата Степана.

В «Коняге» пустоплясы олицетворяют собой тех паразитов, которые, будучи освобождены от тяжелого физического труда, наслаждаются всеми благами жизни. Однако они не только живут трудами своего «брата», но и пытаются теоретически обосновать

справедливость такого паразитического существования. В целях высмеивания пустопорожних рассуждений о народе либералов всех мастей сатирик прибегает к пародированию их речей, пользуясь их же фразеологией. Один Пустопляс говорит о «здравом смысле» Коняги (народа); другой «о жизни духа и духе жизни» разглагольствует; третий, вероятно, толстовец, насчет совести прохаживается.

Конечно, современники узнавали в этих словесных формулах тех, против кого направлял свои острые стрелы сатирик. Срывания масок со всяческих философствующих захребетников Щедрина достигает соединением в их речи книжных выражений с грубоватым просторечием. Каждый из Пустоплясов понукает Конягу словами, вроде «Трудись, Коняга! Упирайся! Загребай!..». Этих слов нет в статьях «радетелей за народ», но они в самом характере их отношения к труженнику.

Более откровенно выражает мысль пустоплясов новый хозяин — буржуа. Его отношение к той среде, из которой он сам недавно вышел, лишено барской снисходительности: «Теперича хоть целое дерево об него обломай, а он все жив. Вон он лежит — кажется, и духу-то в нем нисколько не осталось, — а взбодри его хорошенько кнутом, он и опять ногами вывертывать пошел».

Как ни перекоряются либералы, как ни умствуют, не им с их «заботами» суждено изменить что-либо в жизни многострадального крестьянства. Салтыков-Щедрин верил, что сила народная несокрушима, что только двум существам — Мужикику да Коняге — выпала на долю задача освобождения из векового плена. Более определенно эта мысль выражена писателем в сказке «Ворон-челобитчик», где под «вороньим родом» подразумевается разоряемый народ: «Я на вороний род, как на каменную гору надеюсь».

И все же в ближайшем будущем никакого облегчения народной доли писатель не мог ожидать. Не случайно лейтмотивом сказки о Коняге является несколько раз повторяющаяся фраза: «н-но, каторжный, н-но!..». Ею и заканчивается сказка — произведение истинно художественное, выразительные и изобразительные средства языка в котором служат одной цели — глубокому постижению жизненной правды.

В. В. НИКОЛАЕВА
Ленинград

ДИАЛОГ

без авторского текста

Среди многочисленных и разнообразных средств создания художественного образа важное место занимает речевая характеристика и связанный с прямой речью авторский текст, уточняющий способ говорения, интонацию, мимику, жесты и т. п. Эти подробности обогащают характеристику персонажа и активизируют читателя. Авторский текст сосредоточивает внимание читателя на переживаниях героя в данный момент, отражает его первую реакцию на слова или действия собеседника, а таким образом передает и отношение к собеседнику и к действительности. У многих писателей (например у Достоевского, М. Горького, М. Шолохова, Ю. Казакова) авторский текст к прямой речи уже не второстепенное, дополнительное средство характеристики персонажа, а важное звено в его целостном создании.

Сознательное устранение авторского текста, намеренная подача диалога без каких бы то ни было авторских замечаний также всегда преследует определенные стилистические цели.

У некоторых авторов, например у М. Горького, несмотря на большой процент реплик без авторского текста (40 процентов в рассказе «Челкаш»), редко встречаются сплошные диалоги без авторского комментария к прямой речи. В «Челкаше» есть только четыре диалога, содержащие больше трех реплик без авторского текста. В этих диалогах М. Горький с большим мастерством использует живые интонации разговорной речи, противопоставляя мораль и характер Челкаша и Гаврилы, их темпераменты, он заставляет читателя додумывать подсказанные обстоятельствами подробности.

В «Войне и мире» Л. Толстого также есть небольшое количество диалогов без авторского текста. Они встречаются, как правило, в эпизодических сценах, охватывают четыре-пять реплик и имеют форму неполных или неразвернутых простых предложений. Так оформлены диалоги между Долоховым и Жарковым, Жарковым и офицерами, Ростовым и Багратионом, князем Андреем и императором Францем и др. В них воспроизводятся характерные для языка военных лаконизм и отрывистость.

- Сколько миль?
- Откуда и докуда, ваше величество?
- От Дюренштейна до Кремса.
- Три с половиною мили, ваше величество.
- Французы оставили левый берег?

Бросается в глаза то, что такие диалоги почти не используются Толстым в речи центральных героев. В этом специфика стиля Л. Толстого с его стремлением к целостному, подробному, всестороннему изображению и восприятию художественного образа.

У Достоевского, наоборот, встречается много диалогов без авторского текста. Это объясняется, с одной стороны, значительно большим местом прямой речи в общей композиции его романов по сравнению с романами Льва Толстого, с другой — внутренним драматизмом, характеризующим его стиль. Обычно диалоги без авторского текста у Достоевского имеют характер напряженного, нетерпеливого допроса («Преступление и наказание»). Таковы почти все диалоги, в которых Раскольников сам создает улики против себя.

- А вчера со двора выходили?
- Выходил.
- Большой?
- Больной.
- В котором часу?
- В восьмом часу вечера.
- А куда, позвольте спросить?
- По улице.

Своим лаконизмом, отрывистостью, резкой интонационной линией, трехкратным повтором одного и того же слова сперва с восходяще-вопросительной, потом с нисходяще-ответной интонацией (Большой? Больной) этот разговор звучит так угрожающе напряженно, что читатель ждет уже трагической развязки.

В статье «Поэтический строй языка в романах Достоевского» А. В. Чичерин остроумно разграничивает три типа диалога у Достоевского: 1) диалог-допрос; 2) диалог — «исповедь горячего сердца» и 3) диалог полного взаимного понимания (сб. «Творчество Достоевского». М., 1959).

Довольно большую часть интересующих нас диалогов можно было бы назвать «исповедью горячего сердца». Таким является, например, разговор Заметова с Раскольниковым, пришедшим в кабак искать старые газеты с сообщением об убийстве.

— Брежу? Врешь, воробушек!.. Так я странен? Ну, а любопытен я вам, а? Любопытен?

— Любопытен.

— Так сказать, про что я читал, что разыскивал? Ишь, ишь ведь сколько номеров велел натащить! Подозрительно, а?

— Ну, скажите.

— Ушки на макушке?

— Какая еще там макушка?

— После скажу, какая макушка, а теперь, мой милейший, объявляю вам... нет, лучше: «Сознаюсь... Нет, и это не то: «Показание даю, а вы снимаете» — вот как!..

Устранением «ремарок» Достоевский сосредоточивает наше внимание на самом словесном потоке, который Раскольников обрушивает на Заметова. Но и без ремарок в многочисленных, следующих один за другим вопросах, в повторениях, в желчном тоне мы ясно чувствуем нервность героя, доведенную до степени аффекта.

Самый интересный третий тип диалога без авторского текста — «словесный поединок», напоминающий игру в мяч между двумя ловкими игроками: без остановки, без замедления, все быстрее и напряженнее. Так построена часть (13 реплик) важнейшего разговора между следователем и Раскольниковым об «обыкновенных» и «необыкновенных» людях. Напрягая все интеллектуальные и моральные силы, каждый из собеседников на лету ловит мысль другого и уже готов с ответом:

— И-и в воскресенье Лазаря веруете?

— Ве-верую. Зачем вам все это?

— Буквально веруете?

— Буквально.

— Вот как-с... так полюбопытствовал. Извините-с. Но позвольте,— обращаюсь к давнешнему,— ведь их не всегда же казнят; иные напротив...

— Торжествуют при жизни? О да, иные достигают и при жизни, и тогда...

— Сами начинают казнить?

— Если надо, и знаете, даже большею частью. Вообще замечание ваше остроумно.

— Благодарю-с. Но вот что скажите: чем же бы отличить этих необыкновенных-то от обыкновенных? При рождении, что ль знаки такие есть...

И здесь как раз отсутствие авторского текста усиливает драматическое напряжение, внутреннюю динамику и ставит в центр нашего внимания «словесный поединок», вскрывающий внутреннюю работу сознания героя.

Нужно отметить, что у Достоевского все три перечисленные разновидности диалога без авторского комментария исполняют одновременно две функции: психологическую и драматическую, — иллюстрируя этим самое характерное для его стиля.

Очень важное место занимает диалог вообще и диалог без авторского текста в частности в произведениях М. Шолохова. Без авторского комментария построена почти половина реплик (173 из всех 391, 46 процентов) в двух произвольно взятых отрывках из романа «Тихий Дон» (кн. 1, ч. 1, гл. 3—13 и кн. 4, ч. 7, гл. 13—14).

В бытовых и одновременно психологических диалогах главных героев романа автор достигает естественности живой, отрывистой разговорной речи, и, устраняясь сам, он не только придает самой реплике больший вес, но как будто сгущает краски психологического анализа. Примером такого диалога может послужить следующий разговор между Дуняшей и ее невесткой Натальей:

— Наташа, светочка, что-то хочу рассказать...

— Ну, расскажи...

— Митька Кошевой вчера целый вечер со мной просидел на дубах возле гамазинов.

— Чего же ты скраселась?

— И ничуть!

— Глянь в зеркало — чисто польмя.

— Ну, погоди! Ты ж пристыдила...

— Рассказывай, я не буду.

Многочисленные диалоги без авторского текста в массовых сценах не связаны с определенным характером, а воссоздают многоголосый говор крестьян или солдат и таким образом выражают настроения и психологию масс.

Чаще всего в «диалоге» переплетаются случайные, отрывочные реплики из трех-четырех различных разговоров без какой-либо общей логической линии, связывающей их.

— Это беда-а-а! Гля, миру согнали, а ишь поне день год кормит.

• — Потравят кошны скотиной.

— У нас уж ячмень зачали косить.

— Астрицкого царя, стал быть, стукнули!

— Наследника.

— Станишник, какого полка?

— Эй односум, забогatel, мать твою черт!

— Га, Стешка, ты откель?

— Атаман гутарил, дескать, на всякий случай согнали.

— Ну, казачество, держися!

— Ишо б годок погодить им, вышел бы я из третьей очереди.

— А ты, дед, зачем? Аль не отломал службу?

— Как зачнут народ крошить — и до дедов доберутся.

— Монополку закрыли.

— Эх, ты, свистуля! У Марфутки хучь бочонок можно купить.

В других случаях «диалог» состоит собственно из двух или трех отрывочных разговоров, не разграниченных между собой авторским текстом или комментарием, следующих каждый своей линией.

— Трава тут поганая. Супротив нашей степовой не выйдет.

— Пирею почти нету.

— Наши в Донские теперь уж откосились.

— Скоро и мы прикончим. Вчерась рождение месяца, дождь обмывать будет.

До сих пор разговаривали, видимо, двое солдат-землепашцев. Дальше, без подготовки, автор вводит отрывки другого, второго разговора, опять-таки оставляя в тени говоривших:

— Скупой поляк. За труды хучь бы по бутылке на гаврика пожаловал.

— Ого-го-го! Он за бутылку в алтаре...

— Во, братушки, что б это обозначало: чем богаче — тем скупее.

— Это у царя спроси...

Такой композицией диалога усиливается впечатление непосредственного восприятия многоголосицы, подчеркивается многообразие интересов, переживаний и одновременно с этим здесь можно уловить что-то общее, объединяющее эти тысячи людей в одно целое.

Итак, устранение авторского текста при прямой речи преследует различные стилистические цели: 1) придает естественность диалогу, внося многообразие интонаций живой разговорной речи; 2) становится важным способом социальной характеристики; 3) углубляет «закулисный» психологический анализ, усиливает внутренний драматизм и активизирует читателя; 4) является средством сюжетной динамики, нарушающим спокойный ход действия, убыстряющим его; 5) воссоздает многоголосицу толпы, выражая одновременно разнообразие и общность интересов составляющих ее людей.

Роль, которую играет тот или иной диалог в произведении, зависит, с одной стороны, от стиля данного автора, с другой — от конкретной художественной задачи. У хорошего стилиста в одном и том же произведении диалог без авторского текста может иметь самые разнообразные стилистические функции.

ИВ. ВАСЕВА-КАДЫНKOVA
София

**ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

ЗВУКИ И БУКВЫ

1. Сравните произношение слов: а) бидон — бетон, б) кордон — картон, в) косить — гасить. Сколькими звуками отличаются друг от друга слова в каждой паре?

2) Прочитайте вслух (в обычном речевом темпе) предложения: а) «Наша сотрудница Куницына собирается в Кисловодск». Сколько в этом предложении звуков *ц*? б) «Врач Федоров принимает у себя в кабинете». Сколько здесь звуков *ф*?

3. Прочитайте отрывок из стихотворения А. Яшина:

Пусть тишина,
В глуши ни души —
Все равно гул в ушах:
В шорохи трав и в шумы вершин
Вслушиваюсь, не дыша.

а) Сколько в словах этого отрывка звуков *ш* и *ф*? б) С какой целью автор подобрал такие слова?

4. Перед вами 14 слов с выделенной буквой *е*. Попробуйте установить, в каких из них *е* произносится как *ё*. При затруднении обращайтесь к орфографическому словарю или словарю-справочнику «Русское литературное произношение и ударение» (М., 1960).

Афера, белесый, бытие, гренадер, леска, маневр, ничемный, опека, осетр, поблекший, саженьки, соплеменный, терпкий, щелка.

А. Т. Арсирий
Ужгород

(Ответы на стр. 85)

«РОЖДЕСТВО ГОЛУБОГО РУЧЬЯ...»

В стихотворении А. Блока «Я в четырех стенах — убитый...» читаем:

Как сладко, и светло, и больно,
Мой голубой, далекий брат!
Душа в слезах, — она довольна
И благодарна за наряд.
Она — такой же голубою
Могла бы стать, как в небе — ты,
Не удрученный тяготою
Дух глубины и высоты.

[Стихи цитируются по Собранию сочинений А. Блока в 8-ми томах. М.—Л., 1960—1963.]

Наше внимание не может не привлечь употребленное поэтом прилагательное *голубой*. Что оно означает?

Толковые словари, фиксирующие все осознанные в общенациональном масштабе значения включенных в них слов, в данном случае не могут нам помочь. Так, в ближайшем по времени к Блоку «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова значение слова *голубой* определяется следующим образом: «светло-синий, обладающий окраской небесного цвета».

Это общенародное значение слова *голубой* в цитированных стихах очевидно, но ясно также и то, что не только качество цвета имел в виду поэт. Остается, следовательно, единственно возможное решение: в поэтическом словаре Блока *голубой* в определенных случаях обладает каким-то специфическим, расширенным, отличным от общенародного значением.

В стихотворении «Ночная фиалка»

И, быть может, грустили когда-то,
Припадая к подножьям ее,
Короли в седи́нах голубых —

эпитет *голубой* имеет не только значение цвета, но и поэтическое значение 'непорочный, благородный'. Именно поэтому мы невольно так или иначе выделяем его в ряду остальных слов. А вот в стихах

И я без сил, отстал, ушел из строя,
За мной — толпа спутников моих,
Нам не сняло небо голубое,
И солнце — в тучах грозových —

мы едва ли задержимся на прилагательном *голубой* (оно означает только цвет).

Без усвоения добавочных значений слов, особенно свойственных языку поэзии, многие художественные тексты можно понять лишь приблизительно, как это обычно бывает при переводах с не освоенного по-настоящему иностранного языка.

Как же развиваются в слове добавочные значения?

В языке поэзии издавна известно явление переносного (метафорического) употребления слов. Некоторые переносные значения определенных групп существительных, глаголов, прилагательных становятся поэтически регулярными, обычными, а при известных условиях и обязательными.

В стихотворениях Блока слово *голубой* постоянно употребляется в значении 'радостный, счастливый, тихий, нежный, чистый, непорочный'. Вот лишь некоторые примеры:

Я искал голубую дорогу
И кричал, оглушенный людьми...

Коля проснулся. Радостно вздохнул.
Голубому сну еще рад наяву.

Здесь — голубыми мечтами
Светлый возвысился храм.

Нежный! У ласковой речки
Ты — голубой пастушок.

Без конца — безначальная сказка,
Рождество голубого ручья...

...Люблю и зову
Голубые приветствовать земли.

Остался красный зов зари
И верность голубому стягу.

Не менее широко употребляется поэтом это слово и в его прямом (цветовом) значении. Однако ряды прямого и переносного словоупотребления в пределах поэтического словаря Блока не являются параллельными. Они постоянно сближаются, соприкасаются, накладываются.

В приведенных в самом начале стихах эпитет *голубой* означает не только цвет, хотя идея цвета и является доминирующей, но также имеет дополнительное значение 'счастливый, умиротворенный'. Возможность такого значения вообще дана переносным употреблением слова.

Взаимодействие словесных рядов с прямым и переносным значениями не случайно в лирике Блока, а является характернейшим признаком его поэтики.

Ю. В. ЛЮКШИН

РЕЧЬ И ХАРАКТЕР

Романы А. Малышкина «Севастополь» и «Люди из захолустья» дают возможность увидеть, какие формы принимали социальные столкновения и как они являлись в сознании и характерах его героев. Основная категория художественного видения Малышкина — становление личности. Его образный мир немислим вне времени, диалектических законов развития действительности. Писатель рассказывает читателю о России нового этапа исторического развития, объясняет истоки революционного, патриотического пафоса народных масс, знакомит с «духовными биографиями» представителей «низов», поднятых революцией на ту высоту, которая объективно раскрывалась перед ними самим их положением хозяев страны.

М. Горький в «Письмах начинающим литераторам» отмечал: «Писатель должен смотреть на своих героев именно как на живых людей, а живыми они у него окажутся, когда он в любом из них найдет, отметит и подчеркнет характерную, оригинальную особенность речи, жеста, фигуры, лица, улыбки, игры глаз и т. д.». Речь героев Малышкина обнаруживает и принадлежность их к опреде-

ленной социальной среде, и особенности характеров и психики, и индивидуальную характерность.

Речевые характеристики Сергея Шелехова (Севастополь), получившего университетское образование, и Николая Соустина (Люди из захолустья), журналиста столичной газеты, социально близки. И это объясняется не только уровнем их образования, но и во многом общностью социальных путей. Стремясь разобраться в происходящем, оба размышляют. Внутренняя патетика душевного настроения произведенного в офицеры Шелехова выливается в монолог. Замученные в Петропавловской крепости борцы за свободу вызывают в нем искреннее уважение.

«— Я!.. — крикнул Шелехов, сорвал фуражку, согнулся, упал мокрой щекой на парапет моста.— Я... офицер революции... вас приветствую... борцы, мученики!.. — слезы бежали ядовито, обжигающе: это было и совсем театрально и вместе с тем искренно, потрясающе до судорог сладостных, до колыханий.— Я клянусь...». Взволнованность Шелехова мыслью о личном служении делу борьбы за свободу передана в кратких, оборванных фразах с трижды повторяющимся личным местоимением «я». Но высокая патетическая речь не соответствует поведению Шелехова: он трусливо убегает от показавшейся вдали толпы народа. Речь и поступок, по-разному выявляя характер героя, вскрывают его внутреннюю противоречивость.

По мере осознания Шелеховым причин «своей одинокости», которая становилась страшной в такую минуту,— страшно было, что подхватит, швырнет между двумя вихрями, как никому не нужную, жалкую щепку», Малышкин лишает монологи Шелехова полноты чувств, вводя аналитический элемент. Избрав для монолога форму несобственно-прямой речи, писатель переплетает внутреннюю речь героя с авторскими комментариями, прибегает к философским обобщениям, чтобы глубже раскрыть движение характера.

Оглядывая пройденный путь, Шелехов думает о себе: «...Барахло в бушлате, с немощно раскинутыми по палубе ногами, беззащитно ожидающее пинка. Разве это он?

...Ну, а что он сделал для революции как друг, как пособник? Какое-либо усилие, риск?.. Он не мог припомнить. Он сдвинул пальцами глаза, но не мог припомнить ...Он не делал». Напряженность его размышлений, бескомпромиссный суд над собой в приведенном отрывке подчеркнут введенной в него авторской фразой: «Он не мог припомнить. Он сдвинул пальцами глаза, но не мог припомнить...».

Мастерски вскрывается Малышкиным психологическое состояние Шелехова в его выступлениях перед матросами. Первая ми-

тинговая речь дается в трех аспектах: а) речь героя вслух, б) сопутствующее речи напряжение мысли, заполняющей паузы, и в) авторское описание взаимного восприятия Шелехова и матросской массы.

«— Товарищи!— вдруг с отчаянием выкрикивает он.

— Товарищи . . . — он с мучительной спазмой наглатывается воздухом, придерживает насильно рукой бешено играющее сердце.— Я хотел сейчас несколько слов о празднике . . . который мы... сегодня... (празднуем? чествуем?).

— Который чествуем... (Все пропало! Скандал!).

— И в этот день мы . . . матросы и офицеры революционного флота... сбросившие с себя... смрадные цепи... гнилого самодержавия... мы, сильные своим революционным единством...

Еще усилие.

— ... протянем к ним братскую руку...

— Мы скажем им: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь! В борьбе обретете вы право свое...“. Ура!»

Взволнованность Шелехова, отразившаяся в начале выступления в прерывистых предложениях, сменяется уверенностью: речь звучит внешне четко, гладко, но казенно. Содержание речи расплывчато, нет ясной идейной позиции. Шелехов провозглашает одновременно и большевистские, и эсеровские лозунги.

Внутреннее течение мысли Николая Соустина в романе «Люди из захолустья» раскрывается Малышкиным по-разному. Вот Соустину-журналисту, приготовившемуся к правке рукописей, попалась статья о деревне. Чтение статьи вызывает в нем воспоминания о родном Мшанске.

«Ну, деревню-то Соустин знал, она с детства выросла в него ветляной пыльной улицей, дедушкиной избой. Сколько, лет одиннадцать-двенадцать не бывал он в Мшанске? Брови его сдвинулись, надо было работать. Довольно о Мшанске... „Посевная площадь колхозов увеличивается с 4,3 млн. га до 15 млн. га“. Сестра о том же писала, и, как всегда, жалобно было ее писание, что в Мшанске все по-новому и тоже тянут мужиков в колхоз. Пора бы денег ей послать... „Приведенные цифры показывают, что наша отсталая деревня уже вошла в эпоху величайшей социально-технической революции“. Он и сам знал: было чушью все то, что он берег в себе: обрыдлые крыши, ласточки, колокольни, теплая пыль, где бегало когда-то крошечное его тельце. Мшанск на самом деле подымался где-то другой, не нуждающийся в Соустине».

Малышкин использует переплетение различных стилевых пластов. Сухие строки газетной статьи вызывают в воображении Соустина живые картины родного Мшанска.

Малышкин считает важными и лексические, и синтаксические изменения в языке героев. Так, Журкин, выражая интересы барачных профуполномоченному Подопригоре, сразу же обнаруживает индивидуалистическую психологию в привычной для него и не раз повторяющейся в романе фразе:

«— Ну, дак тогда что ж... тогда скажу... — Он в ужасе откашлялся. — Каждый, значит, завсегда хочет себе кусок получше оторвать. Так».

Растет «мировой гигант» — меняется и психология Журкина: «— У меня еще есть... слово. Наше строительство — на нем тысячи народу... работают (чуть было не сказал: „кусоч отрывают“, да спохватился), и в него сунуты миллионы денег. Чегбй-то должно из этого получиться! Но оно получится, когда везде будет прочность. А есть которые ударяют наоборот: чтобы ее не было...».

Речевые характеристики в произведениях Малышкина запечатлевают нравственно-психологический облик даже эпизодических лиц. Сбежавший от колхоза мужик с пареньком, пытающийся по-своему определить себя в мире, запоминается фразой: «Сы-тттеклы встттав-лять!». Ограниченность бухгалтера подчеркнута его выражением: «Граждане, гляньте, какая природа оригинальная — горы и горы!»

Речь матросов (Севастополь) отмечает самое характерное в них. Они немногословны. Юмористические интонации в их речи сопряжены с интонациями грубоватыми, просторечие — с военно-морской терминологией. Общее не заслоняет индивидуального. Национальную принадлежность Опанасенко подчеркивают украинизмы в его речи. Сбивчивость, сумбурность речи штрафного матроса Михайлюка обнаруживает его душевную озлобленность.

Язык героев у Малышкина — глубоко характерологическое средство. Мастерство живописания словом присуще ему в высшей степени. Ф. Гладков в очерке «А. Г. Малышкин» писал: «Он очень глубоко чувствовал слово; сияние, свежесть его он ощущал чрезвычайно тонко. Среди хаоса словесного звучания он вдруг схватывал отдельные образы и в смятении вспыхивал: вот оно! здорово! чудесно!» Герои Малышкина — это живые люди. Их характеры, склад ума, культура мышления — все это преломляется в речи, лексико-синтаксическая структура и ритмико-мелодический строй которой всегда обнаруживают ее носителя.

*Н. В. ХОМЕНКО,
преподаватель Полтавского
педагогического института*

«Русская речь» уже знако-
мила читателей с проспектом
нового академического словаря
русского языка. О его общих
принципах на страницах жур-
нала рассказывал автор про-
спекта, доктор филологических
наук лауреат Ленинской пре-
мии А. М. Бабкин (см.: «Рус-
ская речь», 1970, № 5).

В апреле этого года Науч-
ный Совет по лексикографии и
лексикологии Отделения лите-
ратуры и языка АН СССР, Ин-
ститут русского языка и Ле-
нинградское отделение Инсти-
тута языкознания АН СССР
провели совещание, на кото-
ром обсуждался проспект но-
вого словаря. Проспект этот
заинтересовал не только уче-
ных-языковедов, но и писате-
лей, журналистов, преподава-
телей вузов и школ, работников
издательств. На его обсуж-
дение собралось около двухсот
человек из 19 городов страны.

Каким должен быть новый
толковый словарь современно-
го русского литературного язы-
ка? Каковы должны быть его
хронологические границы, его
нормативность, словник, струк-
тура словарных статей? Какое
место должна занять в нем
фразеология и терминология,
а также оправдательная цита-
ция и т. д. Вот главные вопро-
сы, которые обсуждались на
совещании в Ленинграде. Из-
вестно, что за годы Советской
власти в нашей стране создано
три капитальных словаря на-
ционального языка: 4-томный
«Толковый словарь русского
языка» под редакцией Д. Н.
Ушакова, академический «Сло-
варь современного русского
литературного языка» в 17-ти
томах и академический «Сло-
варь русского языка» в 4-х то-
мах. Все они уже стали биб-
лиографической редкостью.
В новом словаре будет зна-
чительно обновлен и попол-

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ

нен словник. В нем най-
дут отражение факты литера-
турного языка самого послед-
него времени, включая 70-е
годы. Предполагается, что про-
ектируемый словарь будет со-
стоять из 12-ти томов, объемом
100—120 авторских листов каж-
дый.

Русский язык находится в
постоянном развитии, так как
он отражает успехи развития
нации, ее общественного
устройства, культуры и науч-
но-технических достижений.
Неизменно возрастает роль
русского языка как языка меж-
национального общения. Все
это в свою очередь должно
найти отражение в новом фун-
даментальном словаре русско-
го языка.

Выход в свет подобного сло-
варя — большое событие в об-
щественной и культурной жиз-
ни нашего народа. Именно по-
этому обсуждение его prospet-
та вызвало столь широкий ин-
терес. На совещании выступи-
ли видные советские ученые
Д. С. Лихачев, А. С. Чикобава,
Ф. П. Филин, А. М. Бабкин и
др. В этом номере мы публи-
куем выступления на совеща-
нии писателей Ф. А. Абрамова
и Л. В. Успенского.

ТАКОЙ СЛОВАРЬ НУЖЕН...

Я думаю, что не погрешу против истины, если скажу, что мы присутствуем на заседании историческом. Закладывается фундаментальное сооружение отечественной культуры — новый словарь современного русского языка, словарь, который, судя по проекту, не имеет себе равных.

Мне хочется высказать некоторые соображения, как человеку, который будет обращаться к этому словарю, как человеку, который имеет некоторое отношение к современной литературной практике. Прежде всего, проект словаря производит самое благоприятное впечатление. Мне он понравился своей четкостью, определенностью принципов, которые кладутся в его основу.

Я хочу сказать об известном мужестве и смелости, с которыми авторы берутся за составление данного словаря. Например проблема словника. Проблемы архаизмов и научной лексики. Как они решаются? Взять Пушкина. У кого поднимется рука, чтобы производить отбор в словнике Пушкина? — А авторы заявляют: архаизмы, которые вышли из употребления, в новом словаре приведены не будут. Это, конечно, смелая, правильная, мудрая, оправданная, научная постановка вопроса.

В отношении научной терминологии. Мы живем в век науки. Наука стала решающей силой нашего времени, и, конечно, научная терминология заполняет нас со всех сторон. Огромным потоком она идет из книг, брошюр, со страниц газет и даже литературно-художественных журналов. Это бедствие, но это и плодотворное явление, потому что вызван этот терминологический поток потреб-

ностью нашего общественного развития, нашей научно-технической революцией. 17-томный академический Словарь очень перегружен научной лексикой. Оправдано ли это? Мне кажется, нельзя так засорять наш язык. Авторы проекта со всей определенностью говорят, что в новый словарь вводится только совсем необходимая лексика, которая вошла в широкий житейский обиход и без которой нельзя представить себе нашу культурную речь. Это смело и хорошо.

О положительных сторонах словаря можно говорить очень много. Я хочу высказать некоторые свои пожелания в связи с предстоящей работой над новым словарем. Мои пожелания носят спорный характер, но, может быть, они в какой-то мере пригодятся авторам этой капитальной работы.

Прежде всего о названии словаря. Оно должно отличаться от названий других словарей. Поскольку есть четкая ориентация на современный живой русский язык, я думаю, следует добавить слово «современный». Надо, чтобы мы словари отличали не только по количеству томов, но и по определенности названия. Для лингвистов этой проблемы, может быть, не существует, но для всех работников литературного фронта название имеет первостепенное значение.

Второе — о нормативности русского литературного языка. Вообще, существует ли нормативный литературный язык? — С одной стороны, да, конечно, существует. С другой стороны — не будет нелепостью, если мы скажем, что его нет. На нормативном литературном языке никто не говорит. А если же приходится слушать такую речь, то при этом невольно ощущаешь, что вместо питьевой воды пьешь дистиллированную воду. То же самое с национальным характером. Нет ни одного человека, который бы воплощал все черты национального характера. Национальный характер — это конкретность, но и категория очень общего, не реального свойства.

В словаре делается упор на нормативность. А кто создатель ее? Кто определяет нормы русского языка? Считается, что писатели являются носителями литературного языка, и они из того, что имеется в разговорной практике, отбирают, нормализуют и т. д. Дело в том, что самый большой писатель — это и консерватор и новатор. Так что же считается нормой? Если большой писатель закрепляет известный в литературе язык, то грош цена такому писа-

телю. Большой писатель — это оппонент времени. Он утверждает время и спорит с ним. И в эстетике и в языке. Бывают писатели спокойные с точки зрения языка, стиля, бывают взрывные, такие, как, например, Маяковский. Маяковский — бунтарь и в языке. Но сегодня многое в его языке мы воспринимаем как норму. Вот тут-то и сложность. Что же есть норма?

Третье. Состояние литературного и разговорного языков. Я за то, чтобы в новом словаре как можно полнее была представлена разговорная речевая стихия. У нас есть все основания для этого. Современный литературный процесс, в том числе процесс языковой, характеризуется широкой демократизацией. Если взять рамки литературного языка, которые были очень строги в прошлом, и нормы разговорной речи, то граница между ними стирается. Это неизбежно. В литературе это совершается довольно быстро. До XX века эти грани были определены очень четко. Теперь же граней между авторской речью и персонажами во многих произведениях современной литературы вообще не существует. Многие писатели не употребляют слов ремарочного характера. Это тенденция. Ее нужно учитывать самым серьезным образом, если авторы словаря хотят претендовать на его долголетие. Я думаю, что это вопрос прогнозирования, а стало быть, очень серьезный вопрос.

В свое время в «Новом мире» была опубликована статья академика Д. С. Лихачева. Статья в общем-то еретическая. Подумать только, ее автор взял на себя смелость говорить о том, какая литература будет в будущем. Но при этом он опирается на опыт литературного развития целых веков и приходит к выводу, против которого возражать нельзя. Тенденция литературного развития характеризуется демократизацией. О демократизации русского языка нужно не только говорить. Как явление, ставшее жизненным фактом, эта демократизация должна отражаться во всех толковых словарях русского языка, рассчитанных на самого массового, демократического читателя.

УЧАСТИЕ ПИСАТЕЛЕЙ НЕОБХОДИМО

Первый урок поистине лингвистического и лексикографического отношения к слову я получил у Б. А. Ларина, когда был приглашен им работать в коллективе составителей древнерусского словаря. Борис Александрович вызвал в свой кабинет-закуточек одну из сотрудниц:

— Вот этот Лев Васильевич. Тот самый, что дезертировал из лингвистики в литературу, а сейчас соглашается поработать у нас. Надо его сразу загрузить. А, Б, В, Г — все это уже занято. Д? Что там у нас? Если не ошибаюсь — от *брянить* до *брянно* занято, — размышлял он вслух. — *Дряннущий* до *брянчуга* — тоже... *Дрянюха* до *брянь* — у меня...

— Борис Александрович! — с великим возмущением ахнула молодая женщина. — Ну, как вам не грех все время путать! Да ничего подобного! *Дряннить* до *брянно* — у меня, *дряннущий* до *брянчуга* — у вас, а вот самая *брянь* свободна, и ее как раз можно...

По гроб жизни не забуду этого лексикографического собеседования. Должен добавить только, что я изрядно поломал голову, стараясь здесь заменить те слова, которые были тогда уже распределены и оставались свободными, такими, которые я могу здесь огласить.

Дискуссия о новом словаре показала мне, что для языковеда слово есть всегда слово, и к нему, вне зависимости от его значения, должно сохраняться строго научное отношение, уважение и спокойный вдумчивый интерес.

В конце 20-х или в самом начале 30-х годов, по желанию того же Б. А. Ларина, мне и нескольким другим то-

варищам, тогда еще студентам, было предложено принять участие в качестве практикантов в работе по составлению того самого словаря, который мы называем теперь «ушаковским». Работа над ним тогда только начиналась. Помню, как сейчас, первые совещания составителей.

Много раз обсуждался сложный и даже «тяжкий» вопрос для лексикографов, наверное, всех времен, вопрос о том, какая лексика будет включаться в словник и какая отбрасываться как архаическая.

Разные ученые обладают различными характерами. Сергей Игнатьевич Бернштейн обладал характером несколько более педантическим, чем хотелось бы другим. Он упорно отказывался признать достаточно уточненным вопрос о словнике будущего словаря:

— Я все-таки не могу уяснить себе с достаточной точностью, какая же лексика будет включена в словник и какая нет?.. — не повышая голоса, посасывая коротенькую трубочку, продолжал он вопрошать сквозь пышную бороду.

И тогда Борис Викторович Томашевский с обычным непередаваемым выражением лукавого лица своего сказал любезнейшим тоном:

— Простите, Сергей Игнатьевич, вы хотите точно указать, какие слова не войдут в словник? Я могу Вам это сказать. Слова *стогны* вы там не встретите... [*Стогны* — ‘площадь, широкая улица’, «устарелое», «поэтическое», в современном употреблении «шутливое», «ироническое». — *Ред.*]

Могу засвидетельствовать, что Сергей Игнатьевич Бернштейн к этому вопросу больше не возвращался. Впрочем, он вскоре как-то отошел от работы в словаре.

А я сейчас думаю, что ведь и тот словарь, о котором мы сейчас говорим, которому произносим, вспомнив Владимира Ивановича Даля, напутное слово, я думаю, что и у него своих *стогн* на пути еще хватит...

Отдав долг приятным воспоминаниям лексикографической юности, я позволю себе перейти к одному или двум деловым замечаниям, связанным с проспектом нового словаря, и с предстоящей громадной и сложной организационной работой по его составлению, которую придется развернуть коллективу составителей и его руководству, даже если не говорить о самой работе научной. Ибо составление словаря такого масштаба и характера (и все мы отлично отдаем себе в этом отчет) не толь-

ко праздник, но и подвиг науки, подвиг и научный и организаторский.

Я не языковед-профессионал, а только очень интересующийся языком и языкознанием литератор. Меня приятно поразило, что в состав президиума такого представительного языковедческого совещания оказались введенными два писателя. О проблемах чистоты русского языка сейчас говорят и пишут очень много. Этот вопрос волнует и писателей, и языковедов, и преподавателей — словом, всех, кто любит родное слово. Недавно спор о языке, о нормах литературного языка разгорелся в «Литературной газете». Читая статьи, например, поэта Винокурова и лингвиста Горбачевича, я никак не мог отделаться от мысли, как было бы отлично, если бы мнения, высказанные в двух этих статьях, можно было бы сложить воедино, смешать и затем разделить полученный экстракт на две части. Тогда в каждой из двух частей микстура рекомендаций получилась бы решительно такой концентрации и состава, который удовлетворял бы некоему оптимуму.

Но это, разумеется, шутка. Однако за этой шуткой, на мой взгляд, кроется довольно существенное «серьезное». Мне представляется, что при будущей работе над большим, фундаментальным словарем, над всевозможными толковыми словарями будущего чрезвычайно целесообразно привлечь в качестве то ли консультантов, то ли под каким другим флагом, может быть, без права решающего голоса, но с правом и даже обязанностью некоторой словесно-литературной дегустации, именно нашего брата-писателя, само собою, из числа писателей, вкусивших какого-то общелингвистического образования.

Я думаю, что, располагая я временем, я смог бы найти достаточно веские аргументы для обоснования этого моего предложения (впрочем, оно отправляется от инициативы лингвистической стороны, уже оказавшей двум писателям честь, пригласив на такое чрезвычайно важное и чрезвычайно языковедческое совещание, как это). Я таким временем не располагаю и просто прошу поверить моему убеждению: при надлежащей организации дела привлеченные к нему «мастера слова», «мастера речи», если понимать это мастерство чисто практически, сумеют оказать лингвистам немало ценных услуг. Я сказал бы так: при экспедициях в глубь тайги или джунглей местные жители оказывают немалую помощь пришедшим туда ученым-исследователям. Туземцы лучше знают свои джунгли, они

чуют след зверя, им ведомы источники вод, разница между ядовитыми и полезными растениями. Я не поколеблюсь уподобить своих сотоварищей писателей (хороших писателей) таким проводникам в языковых джунглях. Вот мое мнение. Но, конечно, нашего брата надо держать в узде, потому как у нас — воображение...

Ф. А. Абрамов довольно пессимистически оценивал возможность утвердить в литературном языке какую-то наперед заданную норму, находя в нормализации языка противоречие с его непрерывным развитием и самодвижением. Академик А. С. Чикобава высказал также довольно мрачный прогноз по самому принципу составления словарей, указав, что, как он думает, невозможно ни произвести однодневную перепись словарному составу какого угодно языка, ни, в то же время, замыслить перепись его как многолетнюю или многодесятилетнюю работу.

Мне кажется, невзирая на невозможность однодневной переписи, новый словарь, который мы напутствуем, будет составлен так же, как был составлен семнадцатитомный. И несмотря на диалектическое противоречие между нормой литературного языка и новаторством живого языка (и художественной литературы, и разговорной речи народа нашего), живая, скользящая, по-своему изменчивая норма будет создаваться, а затем будет уступать место норме следующих десятилетних или столетних языковых волн.

И ведь, пожалуй, надо признать как один из самых важных процессов, одновременно и меняющих язык, и не позволяющих ему стать «...похожим до неузнаваемости...», как раз постоянную, неустанную борьбу в русском языке на всех его уровнях — борьбу старого с новым, консерваторов с новаторами. И то, что великая «игра» эта идет уже много времени «вничью», что не побеждает ни та, ни другая сторона — это-то и предохраняет наш язык и от превращения в язык мертвый и недвижимый, «безглазый», и от претворения его в целую пачку разнообразных языков или в язык вовсе непохожий на русский. Вот эта равнодействующая между тенденциями движения и тенденциями инерции является, на мой взгляд, живой, естественно образующейся в борении противоречий нормой, которую словарь и словарники должны все время чувствовать и на свой отрезок времени утверждать.

ФОРМЫ И СТИЛИ РЕЧИ

Речь воспринимается нами как единое целое. Однако в ней неизбежно представлены как значимая сторона, содержание, так и внешнее ее воплощение в языковых структурах, то есть форма.

Речь по своей форме может быть литературной, диалектной, прозаической, стихотворной. По физическим признакам она может быть устной или письменной. Важной чертой, определяющей коммуникативную сторону языка, является стилевое расслоение речи. Оно создается совокупностью экспрессивно-смысловых и эмоциональных признаков, которые относятся к содержательной стороне речи. К сожалению, довольно часто термины «форма речи» и «стиль речи» считают тождественными понятиями. Прежде всего это относится к понятиям устной и письменной речи.

Но что считать формой речи и как найти грань между ею и стилем речи?

Приведем несколько примеров.

«Внимание, говорит Москва!» — слышим мы традиционную фразу, привлекающую наше внимание к очередной передаче по радио. Но чтобы привлечь внимание своего товарища, нам достаточно сказать: «Послушай-ка!». И в том, и в другом случае — устная речь, но явно разные формы: формула официального сообщения и просто разговорная речь. Или: «Кто там?» — спрашиваем мы, услышав входной звонок. Одного ответа «я» достаточно, чтобы узнать, кто пришел, а, может быть, даже, чтобы познать причину его прихода. Но, с другой стороны, чтобы позвать себя письменно (в обычном, частном письме или деловой переписке), требуется более развернутое сообщение о себе.

Если в томе БСЭ факты изложены точными, сжатыми фразами, то в художественном произведении нас привлекает при глубине содержания образная форма изложения. В обоих случаях перед нами книжно-письменная форма речи. Стилль же изложения разный — научный и художественно-литературный.

Прочитав следующий отрывок: «Амедин является основным холинолитическим средством с избирательным мускулиноблолирующим действием. Он расслабляет мускулатуру внутренних органов, расширяет зрачок и оказывает выраженное мышечногипотензивное действие при экстрапирамидной патологии» («Медицинская газета», 7 декабря 1971), мы не ошибемся, что это научный медицинский текст. Об этом говорят прежде всего содержание и терминология, его отражающая. Форма изложения здесь — книжно-письменная.

Еще пример:

Нет места
сомнению
и думе —
все для женщины
только
в Гуме.
Маяковский й. ГУМ

Это рекламное стихотворение, содержание и манера изложения которого свидетельствуют о том, что это пример публицистического стиля.

В театре, на концерте или на лекции, по радио или телевидению мы слышим устное исполнение произведений. Но оно (независимо от характера произведения — радиоинформации или чтения отрывка из романа) в каждом случае должно соответствовать содержанию и характеру изложения: нельзя читать стихи тоном информационного сообщения, так же как нельзя вести репортаж о хоккее полными, законченными фразами, как это может быть передано в газетной заметке, и нельзя в письме даже другу, который вас понимает с полуслова при личном контакте, употреблять фразы, не раскрывающие полностью вашу мысль.

Любой вид и устной, и письменной речи обуславливается конкретным содержанием на основании действительных речевых форм, таких, как разговорная, книжная, стихотворная, литературная, диалектная и др. Трудно представить себе отвлеченную систему просто устной или просто письменной «формы», наполненную каким-то содержанием, свойственным только письменной или только устной речи и не относящимся к формам книжной или разговорной, прозаической или стихотворной.

В свою очередь формы речи — «разговорная», «книжная» и другие — являются основой ряда стилей. Они обуславливают форму

атих произведений: их особые синтаксические обороты, конструкции, их общий строй. Если быть точным, то следует говорить об «устно-разговорной форме речи», «устно-декламационной», «устно-ораторской», «книжно-письменной» и т. д. Так, «разговорная речь» может иметь не только устную передачу, но и письменную, и, наоборот, текст научно-деловой, официальный и любой другой может быть произнесенным, «устным». Стиль каждой из форм в значительной степени зависит от смысла и содержания этого вида речи. В пьесе А. П. Чехова «Свадьба» генерал Ревунов-Караулов становится невыносимым в свадебной компании, потому что пересыпает свою речь оборотами и терминами военно-морских команд: «Мало ли разных команд... Да... Брам и бом-брам-шкоты тянуть шшел фалы!! Хорошо? Но что это значит и какой смысл? . . ». Здесь деловой стиль совмещается с разговорной формой речи.

А в рассказе «Жалобная книга» Чехов использовал прием письменного воспроизведения разговорных оборотов. В частности, полное отсутствие пунктуационных знаков, которые бы упорядочили письменный текст, производит комический эффект и подчеркивает в этих оборотах разговорно-бытовую окраску: «Милостивый государь! Проба пера!?!»; «Приношу начальству мою жалобу на Кондуктора Кучкина за его грубости в отношении моей жене. Жена моя вовсе не шумела, а напротив старалась чтоб все было тихо. А также и насчет жандарма Клятвина который меня грубо за плечо взял. Жительство имею в имении Андрея Ивановича Ищеева, который знает мое поведение». В этих примерах форма речи остается разговорной с ее своеобразным синтаксисом, порядком слов и проч.

Ф о р м а р е ч и — это внешнее выражение нашего сообщения с помощью языковых средств, способ передать содержание независимо от того, к какому стилю оно относится. В этом плане форма представляет собой факт объективной действительности. А «объективное» не зависит от субъекта, от человека. Таково и соотношение говорящего и формы речи, которой он пользуется. Хотя каждый человек использует соответствующую форму по-своему, тем не менее форма речи, во-первых, существует не только в сознании данного человека (ею пользуется все общество), а во-вторых, это определенная система, которая существовала до него и сохранится впредь. Она объективна.

С т и л ь р е ч и — это манера выражения и передачи мысли, выборочное использование единиц языка в определенной сфере общения. Это не какая-либо «структура» языка, а отбор необходимых средств для выражения экспрессивности, эмоциональности.

В то время как форма речи — в н е ш н я я, объективная сторона, стиль — в н у т р е н н е е качество речи, проявление ее содер-

жательной, субъективной стороны. Это способ индивидуального использования общенациональных языковых богатств в соответствии с экспрессивно-смысловыми целями каждого сообщения. Поэтому средства изображения, которыми пользуется стилистика, и могут варьироваться. Стиль речи лишь опирается на языковые формы.

Несколько слов о грамматических явлениях. Для каждого стиля характерна лишь их частотность. Они также передают содержание и экспрессивные оттенки. Напротив, формы речи характеризуются устойчивыми языковыми (в том числе и грамматическими) признаками, образующими определенную систему. Поэтому нет, например, синтаксически замкнутой грамматической системы только научного стиля или стиля газетно-публицистического. Однако можно обнаружить количественное преимущество в употреблении тех или иных грамматических форм в произведениях письменной речи научного содержания, в текстах политических, публицистических и т. д. Следовательно, нет синтаксиса только устной или только письменной речи, но существует синтаксис устно-разговорной литературной речи или диалектной; можно говорить о синтаксическом строе прозаических текстов и о строчно-ритмическом синтаксисе стихотворной речи и т. п.

При классификации форм и стилей речи нельзя забывать о том, что в каждую историческую эпоху в каждом языке соотношение конкретных форм и стилей может варьироваться. В современном русском языке выделяются следующие функциональные стили: разговорный, научный и официально-деловой, публицистический и литературно-художественный («Русский язык за рубежом», 1970, № 2, стр. 33). В современном французском языке находят: книжный стиль с частным подразделением на литературно-повествовательный, торжественно-поэтический, научно-профессиональный, официально-деловой и литературно-разговорный (Р. Г. Пиотровский. Очерки по стилистике французского языка. М., 1960). В современном английском языке, как правило, говорят о литературно-отработанном стиле, включающем такие разновидности, как публицистический, научно-технический и официально-канцелярский; и о свободном («разговорном») стиле с разновидностями литературно-разговорного и фамильярно-разговорного (М. Д. Кузнец и Ю. М. Скрёбнев. Стилистика английского языка. М., 1960).

Следовательно, предмет и характер общения определяют его форму, в то время как стиль вырабатывается в процессе развития общенационального языка и в процессе общения определенной группы людей, и так как по мере развития общества и его социальной перегруппировки сферы общения изменяются, то может меняться и соотношение стилевых аспектов. Изменение речевых форм

обычно сводится к тому, что в языке возникают новые системы общения, которые используются всеми группами населения. Формы речи, как таковые, из языка не исчезают, а только совершенствуются.

Таким образом, каждое речевое явление характеризуется тремя признаками: 1) предмет сообщения — содержание; 2) способ передачи содержания, вся совокупность языковых систем и категорий, от формы слова до формы речи — языковая форма; 3) отбор, сочетание и группировка соответствующих единиц того или иного плана изображения — речевой стиль. Признаки первый и второй — это соотношение категорий языковой формы и содержания. Третий аспект подчинен двум другим. Поэтому, естественно, что каждая речевая форма в каждую конкретную историческую эпоху имеет свой круг стилей, более или менее тесно с ней связанных.

Следовательно, изучение любого языка должно быть теснейшим образом связано с изучением форм и стилей речи.

Н. В. ЛЕБЕДЕВА

РЕБЯТА!

Тов. Гай из г. Артема спрашивает: «*Ребята* — множественное число, а как единственное? Каково происхождение этого слова? И правильно ли, когда к группе школьников, состоящих из мальчиков и девочек, обращаются „ребята“? Ср.: дружные ребята; в нашем экипаже ребята дисциплинированные». Такие вопросы ставят и многие другие читатели нашего журнала.

Различные толковые словари советского времени довольно точно отражают смысловую и стилистическую структуру этого слова, а также динамику ее. Но вызывающим сомнения является первое значение слова *ребята* — множественное число к слову *ребенок*, наряду со словом *дети*. Значение это этимологическое, так как *ребенок* — собственно русское уменьшительное образование с суффиксом *-екъ* от *робѣ*, производным от *робъ*, связанного с понятием 'несмелый, робкий'. За свою многовековую историю это слово значительно изменилось. Во-первых, в звуковом облике. В современном литературном языке оно произносится *ребята*, а не *робята*

(эта форма сохранилась лишь в говорах). Во-вторых, в смысловом объеме. Исходное значение слова *ребята*, как мы уже заметили выше, это множественное число к *ребенок*. У существительных на *-енок*, означающих детенышей, множественное число с суффиксом *-ят(а)* встречается часто: ребенок — ребята, октябренок — октябрюта, теленок — телята, утенок — утята и другие. Рассматриваемое значение — множественное число к *ребенок*. В современных толковых словарях оно определено так: 'мальчики или девочки в раннем возрасте до отрочества, дети'. «По временам Иохим собирал ребят вокруг себя и начинал рассказывать им веселые присказки и сказки» (Короленко. Слепой музыкант).

Не надо быть специалистом-языковедом, чтобы заметить, что активность и жизненность любого слова или его значения подтверждается в тех однокоренных образованиях, которые это слово или значение способны породить: ребята, ребятишки, ребятки, ребятня, ребяташки, ребятё, ребяческий, ребячески, по-ребячьи, ребячество, ребячий, ребячиться, ребячливый.

Второе значение слова *ребята*, отмечаемое в словарях, — 'молодые люди, парни' (впервые оно зафиксировано в Словаре 1847 года): «Безбородые дворовые ребята, зубоскалы и балагуры заменили прежних степенных стариков» (Тургенев. Дворянское гнездо); «Матросы оказались добрыми ребятами» (Горький. Мои университеты). У слова *ребята* в этом значении есть антоним *девушки* и, особенно, *девчата* (последнее, по-видимому, перешло в наш язык из украинского *divchata*). Использование этих антонимов в рамках одного высказывания способствует смысловой конкретизации при употреблении каждого из них: «Комсомольско-молодежная бригада Аркадия Серенма из колхоза „Морен“ ведет заготовку сена в местечке „Сооскеннигсорга“. Очень много хорошего о ребятах и девчатах этой бригады рассказывал нам первый секретарь Эрзинского райкома ВЛКСМ...» («Комсомольская правда», 29 августа 1971).

В последнее время слово *ребята* в значении 'молодые люди, парни' заметно утверждается в спортивной речи. Органическое деление спорта на мужской и женский (ср. виды спорта, нормативы и т. п.) естественно находит в спортивных текстах и средства языкового выражения: команда юношей — команда девушек; мужская сборная — женская сборная; наши парни — наши девушки и т. п. В этом ряду и слово *ребята* выступает как контекстный синоним «мужская или юношеская команда»: «Не вызывает сомнения, что выступления наших ребят станут предметом глубокого и всестороннего изучения специалистами хоккея» («Вечерняя Москва», 27 февраля 1968).

Но язык непрерывно развивается. В советское время у слова *ребята* появилось еще одно значение, третье, порожденное кипучей

комсомольской жизнью первых лет революции. Сразу же после Великого Октября *ребятами* стали называть молодых людей, юношей и девушек, мальчиков и девочек школьного возраста, объединенных каким-то общим делом, занятием, учебой и т. д. Видный советский славист А. М. Селищев, наблюдая за русским языком первого после-революционного десятилетия (1917—1926), отмечает это семантическое новшество и приводит такой пример из тогдашней молодежной газеты: «Стыдно не выписывать своей родной газеты. Подтянитесь, ребята!» («Северный комсомолец», 1925, № 23, Ярославль). Впервые значение 'товарищи по учебе, работе и т. п.' отмечено в Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова, где указано, что слово в этом значении употребляется преимущественно в языке молодежи и что появилось оно недавно (помста — «новое»).

Значение это живет и в наши дни. Оно и в сочетании *дружные ребята*, когда хотят сказать о дружном коллективе мальчиков и девочек или юношей и девушек, и в словах популярной песни: «Главное ребята сердцем не стареть». Особенно часто слово *ребята* в таком значении встречается на страницах молодежных книг, журналов и газет: «Данные социологического опроса, проведенного среди старшеклассников ленинградских школ, показывают, что ребята рвутся к делам, требующим высокой самоотдачи, мечтают увидеть, „на что ты способен“ — и не один, а вместе с такими же одержимыми».

Особую устойчивость в речи этому значению слова *ребята* придает синтаксическая функция — обращение. С давних пор оно употреблялось в народной речи как обращение, например, к солдатам:

И молвил он, сверкнув очами:
Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!
Лермонтов. Бородино

Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши жены?

Солдатская песня

И в наши дни обращение в форме *ребята*, на наш взгляд, универсально. Ср. пример в таком призыве-приглашении: «Ребята! Вы все нас слышите? Становитесь на зарядку!» (утренняя радиопередача). Как необычно чуждо для нас прозвучала бы эта фраза, если бы слово *ребята* заменить близким к нему *дети*!

Активное употребление слова *ребята* в функции обращения приводит к выветриванию лексического содержания самого слова. Приведем такой пример: «В вечер премьеры как исполнительниц значительных ролей нас поместили вот в такую отдельную артистическую уборную. Помню тихий стук в дверь: стучал, оказыва-

ется, Константин Сергеевич. Вошел... Мы остолбенели — так давно не видели его, так по нем тосковали.

— Ребятишки,— сказал Станиславский,— я пришел поздравить вас... с премьерой... Вот.

Он протянул каждой из нас по пакету, порывисто повернулся и пошел» (С. Бирман. Судьбой дарованные встречи.— «Новый мир», 1971, № 7).

Слово *ребятишки* тождественно здесь таким привычным в разговорной речи формам обращения: «дорогие мои», «милые мои», «дети мои» и подобные.

Основное недоумение наших читателей, особенно старшего поколения, вызывает употребление слова *ребяга* в значении 'товарищи по учебе и работе'. Можно ли так говорить?— спрашивают они. Правильно ли это? Авторитет писателей XIX века, использовавших это слово, как мы видели выше, либо для называния детей (до отроческого возраста), либо парней, молодых людей, как будто бы не позволяет ответить на это положительно. Но ведь с тех пор прошло немало времени, и третье значение слова *ребяга* прочно укрепились в разговорной речи, в языке газет, радио. И тем не менее самые последние толковые словари не фиксируют, рассматриваемого словоупотребления. Почему? Можно выдвинуть несколько причин в объяснение (а точнее — в оправдание) этого.

Во-первых, очень сложно определить четкие смысловые границы у таких слов, которые обозначают возрастные группы: мальчики — юноши, девочки — девушки. В самом деле, как долго длится отрочество и когда начинается юность? В повседневно-обиходных представлениях это не определено с достаточной ясностью. И особенно трудно провести эту грань в качественной характеристике возрастных групп детства, отрочества, юности. Ведь в слове *ребенок* содержится указание не только на возраст. *Ребенком* нередко называют взрослого, когда хотят подчеркнуть в нем что-то наивно-детское, неопытное. Сравните: «Кроме своего заводского дела, во всех других отношениях Горемыкин был чистейшим ребенком» (Мамин-Сибиряк. Горное гнездо). Особенно заметно качественное содержание в производных от *ребенок*: ребячливый, ребячливо, ребячиться; здесь возрастная семантика исчезает вовсе.

Во-вторых, языковым материалом для картотеки современных толковых словарей был язык письменный, литературный. Картотека их построена на извлечениях из писателей-классиков XIX—XX века (от Пушкина до наших дней). Между тем интересующее нас словоупотребление чаще всего встречается или в разговорной речи, или, если в письменной, то в языке газет, журналов, молодежных книг. По этой причине под руками составителей могло и не быть

достаточного материала (карточек-цитат), подтверждающих наше словоупотребление.

Надо надеяться, что новые толковые словари, работа над которыми ведется и картотеки которых будут больше обращены к разговорному языку, дадут положительный ответ и на вопрос, можно ли называть *дружными ребятами* парней (юношей) вместе с девушками.

Т. С. КОГОТКОВА

НА МОСКВЕ — В МОСКВЕ

В VII главе «Евгения Онегина» А. С. Пушкин употребил надежную форму *на Москве*, не свойственную современному литературному языку:

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве.

Она употреблена и в трагедии «Борис Годунов»: «Буду царем на Москве!».

Возникает вопрос: насколько характерна форма *на Москве* для языка пушкинского времени, какова ее употребительность в разные периоды истории языка? Оказывается, ни в письмах, ни в художественных произведениях Пушкина она больше не встречается. Не отмечено ее употребление у Крылова, Радищева и Грибоедова. Вообще в первой четверти XIX века данная форма употребляется крайне редко и только в целях стилизации. По-видимому, употребление *на Москве* у Пушкина было вызвано тоже какими-то стилистическими задачами.

А ведь еще в первой четверти XVIII века эта форма употреблялась так же часто, как и *в Москве*, а в XVII веке она даже преобладала над последней. Рассмотрим более подробно историю смены форм, время и причины данного процесса. Для этого обратимся к надежным формам имен существительных — названий городов, поименованных по рекам, озерам и другим водоемам. Последнее — указание на способ номинации — очень важно, так как здесь ключ и к причинам смены форм.

Существительные — названия городов, не связанные по происхождению с названиями рек и озер, со времени оформления пред-

ложного падежа последовательно употребляются только в форме «е + предложный падеж»: в Белгороде, в Каргополе, в Калязине, в Переславле, в Ростове, в Суздале, в Смоленске, в Ярославле и т. д.

Существительные — названия городов: Белозерск, Вологда, Воронеж, Вытегра, Вятка, Кострома, Москва, Орел, Самара, Тотма, Устюг, Уфа — употребляются в предложном падеже с предлогом *на*. Такое употребление объясняется происхождением названий этих городов: на Белом озере — на Белозере, Белозерске (город), на реке Вологде — на Вологде (город), на реке Москве — на Москве (город).

Вот несколько примеров из повестей XVII века: «И об едину ночь с Москвы в Смоленску, ставше»; «Полки же на Москве во всякой готовности к шествию бяху»; «В Калязине... с любовью их принимали... да в Кашяне бы на вино променяли» («Русская повесть XVII века». М., 1954).

В литературных и деловых памятниках XVII века закономерность подобного распределения форм нарушается очень редко. Нами обнаружено только два примера употребления в *Москве* в повестях и два примера в деловых актах, а также по одному примеру употребления в *Вологде* и в *Великом Устюге*.

Заметим, что с предлогом *на* в предложном падеже употребляется слово Холмогоры (Колмогоры), что также указывает на его происхождение: на горах — на Колмогорах (первая часть слова *холм* — *колм* — финско-карельская, вторая *горы* — русская; см. об этом: А. К. Матвеев, — «Русская речь», 1969, № 5), а также слово Красноярск (ср. параллельное употребление в XVII—XVIII веках: на Красном Яру — на Красноярске).

Слово Тверь употреблялось в XVII веке в форме в *Твери*. Дело в том, что названию города Тверь соответствует название реки Тверца, но не Тверь; вероятно, название города рано оторвалось от названия реки и изменило словообразовательную форму, а также и управление.

Формы предложного падежа — основное падежное средство выражения местного значения, поэтому с них мы и начали анализ. Но факты показывают, что нужно говорить о смене не одной формы «*на* + предложный падеж», а целого ряда соотносительных форм типа: на Москве — с Москвы — на Москву. Новый ряд форм: в Москве — из Москвы — в Москву.

Закрепление форм с разными предлогами за названиями городов в зависимости от происхождения этих названий имело одно ограничение: подчинялись этому правилу те названия, которым соответствуют древнерусские по происхождению или обрусевшие еще до XVI века названия рек и озер. Иноязычные названия, входящие в русский язык в XVI—XVII веках, сразу подвергались унификации и употреблялись в тех же формах, что и суще-

ствительные — названия городов, не связанные по происхождению с названиями рек. Эта морфологическая примета, по-видимому, дает возможность проверять по текстам XVI—XVII веков происхождение названий русских городов: связаны ли они с названием соседней реки, озера, исконно русские или обрусевшие до XVI века?

Каковы же причины смены одного ряда форм другим? Это, во-первых, постепенный отрыв названия города от соответствующего названия акватории и забвение этой связи, препятствовавшей установлению единообразия в употреблении надежных форм существительных — названий городов, единообразия, к которому стремился язык под давлением форм типа «в Ростове — из Ростова — в Ростов»; во-вторых, стремление к разграничению названий городов и акваторий: в Москве — на Москве-реке, в Москву — на Москву-реку, из Москвы — с Москвы-реки.

Замена одного ряда форм другим продолжалась несколько десятилетий. Анализ текстов первой половины XVIII века показывает, что в течение первого десятилетия старые формы заметно преобладают. Во втором десятилетии употребление старых и новых форм выравнивается, они сосуществуют, что зачастую бывает представлено даже в тексте, написанном одним лицом: «Тогда торговые люди платили пошлыны на Москве и в Сибири многое число; в Москве и в городах с тех своих товаров паки многую пошлыну платили...»; «Амуниции за неприсылкою из Москвы... на все полки не дано; амуниции с Москвы не прислано» (Письма и бумаги императора Петра Великого. 1711).

Начинающаяся утрата старых форм отражена и в употреблении формы «на + предложный падеж» и соответствующих ей от слов — названий городов, поименованных не по рекам, а по какому-либо другому принципу. Таких случаев, впрочем, немного: «Мы завѣтра будем въ Ерослаф; на Ярославль послать к нам» (там же). Ярославль — по происхождению притяжательное прилагательное от Ярослав.

В третьем десятилетии XVIII века преобладают новые формы. Наиболее активно шла смена форм от слова Москва, которое встречается в текстах намного чаще, чем другие названия, по причине важной роли Москвы в жизни Русского государства: «Для отдачи и приема лошадей определяются места 1) в Москве... 9) на Воронеже, 10) на Вологде... 12) на Вятке» (Полное собрание законов Российской империи. 1733—1736. СПб., 1830).

Уже в деловых документах 30-х годов XVIII века старые формы начинают приобретать качества высоких, торжественно-официальных стилистических средств. Они употребляются чаще в дипломатических документах и редки в актах местных и центральных канцелярий, предназначенных для внутригосударственного исполь-

зования, например в трактате 1734 года между русским и английским дворами: «Англинские купцы да имеют позволение в Санкт-Петербурге, на Москве в Немецкой слободе и у города Архангельскаго дома строить» (там же).

Указанная хронология смены форм установлена на основании анализа большого фактического материала и, вероятно, может быть использована для датировки некоторых произведений русской литературы XVIII века. Так, историки литературы полагают, что «Повесть о Фроле Скобееве», как показывают некоторые исторические детали, упомянутые в ней, создана в первой четверти XVIII века, после 1704 года. Анализ употребления падежных форм от названий городов в повести (в Москве —1, в Москву —6, из Москвы — 2, другие формы — нет) позволяет утверждать, что повесть написана не в первом десятилетии XVIII века и, по-видимому, даже не во втором, так как нет ни одного случая употребления старых форм, а для текстов, написанных во втором десятилетии, характерно сосуществование старых и новых форм.

В дальнейшем старые формы употребляются все реже. М. В. Ломоносов, указывая в «Российской грамматике» (1755) на сосуществование *в Москве* — *на Москве*, в своих произведениях в бумагах 1734—1765 годов ни разу не употребляет старых форм.

Несколько позднее Фонвизин писал: «Обычай иногда позволяет *на* устрелять вместо *в* и *во*, например вместо *живу в Москве* говорится *живу на Москве*», но и в произведениях Фонвизина, по общему признанию хорошо отражающих разговорную речь своей поры, нет ни одного случая употребления старых форм. В журналах Новикова (1769—1774) и в произведениях Сумарокова (1770—1780) их также нет.

Таким образом, смена форм произошла практически за три десятилетия (1710—1740). Быстрый темп этого процесса объясняется взаимодействием разных факторов, обусловивших смену форм: лексического, морфологического и внеязыкового (возросшего культурно-экономического значения отдельных русских городов).

Многие названия сибирских городов, поименованных по рекам, оформились в XVII—XVIII веках, но в старых формах они не употреблялись. Это объясняется особенностями происхождения данных названий, функционировавших первоначально в качестве элементов составных наименований. Вот этапы последовательного оформления этих названий: река Анадыр — Анадырский острог или город — Анадырский — Анадырск. Такой же путь прошли и другие подобные названия: Аргунск, Алюторск, Акланск, Большерецк, Баргузин, Верхоленск, Енисейск, Илимск, Мангазейск, Охотск, Томск, Тобольск и др. Приобретая современный вид, эти названия уже употреблялись только в формах типа «в Тобольске — в То-

больск — из Тобольска»: «Сделал город близ Ямышева озера над Иртышем, и был он со служилыми людьми в том Ямышевском городе; в Анандарской острог их не отпускали; идучи из того Алюторского острогу; не пропускати б русских людей никаких из Алюторского в Анандырской, ни из Анандарска на Камчатку; в Томской и на Тару посланы указы» (Памятники сибирской истории XVIII века. 1713—1724. СПб., 1885).

Во второй половине XVIII века, как уже указывалось, старые формы эпизодичны. В текстах XIX века и в наше время они употребляются преимущественно в художественных произведениях исторического содержания в целях стилизации: «Царь вернулся на Москву» (А. К. Толстой. Смерть Иоанна Грозного). Народный фольклор XIX века еще хранит языковые факты прошлого, см. поговорку: «Была бы догадка, а на Москве денег кадка» (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка).

Таким образом, история смены указанных форм, как в миниатюре, представляет сложную и бурную жизнь языка, процессы развития которого в большинстве случаев бывают обусловлены совокупностью взаимодействующих факторов.

*Кандидат филологических наук
Г. В. СУДАКОВ*

КУЛЬТУРА РЕЧИ В ПОЛЬШЕ

С начала XX века вопросами культуры польского языка занимались преимущественно в двух лингвистических центрах — Варшаве и Кракове.

В Варшаве теоретическую и нормативную работу ведут кафедра польского языка Варшавского университета, вновь созданное «Общество языковой культуры», а также редакции «Словаря польского языка» и ежемесячника «*Rogadnik językowy*» (см.: «Русская речь», 1968, № 2). Во главе всей этой работы стоит видный польский языковед профессор Витольд Дорошевский, перу которого принадлежит ряд теоретических работ по культуре речи, например: «Критерии языковой правильности» (Варшава, 1950), «Разговоры о язы-

ке» (I—IV. Варшава, 1948—1954), «За культуру слова» (3-е изд., 1970), «Среди слов, выражений и мыслей. Размышления о польском языке» (Варшава, 1966).

К критериям языковой правильности Дорошевский относит: 1) формально-логический (правильность названия обосновывается логическим истолкованием его языковой формы); 2) национальный (правильно то, что является народным, исконным); 3) эстетический (особенно в языке художественной литературы, где простота и ясность характеризуют достоинства стиля); 4) географический (образцовым считается язык исторического центра страны); 5) литературно-авторский (образцами служит язык произведений выдающихся писателей). Далее следуют исторический, сценический, школьный, орфографический и иные критерии, не имеющие всеобщего характера. В. Дорошевский утверждает, что нужно, чтобы все работники культуры и вообще общественность постоянно и систематически работали над подъемом культуры каждодневной речи. Языковед для успешной работы в своей области должен иметь живой контакт с простыми людьми, не только отвечать на вопросы, но и задавать их на улице, в трамвае и т. п. Только обобщающая деятельность принесет плоды, ибо говорящие должны выработать правильные навыки в мышлении и в выражении.

Сам В. Дорошевский выступает с публичными лекциями, проводит языковые консультации по радио, многие его ученики готовят работы о нормах литературного языка. «Общество языковой культуры» расширяет сеть своих филиалов. На кафедре польского языка ведется регистрация происходящих языковых изменений, отмечаются языковые новшества и типичные ошибки, проводятся разнообразные опросы с целью выявления колебаний нормы. Ученые кафедры дают оценку языка периодической печати, телевидения, публицистических выступлений, организуют конкурсы «День без ошибок», проводимые газетой «Жизнь Варшавы», работают с сотрудниками издательств, учителями, слушателями Народного университета.

Целенаправленная работа в области культуры речи невозможна без хороших и разных словарей. В. Дорошевский руководит авторским коллективом «Словаря польского языка». В Словаре — свыше 120 тысяч слов, он издан в 1958—1969 годах в 11 томах, причем последний том содержит около 6 тысяч неологизмов, возникших в польском языке после второй мировой войны. Этот словарь — выдающееся достижение польской лексикографии. Его материал фиксирует лексику польского языка примерно с 1822 года, времени издания «Баллад» А. Мицкевича. Пометы к отдельным словам носят территориальный, социальный, хронологический и экспрессивный характер. Естественно, что большой объем, полно-

та и методологическое совершенство Словаря окажут большое влияние на культуру польского литературного языка.

Уже появился «Малый словарь польского языка» (Варшава, 1968) в одном томе. Ст. Скорупка подготовил «Фразеологический словарь польского языка» (I, 1967; II, 1968), в котором выделяются выражения (номинативного характера), обороты (обычно глагольные) и фразы (эквиваленты предложений). Наряду с этим учитывается и степень спаянности компонентов фразеологизма: устойчивые (полная лексикализация), связанные (переносное значение) и свободные (с ограничением) сочетания. Неправильные фразеологизмы специально отмечаются. Часто переиздается «Словарь иностранных слов» З. Рысевича. Вл. Копалиньский издал «Словарь иноязычных выражений и оборотов» (Варшава, 1968). Имел успех «Словарь синонимичных выражений» (2-е изд., 1958) Ст. Скорупки. На основе картотеки польского словаря появились «Очерки польской стилистики» (3-е изд., 1966) Г. Курковской и Ст. Скорупки. Коллектив словаря готовит новый «Словарь правильного польского языка», который должен заменить аналогичный словарь Ст. Шобера, отражающий норму первой половины XX столетия (7-е издание словаря Шобера появилось в 1969 году). Интересен «Словарь варшавского говора» Б. Вечоркевича, характеризующий особенности языка (или жаргона) школьников, актеров, журналистов, ремесленников и других профессионально-социальных групп. В 1962—1969 годах изданы шесть томов «Словаря языка А. Мицкевича» (до буквы S).

Важную роль играет орган варшавского центра полонистов и один из старейших польских журналов «Poradnik językowy» (в мае 1971 года журнал отметил 70-летие своего существования). Он публикует теоретические статьи по проблемам культуры речи, но нормативный и прикладной аспект в нем всегда занимал видное место. В числе его постоянных рубрик: «Объяснение слов и выражений» (ее ведет редактор журнала В. Дорошевский), «Что пишут о языке» (информация о проблемах культуры речи в научных и периодических изданиях), «Польский язык в школе» (обучение родному языку, объяснение причин школьных ошибок и их анализ). В отделе рецензий обсуждаются нормативные работы. В последние годы, например, на страницах журнала обсуждались многие неологизмы, оценивались новые заимствования, проблемы соотношения специальных и общеязыковых слов и т. д.

Краков — старинный центр польского языкознания. Здесь находится Ягеллонский университет — один из первых в Европе. В Кракове возникли издающиеся до сих пор польские языковедческие журналы: «Poradnik językowy» и «Język polski». В 1970 году был выпущен пятидесятый комплект этого последнего изда-

ния. В 1921 году в Кракове создано «Общество друзей польского языка», проводящее большую работу в области культуры речи и имеющее 17 филиалов по всей Польше. Это общество имеет целью «распространение разумной любви к польскому языку, опирающейся на познание языковых явлений вообще». Обширна издательская деятельность этого общества. Оно, в частности, издает «Этимологический словарь польского языка» Ф. Славского (с 1952 года).

Журнал «*Język polski*» публикует материалы по вопросам культуры речи и правильности языка, диалектологии, синтаксиса, истории польского языка, этимологии польских слов и выражений, ономастики. В нем помещаются рецензии на научные публикации. Вместе с тем журнал уделяет внимание стилистике общенародного языка, а также языку и стилю отдельных авторов, проблемам орфоэпии и правописания. Руководители журнала стремятся при оценке языковых явлений руководствоваться объективными критериями, опираясь на богатый и разнообразный материал как грамматики современного языка, так и истории языка.

Наиболее ярко теоретические позиции журнала выразил долготелетний его редактор профессор Зенон Клеменевич (1891—1969). Он писал: «Оценка языковой правильности не может вытекать из субъективных взглядов и индивидуального сознания языковеда, даже если последний пользуется большим авторитетом и уважением. Языковед может защищать и выражать лишь общие убеждения, он должен паходить обоснование своего взгляда во всеобщем мнении, он должен быть представителем определенного коллектива... Нормативным фактом является *usus modernus* (современное употребление), ограниченный общественной группой, которая пользуется культурным диалектом развитой речи». Значение научных исследований, по его мнению, таково: «Если языковед высказывается об отступлениях от языковой правильности, то при оценке он опирается прежде всего на социальные языковедческие наблюдения. Каждое спорное явление языковой практики, в котором имеется колебание, языковед всесторонне исследует и судит о проблематике языковой правильности с исторической, географической и социальной точек зрения; он сравнивает свое суждение со взглядами предшественников и современников, короче говоря, делает все, чтобы как следует изложить спорное явление с точки зрения упомянутого *usus modernus*» («Беседы о языке». Вроцлав, 1966). Клеменевич в этой же книге заметил о языковой норме, что «всякая норма — это общественное осознание именно такого, а не иного поведения под угрозой ответных санкций».

Практическая деятельность журнала в области культуры польского литературного языка нашла отчетливое выражение в сборнике «Прекрасный и правильный польский язык. Языковые

советы» (2-е изд. Вроцлав — Варшава — Краков, 1966), составленном Ст. Урбаньчиком из материалов журнала до 1964 года. Различные авторы, иногда с противоположных позиций, излагают свои взгляды на явления польского языка, давая возможность читателю самому оценить логику доказательств и прийти к правильному заключению. Именно поэтому сборник имел большой успех.

Основными грамматическими пособиями в настоящее время являются: «Грамматика польского языка» Ст. Шобера (11-е изд. Варшава, 1969), «Основы польской грамматики» В. Дорошевского (Варшава, 1952) и «Основные сведения из грамматики польского языка» З. Клеменевича (6-е изд. Варшава, 1970). Орфоэпические нормы польского литературного языка содержит работа З. Клеменевича «Правила правильного польского произношения» (5-е изд. Вроцлав — Варшава — Краков, 1967). Впервые описал польское литературное произношение Т. Бенни в 1923 году. Впоследствии были установлены две его разновидности — сценическое (у актеров и ораторов) и школьное (в среде интеллигенции). Первое печатное издание орфоэпических правил, принадлежащих Бенни, Нитшу, Розвадовскому и Клеменевичу, относится к 1930 году. Нормы польской орфографии отражены в своде «Польское правописание» (Вроцлав — Варшава — Краков, 1968) и «Правилах польского правописания и пунктуации с орфографическим словарем» (16-е изд. Вроцлав, 1968) Ст. Едловского и В. Тапицкого. Эти издания одобрены комиссией Польской Академии наук еще в 1936 году.

В последние годы появилось множество пособий по культуре речи, особенно связанных с нарушением и необходимостью исправления языковой нормы. Отметим здесь наиболее важные:

Д. Буттлер, Г. Курковска, Г. Саткевич. Культура польского языка. Проблемы грамматической правильности (Варшава, 1971); М. Княгининова, В. Писарек. Языковой советчик. Пособие для работников печати, радио и телевидения (2-е изд. Краков, 1969); В. Коханьский, О. Кошутска, З. Листкевич. Секреты живого слова. Пособие для чтецов-декламаторов (Варшава, 1969); Б. Вечоркевич. Искусство речи (Варшава, 1970); М. Налениньска. Как говорить и писать правильно (8-е изд. Варшава, 1969); Ст. Речек. Наш повседневный язык (Вроцлав, 1957); Е. Пшилубска, Ф. Пшилубский. Польский язык на каждый день (5-е изд. Варшава, 1968); Д. Буттлер. Польское языковое остроумие (Варшава, 1968).

Таким образом, в условиях быстрого развития польского литературного языка и приобщения к нему и его нормам подавляющего большинства населения страны забота о культуре его использования приобрела в Польше особое значение.

Профессор
Н. А. КОНДРАШОВ

О КРАТКОМ ВАРИАНТЕ ТЕРМИНА

(К вопросу о синонимии в терминологии)

В статье П. В. Веселова «Оправданный случай синонимии в терминологии» («Русская речь», 1969, № 5) признается допустимость в отдельных случаях синонимии терминов. Автор имел в виду ситуацию, когда при рассмотрении одного и того же объекта с разных точек зрения «меняется способ его обозначения в языке». Синонимия подобного рода, по его мнению, появляется тогда, когда одному и тому же материалу даются разные наименования в зависимости от того, где они употребляются, например: торговое название, химическое название, техническое название. В качестве иллюстрации приводились названия типа *лавсан* — *полиэтилентерефталат* — *терепласт*.

В практике составления, упорядочения и применения всевозможных терминологических систем широко применяется понятие «краткая форма термина». Эта «краткая форма» не запрещается (подобно терминам-синонимам), а допускается в тех пределах, когда не вызывает затруднений в понимании термина.

Что же такое «краткая форма термина»? Не есть ли это еще один оправданный случай синонимии в терминологии? По-видимому, да. Ведь можно различать (и различают) абсолютные и относительные синонимы. В соответствии с этим по отношению к терминологии можно говорить, с одной стороны, о параллельном употреблении разных терминологических названий в одной жапростолистической сфере, например в терминологическом стандарте или словаре терминов, с другой — о вариантах терминологических наименований применительно к разным сферам их употребления, на-

пример в письменных источниках и устной профессиональной сфере общения.

Теперь о самом названии «краткая форма термина». Оно, на наш взгляд, не вполне удачно, хотя и укоренилось в терминологической практике и имеет большую традицию применения. Для того чтобы не возникало нежелательных ассоциаций (слово и форма слова), лучше и точнее, думается, говорить о «кратком варианте термина» (*кет*). Определить его можно так: равноправная по значению, но сокращенная определенными способами языковая конструкция терминологического наименования одного и того же понятия.

Рассмотрим, когда и почему возникает краткий вариант термина?

Не нужно специально заниматься подсчетами, чтобы убедиться, что в количественном соотношении терминов-слов и терминов-словосочетаний в любой отраслевой терминологии первенствуют многословные (иногда слишком многословные) сочетания. Являясь наименованием единого понятия, термины-словосочетания выступают в роли единого термина. Появление и преобладание терминов-словосочетаний выявляет тенденцию отражения в наименовании наибольшего числа признаков понятия. В этом смысле они удобны, а большое разнообразие моделей словосочетаний может удовлетворить почти любые потребности языкового выражения сколь угодно сложных понятий. Однако практическое использование терминов-словосочетаний наталкивается на необходимость искать сокращенный вариант длинного наименования, поскольку в употреблении, особенно устном, они неудобны, громоздки. Так появляется *кет*, узаконенный для применения его даже в таком строгом «жанре», как терминологический стандарт.

Однако на практике *кет* возникает, как правило, стихийно (что в устном использовании может быть и не так уже страшно). Но когда он вводится в справочные источники (типа ГОСТов), то перед составителями неизбежно встает задача разработки строгой и четкой методики, в которой наряду с правилами, устанавливающими логическую и содержательную правомерность появления *кет*, отражались бы модели и основные способы образования его.

Таким методическим пособием, видимо, может служить недавно опубликованная Комитетом научно-технической терминологии АН СССР работа Д. С. Лотте «Краткие формы научно-технической терминологии» (М., «Наука», 1971), где тщательно и на большом терминологическом материале анализируются возможные способы сокращения терминов-словосочетаний. Насколько полно эта методика удовлетворяет современных терминологов-практиков, лингвисту судить трудно. Но лингвист может судить о другом.

Создание *кет*, кроме логической и содержательной, имеет собственно лингвистическую сторону и в конечном счете сводится к языковой операции. Именно поэтому важно определить основные языковые способы образования *кет*, языковые модели их. В настоящей статье предлагаются некоторые результаты работы по определению наиболее типичных способов сокращения терминов-словосочетаний и соответствующих им моделей *кет* (классификация дается на материале терминологических стандартов и с учетом упомянутой работы Д. С. Лотте).

Можно выделить три наиболее распространенных языковых способа образования *кет*: I. Лексическое сокращение; II. Сокращение средствами словообразования; III. Сокращение средствами символики.

Рассмотрим подробнее каждый из этих способов и отметим типичные модели *кет*.

1. ЛЕКСИЧЕСКОЕ СОКРАЩЕНИЕ

Результатом лексического сокращения могут быть такие соотношения полного и краткого вариантов термина: словосочетание → словосочетание, словосочетание → слово. Осуществляется лексическое сокращение двумя приемами: 1) опущением слова в словосочетании, 2) заменой словосочетания словом (соотнесенным по производящей основе с одним из компонентов словосочетания).

1. О п у щ е н и е с л о в а. Опущение слова в терминологическом словосочетании возможно в том случае, если это не изменяет значения термина, находящегося в определенном классификационном ряду. Можно отметить несколько разновидностей опущения слова.

В словосочетании «существительное (или его группа), выражающее родовой признак, + существительное (или его группа), выражающее видовой признак», опускают второй компонент. Если перед нами ряд составных терминов, именующих конструктивные детали одной и той же машины, то в *кет* без ущерба опускается наименование машины: пресс-форма стеклоформирующей машины → пресс-форма, плунжер стеклоформирующей машины → плунжер и под. Эта операция сводится к тому, что вместо видового термина (полный вариант) рекомендуется к употреблению родовой термин (краткий вариант).

Однако в подобных, внешне похожих случаях нельзя действовать механически, чтобы не допустить оплошности, которая может привести к нежелательным последствиям. Так, в проекте ГОСТа «Снегоочистители. Термины» встречаем следующие пары параллельных наименований: угол захвата снежного плуга → угол захва-

та; угол захвата крыла—угол захвата. Отсечение слов, выражающих атрибутивный признак, при условии, что родовой признак у этих терминов совпадает, приводит к тому, что *кет* становятся либо омонимами в пределах одной терминосистемы, либо их можно расценить как полисемию термина также в пределах одной и той же терминологии. Ни то, ни другое явление сознательно допустить нельзя.

В терминах, состоящих из словосочетания прилагательного и существительного, опускается прилагательное, что по существу является заменой видового термина родовым: магнитный вариометр—вариометр, магнитный инклинометр—инклинометр, магнитный деклинатор—деклинатор, шумовой сигнал—сигнал.

В этих конструкциях при создании *кет* также важно избежать примеров сокращения типа: электрический шум—шум, электромагнитный шум—шум. Здесь снова видим, как реальна опасность введением *кет* вызвать более существенный «порок» термина — его многозначность или омонимию.

В терминах, являющихся словосочетаниями двух (и более) прилагательных с существительным, опускается одно из прилагательных, какое именно — может определить только специалист данной области знания (нелингвист), поэтому «рецепт» здесь излишен и опасен: ароматный этиловый спирт—ароматный спирт; плодородный спиртованный сок—спиртованный сок; магнитомеханический магниточувствительный датчик—магнитомеханический датчик, магнитоэлектромеханический магниточувствительный датчик—магнитоэлектромеханический датчик.

2. Замена словосочетания одним словом. Этот прием мы склонны также отнести к разряду лексического, а не словообразовательного сокращения на том основании, что слово-термин краткого варианта находится в положении «обратной производности» с одним из компонентов (чаще всего прилагательным) полного варианта: эмиттерная область—эмиттер, коллекторная область—коллектор, тримерная установка—тример, слешерная установка—слешер; зяблевая обработка почвы—зябь. В подобных случаях создается впечатление, будто происходит обратный процесс: из краткого (исходного) варианта делается полный, а потом к полному варианту снова дается краткий.

Приведенные здесь приемы лексического сокращения термина отражают лишь наиболее распространенные в терминологической практике случаи, поэтому, естественно, они не носят исчерпывающего и универсального характера. Это первое. И второе — практическое применение их может быть осуществлено только при условии обязательного учета логической и содержательной правильности и соотносительности полных терминов и *кет*.

II. СОКРАЩЕНИЕ СРЕДСТВАМИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Можно выделить несколько способов словообразования, которые используются как приемы сокращения терминов-словосочетаний: 1) аффиксальный, 2) словосложение (или основосложение), 3) аббревиация. Применение словообразовательных способов в качестве приемов образования *кет* требует большой осторожности, знания структурного и семантического аппарата словообразовательных моделей и соответствия их разным категориям термилируемых понятий.

I. Аффиксальный способ. Основное требование применения аффиксации как средства сокращения полного варианта термина должно сводиться к тому, чтобы из запаса словообразовательных средств была отобрана семантически точная словообразующая морфема, соответствующая категории понятий (предметной, процессуальной и т. п.). Поскольку система русского словообразования располагает специализированными средствами выражения всех типов термилируемых понятий, то отбор необходимых аффиксов не представляет, как правило, большого труда, необходимо лишь знание основ системы русского словообразования. Приведем примеры некоторых типичных случаев сокращения терминологических словосочетаний.

Для выражения категории понятий, процессов, действий, например, самыми подходящими являются отглагольные существительные, образование посредством суффиксов *-ние, -ка*, бессуффиксные и другие, также имеющие процессуальное значение. Именно они используются при необходимости замены термина-словосочетания термином-словом или более коротким словосочетанием: восстановительный процесс → восстановление; процесс упаковки → упаковка; процесс обработки давлением → обработка давлением; процесс термической обработки → термическая обработка. Попутно отметим, что в развернутых конструкциях терминологических словосочетаний типа «процесс обработки давлением и процесс термической обработки» наличие компонентов *давлением* и *термической* делает излишним употребление слова *процесс*, поскольку иного значения, кроме процесса, здесь быть не может.

Однако при использовании словообразовательных моделей, выражающих значение процесса, необходимо иметь в виду, что у слов, образованных по этим моделям, регулярно развиваются и предметные значения. Например, важно учесть, что сложные слова с суффиксом *-ка* имеют значение механизма, орудия производства (картофелечистка). Поэтому предложенный *кет*, встретившийся в ГОСТе 13699—68, явно неудачен: лентопротяжный механизм → лентопротяжка, поскольку значения компонентов варианта — слож-

ного слова здесь не обеспечивают внеконтекстной однозначности термина.

Для выражения предметных понятий (названий машин, механизмов, материалов и под.) в русском словообразовании широко применяются суффиксы *-тель*, *(н)ик*, *-тор*, *-ер*, *-ка* и др.: отопляющий материал—отопитель, подающий механизм—подаватель, связующее вещество—связка, подъемная шахта—подъемник, отбойное устройство колонны—отбойник, абсорбционная колонна—абсорбер, минерализующая добавка огнеупорной массы—минерализатор и под. При образовании *кет* в этой группе понятий из запаса словообразовательных средств могут быть использованы только те, которые соответствуют значению предметности. Это условие, естественно, относится и ко всем другим категориям понятий.

Переходным случаем от аффиксации к сложносокращенным словам является прием образования *кет* посредством словообразовательных морфем типа *-метр* (в значении измеряющего прибора), *-грамма* (в значении записи), которые иногда лингвисты называют суффиксоидами: радиометрический прибор—радиометр, дозиметрический прибор—дозиметр, сейсмическая запись—сейсмограмма.

2. С л о в о с л о ж е н и е ₊ (или основосложение) — один из самых частых приемов образования *кет*. В результате из термина-словосочетания путем сокращения основы одного из компонентов или основ нескольких компонентов создается одно сложное или сложносокращенное слово.

Самой распространенной в терминологии является модель сложносокращенного слова с усеченной основой прилагательного: сейсмическая разведка—сейсморазведка, авиационный кряж—авиакряж, флотационные реагенты—флотореагенты, вибрационный грейфер—виброгрейфер, пневматическое трамбование—пневмотрамбование, магнитная разведка—магниторазведка.

3. А б б р е в и а ц и я. В терминологии широко используются все возможные приемы аббревиации (образование слов посредством усечения основ), однако самыми частыми являются: а) инициальный: электронное смещение фазы—ЭСФ; белково-витаминно-минеральные добавки—БВМД и под., в которых сокращаются все слова термина-словосочетания; б) смешанный, с элементами инициальной аббревиации: аппарат искусственной вентиляции легких—аппарат ИВЛ; аппарат искусственной вентиляции легких с переключением по давлению—аппарат ИВЛ по давлению; прибор магнетронного типа—прибор М-типа.

III. СОКРАЩЕНИЕ СРЕДСТВАМИ СИМВОЛИКИ

Этот способ надо отличать от аббревиатурных (инициальных) приемов создания *кет*: литеры не соотносятся здесь с первыми буквами сокращенного слова, входящего в полный термин-словосочетание: дырочная область → р-область; электронная область → п-область; область собственной электропроводимости → i-область; электронно-дырочный переход → р-п-переход. Реализация этого способа сокращения термина входит в компетенцию специалистов конкретных областей науки и практики, а содержательная сторона этого явления находится вне рамок собственно языковых приемов создания терминологии.

Так вкратце можно представить основные языковые способы образования *кет*. Выделение их основано на том, что они выступают как вторые (вариантные) наименования, что их существование обосновано наличием и употреблением полных, развернутых вариантов наименования того же термилируемого понятия. Поэтому все, о чем здесь шла речь, может быть использовано с одной целью — как помочь специалистам-терминологам в языковом оформлении *кет* (и не может быть распространено на правила образования коротких терминов вообще). Кроме того, эти наблюдения, видимо, могут оказаться полезными при составлении методики создания *кет*, необходимость которой не вызывает сомнений.

Вернемся к началу статьи и вспомним, что там шла речь об упомянутом в литературе «оправданном случае синонимии в терминологии». Конечно, есть основания причислить и рассмотренные нами краткие варианты к разряду таких же оправданных синонимов. Ведь в данном случае так же, как и в том, который описан в работе П. В. Веселова, меняется «способ обозначения в языке» одного и того же объекта в зависимости от сферы употребления наименования термилируемого понятия (связанного с одним и тем же объектом). Под сферой употребления в нашем случае имеются в виду разные жанрово-стилистические языковые ситуации, реализующиеся в научной и практической (по Д. С. Лотте) терминологиях, то есть в официально-письменных и профессионально-устных сферах.

Особенность *кет*, синонимичных полным, в том, что они не только оправданы, но и узаконены, так как разрешаются в терминологических стандартах. Правда, в них эти синонимы названы «краткой формой термина».

В. П. ДАНИЛЕНКО

ПОЛУПРЯМАЯ РЕЧЬ

Для передачи чужой речи в русском языке используются различные способы выражения: прямая, косвенная, несобственно-прямая и полупрямая речь. Точное, дословное воспроизведение чужой речи осуществляется в форме прямой речи: «Смотри, какие стволы у осин!— говорила она и останавливалась.— Цвета кошачьих глаз» (Казаков. Двое в декабре). Недословное — в форме косвенной речи: «Правдиво, как умела, Лиза объясняла, что она всем сердцем предана театру... (Федин. Необыкновенное лето). Несобственно-прямая речь — особый прием для передачи мыслей персонажа, часто используемый писателями в художественной литературе. Он позволяет вести повествование одновременно от лица автора и от лица персонажа. Несобственно-прямая речь легко распознается в тексте по обилию вопросительных, восклицательных предложений, вводных конструкций, иногда излюбленных персонажем слов и оборотов и т. д.: «Не тут-то было! Дома ему разрешили снять только пиджак. Да и то не на долгий срок: ожидалась гости. И вообще заведено было в этом доме следить за своим внешним видом. Привыкай, привыкай, Костенька! А собственно, зачем ему привыкать-то? Или он в плену?» (Карелин. Головокружение).

Полупрямой речью называют конструкции, в которых одновременно оказываются элементы и косвенной, и прямой речи: «Начальник сказал, что приходите все на собрание», «Я тебя сколько раз просила, что хоть в мороз не ходи в этой шапке!», где от косвенной речи союз *что*, а от прямой — повелительная форма глагола, частица. Казалось бы, можно охарактеризовать такое смешение косвенной и прямой речи как неправильность, выходящую за пределы нормы. Однако конструкция эта очень широко бытует в устной речи, а также используется в художественных произведениях. Кроме того, характер самого смешения достаточно разнообразен, и это приводит к появлению, с одной стороны, неправильных, искажающих смысл высказываний, а с другой, и не нарушающих нормы, но непринужденно-сниженных, разговорных. Поэтому целесообразно определить причины возникновения и условия исполь-

зования полупрямой речи. Но сначала полезно припомнить основные элементы прямой и косвенной речи.

Выбор речи прямой или косвенной диктуется обычно множеством стилевых, жанровых, контекстных и других условий. Прямая речь как непосредственное отражение высказывания персонажа может содержать обращение, повелительную форму глагола, эмоционально-экспрессивные частицы, междометия и другие элементы, присущие живой речи: «Когда она наконец пришла и он увидел близко ее лицо и фигуру, он просто сказал: „Ну-ну! Вот и ты“...» (Казаков. Двое в декабре).

В художественном произведении автор может вводить в прямую речь для характеристики персонажа вульгаризмы, жаргонизмы, диалектизмы и прочее: «Не знаю, не знаю, не знаю, что и подумать,— сокрушенно качала она головой.— Это уж она на Богатку уперлась — не иначе. Вот какая упрямая, вот старушонка! Хоть говори, хоть нет. В ее годы под таким дождем лешачить в лесу!» (Абрамов. Деревянные кони). Прямая речь вводится авторскими словами, которые могут варьироваться в пределах очень широкого контекстуально синонимического ряда: *сказал, прошептал, зашамкал, взвизгнул, захрюкал, отбарабанил*, что также, несомненно, помогает охарактеризовать говорящего. Здесь же могут быть слова, выражающие его чувство, отношение к высказыванию: *усмехнулся, назмурился* («Русская речь», 1969, № 2).

По структуре косвенная речь — это сложноподчиненное предложение с изъяснительной придаточной частью. Если мы попробуем перевести прямую речь в косвенную, то обнаружим, что в косвенной сильно изменится система глагольных форм и личных местоимений, в ней не будет ни обращений, ни повелительного наклонения глагола, ни междометий, ни эмоционально-экспрессивных частиц. Широкий круг вводящих авторских слов прямой речи окажется резко ограниченным в косвенной. Сравним, например: «Вы ничего не говорите, так что ж тут стоять-то даром? — захрипел Захар за плечом другого голоса» (Гончаров. Обломов) — «Захар сказал хрипло, что так как он ничего не говорит, то ему незачем тут стоять». Таким образом, косвенная речь окажется более сухой, строгой, менее выразительной, чем прямая.

Полупрямая речь — сложное предложение. Она содержит главную часть, построенную так же, как и в косвенной. Очевидно, такой глагол, как *сказал*, употребленный при передаче чужой речи, «тянет» за собой союз *что*. Но говорящий не довольствуется «сухими» средствами косвенной речи и в придаточную часть вводит элементы прямой: «В своем письме он пишет, *что я один из многочисленных любителей песни*» (телепередача 20 января 1970); «А она мне говорит, *что, Машенька, зачем же вам это?*» (устная речь).

В одних предложениях, построенных как полупрямая речь, информация искажается. Возьмем пример. Преподаватель спросил студента: «Что вам сказали в деканате?». Студент ответил: «В деканате мне сказали, что если вы сдадите экзамен в срок, то мы зачислим вас на стипендию». В данном случае действующее лицо в придаточной части подменено другим, следовательно, смысл высказывания искажен. Это бывает тогда, когда в косвенной и прямой речи применяются разные глагольные формы и личные местоимения, а говорящий не учитывает этого. Вот косвенная речь: «Я ему сказал, что он поступит в университет». И прямая речь: «Я ему сказал: „Ты поступишь в университет“». В этом случае, при разных личных местоимениях и глаголах, возможно смешение, и есть условия для возникновения полупрямой речи: «Я ему сказал, что ты поступишь в университет».

Если автор речи обозначен местоимением первого лица единственного и множественного числа (я, мы), то возможность появления полупрямой речи возникает лишь при адресате — третьем лице единственного и множественного (ему, им). Если — второго лица единственного и множественного числа (ты, вы), то полупрямая речь может возникнуть при любом лице адресата. Если — третьего лица единственного и множественного (он, они), то полупрямая речь возникает при любом лице адресата, кроме второго лица единственного и множественного числа. Как видим, потенциальная возможность распространения такой формы полупрямой речи обусловлена множеством позиций, допускающих подмену одних личных местоимений и глаголов другими. И только в устной речи при непосредственном контакте говорящих можно распознать, о каком из действующих лиц идет речь.

Другая группа предложений с полупрямой речью не искажает смысла информации, так как в форму косвенной речи не вводятся личные глаголы и личные местоимения из прямой речи, следовательно, не затушевывается, кто же является истинным производителем действия в придаточной части. Так бывает, когда основу полупрямой речи составляет повелительная форма глагола: «Хозяйка все время приговаривала, что она в рот не возьмет эту отраву, а я говорил, что и не надо, что я испробую сначала на себе, *только ради бога поджарь*» (Солоухин. Третья охота). Полупрямая речь без искажения смысла высказывания возникает и тогда, когда в косвенную вводятся эмоционально-экспрессивные частицы, вопросительные местоимения и т. д.: «Кирилл не дал ей кончить, а сразу объявил, что вот как замечательно — он как раз собрался побродить, и тут судьба прислала ему такую хорошую компаньонку» (Федин. Необыкновенное лето).

В художественной литературе нередко используется полупрямая речь, так как она обладает определенной выразительностью. Иногда автору необходимо подчеркнуть эмоциональный накал обстановки в определенной ситуации, так что повествование, начатое в форме косвенной речи, при помощи лишь ее средств не может сообщить достаточной эмоционально-экспрессивной окраски тексту. Тогда речь переводится в полупрямую: «Когда стали разбирать последнее заявление, председатель не выдержал, начал кричать, что вы, мол, решаете, как хотите, можете отпустить его, только я печать не поставлю и подписи своей не дам, я лучше уйду из колхоза» (Дорош. Иван Федосеевич уходит на пенсию).

Во многих случаях при помощи полупрямой речи характеризуется манера речи персонажа: «И Борис Еремеевич отвел мне свою душу, провожая до порога „моей“ комнаты, сто раз извинился за длинный разговор, пять раз пожелал спокойной ночи и трудов праведных, но сам, уже в силу скромности, порога не переступил, давая понять, что беспокоить не будет, все понимает, и, мол, живите, ради бога, не горюйте, пусть вам хорошо будет, а мы уж и так рады, если вам не в тягость» (Баруздин. Собака). В авторской речи часты предложения, где полупрямая речь формируется при помощи эмоционально-экспрессивных слов: «Между тем в книге отзывов стали появляться проникновенные патриотические записи... но смысл их в том, что *какая прекрасная выставка...*» (Солоухин. Письма из Русского музея). Итак, полупрямая речь — это широко бытующая в устной форме речи и используемая в художественной литературе конструкция, передающая чужое высказывание.

Н. И. ФОРМАНОВСКАЯ

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЗВУКИ И БУКВЫ

(Ответы. См. стр. 43)

1. Одним звуком: а) д — т, б) д — т, в) к — г. По нормам русского литературного произношения безударный *е* в предударном положении произносится как *и*, а безударный *о* — как *а*.

2. а) Четыре, так как *-тся* в *собирается* произносится как *ца* и *дс* в слове *Кисловодск* — как *ц*. б) Три: первый звук в слове *Федоров*, как *ф* произносится конечное *е* в этом слове и предлог *в* перед глухим *к*.

3. а) в этом отрывке 9 *ш* и 5 *ф*: перед глухими согласными и в конце слов *е* произносится как *ф*; б) Нагнетение шипящих звуков и *ф* (аллитерация) осуществлено автором как поэтический прием для усиления слухового ощущения шума и шороха.

4. Белёсый, манёвр, никчёмный, осётр, поблёкший, сажёнки, щёлка. В остальных словах произносится *е*.

Надежде Константиновне Крупской принадлежит выдающаяся роль в создании системы социалистического просвещения. Многие ее работы посвящены преподаванию русского языка. В трудах Н. К. Крупской определяется место и роль родного и русского языков в школе, обращается внимание на необходимость изучения русского литературного языка всеми народами нашего государства.

В теоретической и практической деятельности особое внимание Н. К. Крупская уделяла изучению русского языка в общеобразовательной национальной школе. Усвоение русского языка трудящимися всех национальностей СССР она считала важнейшей задачей, средством укрепления дружбы народов, необходимым условием приобщения к сокровищам социалистической науки и культуры. Вместе с тем Надежда Константиновна подчеркивала, что знание русского языка всеми народами СССР, его распространение в разных отраслях производства и духовной жизни не означает умаления других национальных языков, растворения одного языка в другом.

В статьях «Национальный учебник», «Об интернациональной культуре», «Ленин об изучении иностранных языков», в рецензиях на учебники для национальных школ Н. К. Крупской намечены пути обучения русскому языку в национальной школе. Надежда Константиновна видела в

Н. К. КРУПСКАЯ

О ПРЕПОДАВАНИИ

РУССКОГО ЯЗЫКА

русском языке верное средство взаимного понимания и сближения людей разных национальностей.

Н. К. Крупская настоятельно рекомендовала учителям начальной школы и преподавателям-словесникам хорошо изучить особенности национального языка, его грамматический строй, ошибки учащихся в устной и письменной речи. В статье «О преподавании русского языка» она говорит о необходимости для преподавателя «знать особенности языка той национальности, в школе которой преподается русский язык. Это дает возможность скорее ликвидировать устойчивые для учащихся данной национальности ошибки». В частности, отмечает она, в некоторых языках нет разницы между мужским и женским родом, и дети путают их, говоря: «Ваня пошла спать» или «Маша пошел домой». В некоторых языках неясна разница между звуками *к* и *х*, между *б* и *п* и т. д.

Весьма важна мысль Н. К. Крупской о необходимости «увязки» знакомого и изучаемого материала. Так, в условиях изучения двух родственных языков полезно использовать имеющиеся у школьников знания по родному языку. Она советует в старших классах проводить больше наблюдений над языком, используя по возможности сравнение русского с родным. Это является одним из резервов повышения качества знаний.

В процессе изучения русского языка в национальной школе Н. К. Крупская выделяет важный момент — знание учащимися фонетики и орфоэпии: плохое усвоение орфоэпии мешает общению, а при «письме больше половины ошибок является следствием плохого усвоения фонетики изучаемого языка».

«Обыкновенно обращается внимание,— писала Н. К. Крупская,— на расстановку ударений, и преподают так, как если бы этому языку обучался русский ребенок, тогда как чрезвычайно важно дать целый ряд таких упражнений, которые бы специально ориентировали на данный язык». Надежда Константиновна советует проводить иногда особые уроки, посвященные овладению произношением и выразительным чтением. Полезен ее совет записывать речь учащихся в начале и в конце учебного года. Прослушивание этих записей позволяет пронаблюдать, как и в чем улучшилось произношение, выразительность речи, насколько пополнился словарный запас и стала разнообразнее структура предложения.

Мысли Н. К. Крупской о преподавании русского языка пронизывает идея развития мышления, воспитания бережного отношения к слову. В ее работах по обучению русскому языку много новаторского. Однако она никогда не отрицала всего предыдущего развития методической мысли и опыта. Говоря о К. Д. Ушинском, Н. К. Крупская советовала познакомить молодых педагогов с его произведениями, «такими простыми и ясными». Не менее высоко оценивала она педагогическую и методическую систему Толстого: «Мне было любо, что Л. Н. Толстой написал статью „Кому у кого учиться: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?“, на всю жизнь врезалось в память, как Л. Толстой с ребятами писали рассказ».

В 1928 году, когда наша страна отмечала столетие со дня рождения великого писателя, Надежда Константиновна рассказывала: «Из-за заработка я рано стала давать уроки, и я стала сейчас же применять в своей педагогической деятельности методы Л. Н. Толстого — стала относиться к ребятам, как к равным, внимательно слушать, что они говорят, что они хотят, и скоро убедилась, что так именно и надо относиться к ребятам. Я благодарна Л. Толстому за то, что благодаря ему я испытала немало радости: узнала горячую детскую привязанность, испытала, что значит доверие ребят».

Н. К. Крупская считала, что цель изучения русского

языка в школе заключается в том, чтобы помочь человеку отчетливо понимать речь, устную и письменную, следить за мыслями других, с одной стороны, а с другой — самому точно, ясно передавать другим свои мысли и чувства.... Каждый учитель «должен владеть диалектическим методом, то есть понимать, в чем основа науки, брать ее во всех связях и опосредствованиях, в развитии, в связи с практикой...». Преподавателю прежде всего нужно знать свой предмет, изучать все его стороны. Н. К. Крупская утверждала, что знания по русскому языку, полученные в школе, могут считаться действительными, если учащиеся научатся применять их на практике. «Грамматика,— писала она,— дело нужное, но чтобы была одна грамматика, без привычки читать, рассказывать прочитанное, без умения излагать свои мысли и т. д.—это неправильно. И вот у нас знают грамматику, а изложить самую обыкновенную вещь не могут. И все наши испытания направлены на диктовку, на грамматические упражнения. А нам нужно овладеть языком».

Надежда Константиновна рекомендует в программах и учебниках не ограничиваться только грамматико-орфографическими упражнениями и настойчиво советует вносить в них задания по развитию речи. Очень ценны указания Н. К. Крупской о связи преподавания русского языка с жизнью: «Мне часто приходится бывать на разных конференциях. Вот слышишь: метод такой-то, метод другой — метод третий. Главный метод — это связь с жизнью, чтобы знание языка вооружало человека умением брать из литературы, из газет, из журналов, из книг то, что нужно для того, чтобы строить социализм». Н. К. Крупская говорила, обращаясь к учителям, что учить надо современному литературному языку, «надо детям давать анализ речи не в сухих грамматических рецептах..., а на ярких примерах».

Весьма ценно замечание Н. К. Крупской о том, что структуру слова можно глубоко осмыслить лишь на фоне структуры речи и взаимосвязи слов, а изучение правил пунктуации должно быть тесно связано с пониманием структуры предложения. Отсюда очевидна необходимость работы на уроках русского языка по словообразованию, что позволяет не только хорошо уяснить многие орфографические правила, но и обогатить активный лексический запас школьников.

В процессе преподавания русского языка важное место, по мнению Н. К. Крупской, занимает работа по разви-

тию речи и мышления школьников: «...нельзя грамматику отделять от работы над языком, над словарем, над литературным языком». Надежда Константиновна указывала, что работа над лексикой и стилистикой позволяет изучение русского языка сделать более осмысленным и глубоким. Рассматривая проект программы ФЗС (фабрично-заводские семилетки), она подчеркивала значение стилистических упражнений и считала, что изучение языка не может быть сведено к обогащению запаса слов, что оно должно в большей мере касаться изучения стиля, оборотов речи.

Значительный стилистический уклон при изучении морфологии и синтаксиса, по мнению Надежды Константиновны, дает возможность превратить усвоение определенных и правил на уроках грамматики в живой процесс овладения языком, его богатствами. Так, С. Е. Крючков по совету Н. К. Крупской в пособие по русскому языку для заочников ввел небольшой отрывок из И. С. Тургенева без прилагательных, а потом дал его, как дано у писателя, с прилагательными. На этом примере автор пособия смог показать, как прилагательные оживляют существительные, конкретизируют их. Н. К. Крупская положительно оценила то, что С. Е. Крючков дал яркий подбор прилагательных у В. В. Маяковского, а потом показал, как заботливо подбирал прилагательные А. С. Пушкин, что можно установить по его рукописям.

Считая совершенно необходимой тесную связь преподавания русского языка и литературы, Н. К. Крупская для грамматического разбора рекомендовала использовать тексты художественной литературы, а в ряде случаев брать и деловой текст, и примеры, придуманные самими учащимися. Чтобы научить детей говорить живым, образным языком, надо прежде всего научить их смотреть и наблюдать. Для этой цели Н. К. Крупская рекомендует работу с картинками. «Если предложить ребенку описать лес, реку, улицу, которые он видит, ребенок не сумеет этого сделать, он растеряется в массе деталей, не сумеет выделить существенное, типичное. И вот картины могут помочь обучить его смотреть». Следует брать картины великих художников, но по содержанию вполне доступные детям. При этом нужно бережно относиться к творческим поискам учащихся, настойчиво вырабатывать у них навыки самостоятельного мышления. Надежда Константиновна высоко ценила умение говорить, выбирать самое нужное

при деловых отчетах, точно, ясно и в то же время образно описывать событие или местность. Такие навыки являются «результатом всестороннего наблюдения и переработки виденного».

При изучении русского языка в школе Н. К. Крупская советует уделять внимание и «деловому» материалу: умению писать заявления, расписку, протокол классного собрания, письмо, статью в газету, отзыв на художественное произведение, на просмотренный кинофильм и т. д. Это имеет большое значение не только для развития речи, но и для усвоения особенностей языка.

Следует приучать ребят с детских лет к чтению газет и умению подбирать материал по нужному вопросу. Необходимо также обучать школьников пользоваться справочниками, словарями, рекомендательными списками, каталогами, проводить экскурсии в библиотеки и т. д.

Актуальны для нас и рекомендации Надежды Константиновны о связи обучения с воспитанием, о том, что русский и родной языки надо преподавать увлекательно, а это может сделать только учитель, работающий с огоньком, любящий свой предмет. «Чтобы ребята овладели языком, надо, чтобы язык был горяч, эмоционален. Тогда он будет быстро запоминаться».

В раскрытии богатства русского языка, его меткости, силы и выразительности Н. К. Крупская большую роль отводит примерам, подбираемым учителем, текстам для упражнений. Подобранный текст должен быть интересным по содержанию и отвечать целям, которые ставятся при изучении данной грамматической темы. Вместе с тем учитель не должен забывать и воспитательные задачи. Надежда Константиновна подчеркивала важность выполнения требований единого орфоэпического и орфографического режима. В каждой школе, по ее словам, необходимы единые требования всего педагогического коллектива, строго продуманная система письменных работ, большей частью творческих. Преподаватели всех предметов должны заботиться о развитии речи школьников.

Надежда Константиновна советовала широко изучать передовой опыт школ, тщательно проверять его на практике, ставить широкие эксперименты.

М. И. ГЕТМАНСКИЙ,

*заведующий кафедрой русского языка
Мозырского педагогического института
имени Н. К. Крупской*

ОБ УСВОЕНИИ ПЕРЕНОСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА

Понятия многозначности (полисемии) и омонимии слова, как показывает школьная практика, трудно усваиваются учащимися. Предметы могут обладать сходными признаками, качествами. Название одного предмета порой служит наименованием другого. Возникает новое значение слова. Чтобы учащиеся лучше поняли свойство слов употребляться в разных значениях, необходимо на конкретных примерах показать им способы образования значений слов.

В школе № 14 Смоленска был проведен эксперимент. Пятиклассникам предлагались примеры употребления слов в прямом и переносном (производном) значении. Переносы лексических значений были взяты трех типов: метафора, перенос по смежности, перенос по функции. Метафорический перенос — самый распространенный и доступный, с ним учащиеся встречаются в повседневном употреблении: идет урок, головка сыра, петушиный гребешок. Много ярких примеров дано и в учебнике для IV класса: вьюга злится, плачет, поет, белит стены, мчится; щеки горят. Без знакомства с метафорой учащимся трудно понять поэтические тропы: горбушка месяца, кольчуга неба, крылья бровей, шелковые ресницы, море смеялось и под.

С переносом по функции учащиеся встречаются при первом знакомстве с многозначными и однозначными словами (§ 41 нового учебника по русскому языку для IV класса. Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. Т. Григо-

рян, И. И. Кулибаба, Л. А. Тростенцова. Русский язык. Учебное пособие для IV класса). Кнопка электрического звонка (можно добавить еще кнопка как застежка на платье) получила одинаковое название, что и кнопка канцелярская, не столько по внешнему виду, сколько по функции — «соединение чего-либо с чем-либо». Знакомство с переносом по смежности поможет лучше понять синекдоху — «троц, состоящий в замене названия целого названием какой-либо его части». В художественных текстах для старших классов таких примеров множество.

Учащимся было предложено следующее задание:

Записать примеры, подчеркнуть слово с переносным значением, попытаться определить, почему стало возможным дать такое название предмету, явлению, действию, то есть на основе чего сделан перенос.

Колокольчик звенит — цветет колокольчик.

Золотое кольцо — золотые кудри.

Плывут облака — плывут утки.

Сверкнула молния — молния на платье.

Быстрая река — быстрый ум.

Колосится хлеб — мягкий хлеб.

Серебряное блюдо — вкусное блюдо.

Высокая груша — вкусная груша.

Дружный класс — светлый класс.

Крыло самолета — крыло птицы.

Веселый дворник — дворник на стекле машины.

Пришел полотер — купили полотер.

Горит свеча — горит лампа.

В задание включены многозначные слова, принадлежащие к разным морфологическим категориям (существительным, прилагательным, глаголам), имеющие конкретные и отвлеченные значения. Учащиеся ранее были знакомы с лексическими понятиями «многозначное слово», «прямое и переносное значение слова», но не знали типов переносов. Отвечать на вопросы задания они могли, только полагаясь на языковое чутье, на умение рассуждать. Спустя несколько уроков учащимся объяснили типы переносов лексических значений, после чего они выполнили ряд упражнений.

Пятиклассники с интересом определили «одинаковую работу» разных предметов с одним названием, правильно указали, что гаечный ключ получил название не по внеш-

нему сходству с ключом (к замку), а по выполняемой работе — приведению в действие механизмов.

Знакомство с омонимами помогает учащимся детальнее разобраться с разными значениями многозначного слова, учит правильно читать словарные статьи.

Метонимия — такой перенос названия, который совершается на основании смежности, соприкасания вещей в пространстве или во времени. Наиболее трудным в этом типе оказалось осмысление связи, соприкосновения, смежности. Помогло сопоставление с чисто бытовым примером — смежные комнаты.

Выяснилось, что учащиеся V класса понимают отношения — одно в другом: светлый класс — дружный класс, кирпичный дом — выбежал весь дом; одно на другом: серебряное блюдо — вкусное блюдо (или предмет и содержимое); дерево и плод: полить вишню — съесть вишню, посадить сирень — букет сирени; материал и изделие из него: колосится хлеб — свежий хлеб, обработка фарфора — фарфор поступил в продажу (изделия из фарфора).

Экспериментальная работа показала также, что перенос лексических значений по сходству (метафорический тип) доступен пятиклассникам. Если ученик не смог сначала дать объяснений, то после прослушивания рассказа учителя не оставался равнодушным, работал, пытался рассуждать. Переносное значение слов с конкретной семантикой дети усваивают лучше: колокольчик (цветет), золотые (кудри), молния (на платье), чем с отвлеченной: плывут (облака), быстрый (ум). Можно думать, что из переноса по смежности учащимся доступно лишь понятие «предмет и изделие из него». В качестве примеров переноса по смежности были взяты только имена существительные потому, что слова — существительные со значением действия в силу абстрактности семантики понимаются учащимися с большим трудом.

Интересны ответы учащихся по функциональному типу переносов. Самыми удачными, пожалуй, можно считать ответы «по функции и месту». Менее удачными — по анализу примера горит свеча — горит лампа. Причина — в глаголе. Учащиеся начинают сопоставлять, искать связь в словах свеча и лампа, а не устанавливать значения слова горит.

Работа по усвоению типов переносов лексических значений в целом показала, что учащиеся пятых классов усваивают метафорический и функциональный переносы.

Сложным для них является оперирование словами с отвлеченным значением. Чтобы школьники не смешивали метафорический перенос с переносом по смежности, нужно показать им, что метафора может быть развернута в сравнительный оборот: Золотые кудри — кудри желтые, как золото; Облака плывут — облака движутся так же плавно, как утки. С метонимическими переносами таких преобразований сделать нельзя.

Трудно усваивается учащимися перенос по смежности. Они отвечают, например, что *вишня* (ягода) названа так по дереву, но сформулировать мысль не могут в силу отвлеченного характера самого переноса. Особенно плохо усваивается понятие «действие и его результат»: заниматься вышивкой — красивая вышивка. Знакомить, однако, с этим типом переноса нужно, но следует, по-видимому, строго отбирать примеры. Для усвоения типов переноса учителю важно обратить особое внимание на выяснение общего между прямым и переносным значением слова. Это позволяет точнее разграничить полисемию и омонимию.

Учащиеся должны знать, на какой основе сделан перенос значений. Это важно и нужно для того, чтобы значения в многозначном слове не были для них чем-то нанизанным, чтобы они почувствовали их внутреннюю связь. Усвоение типов переносов поможет учащимся понять образные средства, используемые в художественной литературе, что позволит изучать произведения в единстве формы и содержания.

А. И. КОНДРАШЕНКОВА

Смоленск

КРОССВОРД «ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ»

(Ответы. См. № 4, 1972)

По вертикали: 1. Кинетика. 2. Первообразный. 3. Ком-
позит. 4. Выдержка. 5. Понятие.
6. Номинация. 7. Хиазм. 8. Слог.
9. Лицо. 10. Метод. 11. Морфо-
нема. 12. Денотация. 13. Деик-
сис. 14. Аграмматизм. 15. Праг-
матика. 16. Дифирамб. 17. Ад-
версив. 18. Словарь. 19. Морфе-
ма. 20. Монолог. 21. Ритмика.
38. Эплог.

По горизонтали: 22. Ди-
алект. 23. Острота. 24. Сабир.
25. Синонимы. 26. Постфикс.
27. Лигатив. 28. Темпера.
29. Тембр. 30. Актив. 31. Глос-
сема. 32. Омограф. 33. Абзац.
34. Эпитет. 35. Лирика. 36. Раз-
мер. 37. Аканье.

«К роялю подошел Васька и как-то сразу гармонично слился с ним — Васькины ноги были ничуть не тоньше ножек рояля».

«Акомпаниаторша металась по всей клавиатуре».

«После ухода Геннадия Максимилиановича, рассказывал дальше Женька, у них дома словно праздник наступил. Мама поставила тесто, отец затеял с ним[?] борьбу. Веселились они допоздна. А утром...».

Читатель, очевидно, подумал: речь идет о языковых казусах, которые часто встречаются в школьных сочинениях, стилистических огрехах, неизменно вызывающих улыбку взрослых. Что ж, детям многое можно простить: они только учатся понимать и видеть тайны жизни... тонкости родного языка. Огорчим читателя. Цитируемые примеры взяты из книги, адресованной детям младшего школьного возраста, — повести Г. В. Абрамяна «Кто взял фальшивую ноту?», вышедшей в 1971 году в издательстве «Детская литература».

Ежегодно в стране массовым тиражом издается огромное количество книг для детей. Немало публикуется отзывов и критических статей о художественных особенностях и познавательной значимости детской книги. Однако довольно редко в пе-

**КТО ЖЕ
ВЗЯЛ
ФАЛЬ-
ШИВУЮ
НОТУ
?**

части поднимаются вопросы о языке произведений для юных читателей. Книга Г. В. Абрамяна привлекла наше внимание не случайно. В авторском предисловии к ней говорится: «„Кто взял фальшивую ноту?“ — повесть о ребятах, которые, сами того не подозревая, обнаружили удивительную сокровищницу. В ней нет ни золотых монет, ни драгоценных камней... Эти необыкновенные сокровища невозможно истощить, потому что они несметны.

Если вы последуете примеру героев этой книжки, то обязательно согласитесь со мной».

Речь идет о приобщении ребят к миру прекрасного, к «удивительной сокровищнице» музыкального искусства, о том, как мальчишки поступают в музыкальную школу, как покупают музыкальные инструменты, уговаривают и убеждают взрослых, просят их помощи и, как свойственно детям вообще, — «шалят», фантазируют, «ссорятся».

Удивительной сокровищницей часто называют и русский язык, богатства которого неистощимы, а возможности выражения не ограничены. В этом он не уступает музыке, ибо, по словам Н. В. Гоголя, в нем «все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких...».

Не станем заниматься теперь сравнением достоинств музыкального искусства и искусства слова, скажем лишь мимоходом, что попытка приобщения к музыке требует, особенно от детского писателя, любви, бережного отношения и уважения к другой, не менее удивительной сокровищнице — русскому языку.

О КИРПИЧЕ И КАМНЕ

Различные пласты лексики, используемые писателем, могут служить средством речевой характеристики героев и, образно говоря, языковым фоном определенного исторического периода и т. п. Нелепо требовать, чтобы писатель нивелировал язык, избегал нелитературных языковых средств. Однако литературный язык в любом произведении художественной литературы должен преобладать, тем более в произведении, адресованном маленьким читателям. Привить детям вкус к хорошему языку, языку правильному можно только на основе нормы.

Язык повести «Кто взял фальшивую ноту?» — пестр, неровен, разностилен. Бросается в глаза обилие слов и выражений с явным оттенком грубости и вульгарности:

приперли, шикали, шмыгали, вовремя смылись, дрыгнули ногами, смотался, балабонить, строить рожи, валять дурака и т. п.

Стиль произведения небрежен. Автор насыщает детскую речь несвойственными детям языковыми штампами, книжными оборотами: из дальнейшей речи, храм искусства, тонкий ценитель музыки, положил конец спору, произвожу на родителей благоприятное впечатление, распространяю объятия, сложнейшая комбинация, категорически отказался, смотрел па эти манипуляции, на манер автомобильного гудка и т. п. Маленькие герои употребляют слова, несоизмеримые по своей смысловой «емкости»: «Пятилетний Гриша... схватил осколок *кирпича* и замахнулся. — Не смей! — воскликнул Женька и отобрал у Гриши *камень* [?]...» (стр. 6).

В книге много примеров неточного словоупотребления. Порой эта неточность сказывается в искажении значений слов, в нарушении правил сочетаемости одного слова с другими.

В русском языке слово *кочевать* имеет три значения: 1) «вести кочевой образ жизни»; 2) «передвигаться стадами или стаями с места на место»; 3) «переезжать из одного места в другое, часто менять местожительство» (в разговорном употреблении). В повести оно употребляется в значении «ходить по комнате»: «Кочуя от окна к окну, мы распределяли комнаты по своему усмотрению» (стр. 7).

Глагол *заглянуть* может сочетаться с существительными *окно, глаза*, так как имеет значение «посмотреть внутрь чего-либо, куда-либо». Можно заглянуть в помещение, в книгу, на минуту к товарищу, но не «в очередное пыльное стекло» (стр. 7).

«В Моссовете уже *подписали* данный вопрос» (стр. 6). Вопросы, на наш взгляд, лучше все-таки *ставить, поднимать, разрешать, обсуждать*, чем *подписывать*.

Кажется, что не требуют «лингвистического микроскопа» и такие выражения: скрючившись в три погибели; прокашлялся и высморкался; охнул и выдохнул и др. К особой группе отнесем слова, стилистическая окраска которых близка к жаргонной: агитнём, чокнутый и преч.

«ПОГОВОРИМ НАЧИСТОТУ»

Фразеологизмы хороши тогда, когда употреблены правильно и уместно. Недаром говорится: пословица к слову молвится. Использование фразеологизмов писателем до-

стигает цели тогда, когда они гармонично сочетаются с авторской фразеологией — совокупностью индивидуально образных средств языка.

В книге Г. В. Абрамяна фразеологизмы «скачут» от строчки к строчке. Автор ведет повествование от лица мальчика младшего школьного возраста — Феди. И не верится читателю, что ребенок так бойко «сыплет» фразеологизмами в общении с товарищами.

Крупный исследователь детской речи, лингвист и педагог А. Н. Гвоздев говорил о сознательном усвоении детьми языка, об их интересе к языковым явлениям (Вопросы изучения детской речи. М., 1961). Дети стремятся к осмысленности явлений языка, но тем не менее речь их далеко не совершенна, хотя порой очень оригинальна. В повести она бывает псевдооригинальной. Какие фразеологизмы употребляет Федя и его товарищи? В основном это устойчивые сочетания слов, к которым во фразеологическом словаре никаких стилистических помет не дается: говорить начистоту; шутка ли сказать; хлопать ушами; вышел из терпения; остановился как вкопанный; сорить деньгами; был не в своей тарелке; морочить голову; коптить небо; курам на смех; брать быка за рога; словно в воду канул и др. Встречаются в книге и просторечные фразеологизмы: зададим ему жару; покажи ему, где раки зимуют; задал стрекача; и дело в шляпе.

Порой фразеологизмы обыгрываются, употребляются их прототипы, то есть такие словосочетания, к которым они восходят. Это фразеологические единства, совпадающие по внешней звуковой форме со свободными сочетаниями слов. В. В. Виноградов называет такие словосочетания омонимичными. Ср.: биться из-за куска хлеба и биться (с кем-нибудь) из-за куска хлеба (Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, стр. 25): «Я играю [в оркестре] первую скрипку», «...энциклопедию на ветер пустил» [делал из нее бумажного змея], «Словом, нам обоим ясно — игра на [музыкальных инструментах] стоит свеч».

В последнем примере слово *игра* употреблено в прямом значении 'играть на скрипке', и все словосочетание понимается как 'оправдывающее себя дело, занятие'. На наш взгляд, такое использование устойчивых словосочетаний удачно. Оно помогает детям увидеть, как из конкретного словосочетания возникает другое — с переносным значением. Однако в целом такое обилие фразеологизмов в по-

вести вряд ли оправдано. Здесь в основном диалогическое повествование. Поэтому, когда юные герои говорят: «из кожи вон лез», «коптить небо», «не откладывая дела в долгий ящик», «без году неделя» и проч., не верится, что это «глаголется устами младенца».

О ТАКСЕ И ВОРОНЕ

Богат и неисчерпаем словарь русского языка, а у мальчишек в повести нет других имен и названий, как *растяпа*, *вредина*, *обжора*. Сам Федя говорит о себе: «Когда я снимаю очки, глаза у меня становятся гораздо больше, а нос почему-то вытягивается вперед. Я становлюсь похож на таксу» (стр. 66). Однако устами Кости автор опровергает этот вывод: «Кто я, Федя или не Федя?— Федот, да не тот,— засмеялся Костя.— Ты похож на ворону» (стр. 66).

Не отстает от Феде и сам Костя. Он «похож на глупого жирафа». Гриша называет Ваську «толстым контрабасом», Федя нарекает того же Ваську «толстомордой[?] виолончелью». Сплошь и рядом наделяются герои повести свойствами и способностями животных. Васька то Федю «лягнул ногой» (стр. 43), то «лягал виолончель ногой» (стр. 107). «Васька направился к воротам с величественностью слона, уходящего в джунгли» (стр. 59).

А вот описание учителя музыкальной школы: «Учитель был маленького роста, в полтора раза меньше контрабаса и в два раза толще Васьки. Растопыренные пальцы рук лежали у него на животе, словно на глобусе [?]. Он непрерывно барабанил ими по этому глобусу, где вместо Тихого или Великого океана ослепительно сверкала белая рубашка...» (стр. 70). Глобус пользуется в повести особым почетом. «Мать ласково гладила его [Ваську] по круглой, как глобус, голове...» (стр. 44).

«...ВЕЗДЕ ОДИНАКОВО НЕБОЛЬНО»

В книге дерутся, дерзят, хулиганят почти все мальчики, начиная с пятилетнего Гриши, который «замахивается осколком кирпича». Федя ищет подходящий момент, чтобы «треснуть» Кузю-барабанщика, которому Женька «успел дать хорошего пинка» и «съездил для верности разочек по башке». Женька как-то «хлопнул несговорчивого дошкольника энциклопедией по голове», а его одноклассница Лена, разозлясь на Федю, стукнула последнего

«нотной папкой по голове — и угодила замочком... Да так, что искры из глаз посыпались». (Художник В. Трубкович, иллюстрировавший книгу, несколько смягчил удар Лены: он нарисовал не жесткую нотную папку с замочком, а иную — помягче, с молнией.) В книге не прочь ударить и взрослые, например Мария Ивановна «пребольно стукнула» Федю «костяшками пальцев в затылок», а родители юных музыкантов готовы в сердцах с них «шкуру спустить!». Не отличаются корректностью и лаской к детям даже зрители... на концерте. Женькин сосед, выйдя из терпения, обещает «вытряхнуть отсюда» мальчика, если он не перестанет задавать вопросы. Юные музыканты, которых приобщают к «удивительной сокровищнице», не только дерутся, но и бьют стекла «в два человеческих роста да в два пальца толщиной!».

А перед отчетным концертом на генеральной репетиции «такая получилась каша, что передать словами невозможно... Женька... бросил дирижерскую палочку и дал скрипачу, сидящему справа, по уху... Петя Люлькин огрел смычком своего соседа...». Такой грандиозной, как выражается автор, «сварой» заканчивается, наконец, в книге остросужетная сторона. Для чего понадобилось Г. В. Абрамяну такая «метода» самоприобщения мальчишек к миру прекрасного? Автор уверен, что дети — терпеливый и стойкий народ: синяки под глазом и шишки от энциклопедий — не так уж страшно. Почему?

«...И он [Васька] бесстрашно защищал ворота: животом, грудью и чем попало, так как ему было везде *одинаково небольно*» (стр. 59).

В последних главах повести автор показывает вдруг поумневших героев, которые прекрасно чувствуют музыку. Говоря словами старого генерала, дедушки «паршивого внука» Кузи-барабанщика: «Молодцы ребятки!». И чувствуется, что писатель вместе с дядей Степой стекольщиком «невероятно горд, что его звери-кролики не подкачали».

АВТОР ШУТИТ...

Мы говорили об эстетической стороне языка книги, теперь несколько слов об этической. Чего стоит, например, повествование об озабоченности мальчишек после предварительного испытания в музыкальной школе.

«Не примут, вот посмотрите! — сказал Костя. — И зачем ты, Васька, заладил про измены и перемены? Что, ты без этого не мог обойтись? — Ну, и ты хорош! — не остался в долгу Васька. — То *пищал, как поросенок*, то ревел, как бык. За такое по головке не гладят...

— А по-моему, — сказал Серезжка, — нас с руками и ногами возьмут. Думаете, к ним каждый день приходят добровольцы?

— Особенно Федю возьмут, — сказал Васька. — Прямо схватят да еще спасибо скажут.

— Да-а, Федя был хорош! Гудел про *бухенвальдский набат*...

— Еще завел „*Дубинушку*...“.

— По голове бы его этой *дубинушкой*...» (стр. 85).

Что касается быка, то он действительно ревет. А вот поросенку все-таки приличнее *визжать*. Каламбурное обыгрывание названия русской, ставшей революционной, песни «Дубинушка» и словосочетания «бухенвальдский набат», скажем мягко, не совсем этично.

В заключении повести сказано, что дети не только сами полюбили музыку, но приобжили к ней и родителей. Правда, пока что у Фединой мамы «очень короткая партия — не больше четырех строчек», по играет она «очень и очень мило», а весь оркестр научных работников, ее коллег, играет «корректно, музыкально и чрезвычайно эмоционально». Очень хотелось, чтобы так же писались детские повести: корректно, музыкально и чрезвычайно эмоционально.

В. М. ПАНЬКИН

ПОЧТА
«РУССКОЙ РЕЧИ»

ГАСТРОНОМ В ГАСТРОНОМЕ

«Недавно я услышал, как одного человека называли *гастрономом* за его умение разбираться в винах и еде. Но все знают, что *гастроном* — это «магазин», в котором мы ежедневно покупаем различные продукты. Объясните, пожалуйста, в чем тут дело?» — просит нас москвич Г. В. Калошин.

Слово *гастроном* было заимствовано из французского языка в начале XIX века и с этого времени получило в русском языке

довольно широкое распространение. В толковых словарях русского языка и других справочных пособиях, издаваемых с XIX века по 40-е годы XX века, у слова *гастроном* отмечается только одно значение 'знаток и любитель вкусной еды': «Князь был большой гастроном и пил за столом только один рейнвейн высокой цены» (Писемский. Тысяча душ); «[Кречетов] был большой охотник поесть, сам себя называл гастрономом и считал себя тонким знатоком вин» (Панаев. Литературные воспоминания); «Моя мать любила хорошо покушать и в этом был главный интерес ее жизни; она собирала у себя таких же гастрономов и кормила их, потом каждый из них кормил ее у себя» (Горький. Рассказ о герое).

Почти одновременно со словом *гастроном* в русский язык из французского входит слово *гастрономия* (*gastronomie*) в значении 'искусство составлять вкусные яства'. Со временем это слово расширяет сферу употребления и начинает обозначать совокупность некоторых продуктов (мясо, рыба, колбаса, вино и пр.) и отдел, где они продаются. Ср.: магазины и отделы с названием «бакалея», торгующие сахаром, мукой, крупой, чаем, различными пряностями и пр. От слова *гастрономия* в русском языке было образовано прилагательное *гастрономический*, которое стало употребляться в составных названиях: гастрономический отдел, гастрономический магазин и др. «В больших гастрономических магазинах на Тверской — у Белова и Генералова — все колбасные изделия — объединение!» (Конашевич. О себе и своем деле).

Одна из характерных черт языка вывесок — краткость. Именно поэтому на магазинах мы читаем: промтовары, электротовары, обувь, мебель, универмаг и др. Эта краткость и способствовала тому, что составное название *гастрономический магазин* было вытеснено однословным *гастроном*: «У нас имеются образцовые торговые предприятия: гастрономы, универмаги, специальные магазины, которым могут позавидовать и в других странах» (А. И. Микоян. О мероприятиях по дальнейшему развертыванию товарооборота); «— А сами что будем завтра кушать? Небось, не в городе — сбегал в гастроном, и вся недолга» (Катерли. Стожаровы).

Таким образом, буквально на наших глазах у слова *гастроном* появилось новое значение 'название гастрономического магазина'. Это значение одним из первых зарегистрировал 4-томный «Словарь русского языка».

Возвращаясь к письму товарища Г. В. Калошина, следует сказать, что наш читатель услышал слово *гастроном* в значении 'знаток и любитель вкусной еды', то есть в том значении, в котором оно впервые вошло в русский язык.

В. Н. Сергеев

УЧЕБНИК РОДНОГО ЯЗЫКА

ПИСЬМА ИЗ ШКОЛ

Новый учебник русского языка радует нас прежде всего тем, что оригинальными наблюдениями и упражнениями обращает творческое внимание учащихся на вопросы разной трудности, предупреждая их ошибки с педагогическим тактом и умением.

В письменных работах учащихся встречается немало ошибок при использовании двувидовых глаголов, совмещающих значения несовершенного и совершенного видов. О глаголах типа *ранить, арестовать* ранее в учебниках говорилось лишь в примечании. Теперь даже на обложке таблицей дан глагол общего вида:

*Превратить
превращать
преобразовать*

Однако, несмотря на все достоинства учебника, некоторые темы в нем нуждаются в совершенствовании. Так, в новом освещении представлен вопрос «*Не* и части речи» — одна из узловых тем, которая связывает воедино в определенном ключе морфологию и синтаксис.

Вполне логично ограничение отрицательной частицы *не* от приставки *не-*, сделанное в новом учебнике. Но в том и другом случае взяты лишь крайности, без основных, средних и переходных моментов. «Оценки у меня *не отличные* и *не плохие*» («Учительская газета», 1972, № 14). Значит, можно думать: хорошие, удовлетворительные, посредственные, средние. «Нет, этот человек *не друг* мне:

Заметками учителей Е. И. Комиссаровой, В. Н. Барина и кандидата филологических наук В. Я. Дерягина мы продолжаем публикацию материалов о новом учебнике русского языка для V класса — М. Т. Баранов, Л. Т. Григорьев, И. И. Кулибаба, Г. А. Ладыженская, Л. А. Тростенцова. Русский язык. Учебное пособие для V класса. Под редакцией члена-корреспондента АПН СССР, доктора филологических наук Н. М. Шанского. М., «Просвещение», 1971 («Русская речь», 1971, № 6; 1972, № 1—4). С обзорной статьей опубликованных и присланных в редакцию отзывов о новом учебнике редакция познакомит читателей в ближайших номерах журнала.

я его первый раз вижу» и «У меня есть друзья и *недрузья*». В первом случае *не друг* — просто отрицание, нет утверждения противоположного (враг).

«— Мама, приехал Андрюша? Это *не правда?*». В таком отрицании можно предположить различный смысл: «ошибка, непроверенный слух, обманная шутка», но не противоположную крайность — не ложь.

Новые формулировки правил о правописании *не* с существительными, прилагательными и наречиями на *-о*, *-е*, стремясь упростить материал, исключают из рассмотрения перечисленные примеры и ставят написание в зависимость от наличия противопоставления и других пояснительных слов: «*не* с полными и краткими именами прилагательными пишется слитно, если *не* является приставкой, и раздельно, если *не* — отрицательная частица. *Несложный, несложен... Не сложный, а простой*» (§ 40).

Весьма кстати обратить внимание на то, с какой свободой сами ученые пользуются слитным и раздельным написанием *не* в аналогичных случаях: В 4-томном «Словаре русского языка» (М., 1958) к слову *незамысловатый* дается пояснение: «Не сложный, не требующий большой вдумчивости...»; к слову *неодинаковый* — «не сходный», а к слову *несходный* — «не похожий» и т. п.

Допустим, что в новом правиле круг примеров раздельного написания ограничен лишь одним противопоставлением по причинам методическим. В следующем, VI классе, кроме указанной причины, раздельное написание *не* от слов (существительных, прилагательных, наречий на *-о*, *-е*) поддерживается наличием местоимений с *ни* или

выражений *далеко не, вовсе не, отнюдь не*. *Вовсе* — усиливает не только отрицание, но и утверждение: «Он *вовсе глуп*». Можно утверждать противоположное: «Он *вовсе неглуп (умен)*».

Чтоб не создавать подобных лабиринтов, на наш взгляд, не следует *не* ставить в зависимость от пояснительных, усилительных слов.

В практике речи есть свои традиции: «Не совсем обычный, а точнее *вовсе необычный*. Его судят не равные. Не способен к борьбе. Не удивительно. Я с вами не согласен. Лучшего она и не достойна. Точно не известно. В России, еще не знакомой... Одно лишь вечное не интересно современникам» («Литературная газета»).

Заметим также, что раздельное написание: *не легко, не красив, не годен, не весела, не молод, не виден* — преобладает, когда подобные прилагательные используются в роли сказуемого. Разве не ясно, что правило, ориентирующее на пояснительное, зависимое слово, часто способно вносить путаницу: «На то, что с существительным и прилагательным употреблена приставка *не*, указывает наличие перед этими словами предлога, прилагательного или местоимения, которое склоняется, как прилагательное» (?). Несомненно одно: преобладает число слов, в которых приставка *не* все-таки остается частицей, ибо дело не в одном только наличии противопоставления, а в подразумеваемом противопоставлении конкретного и общего, определенного и неопределенного: *не всегда, не готов, не сегодня, не последний, не раз*. «Доброта ваша *не хорошая, не сердечная*» (Куприн); «Когда у человека совесть *не чиста*, это самое верное средство...» (Лесков).

Е. И. КОМИССАРОВА
Ульяновск

Новый учебник по русскому языку для V класса — интересное и оригинальное пособие. Создание его вызвано изменениями требований школьной программы, возросшим в школе интересом к русскому языку (как и вообще в стране), окрепшими связями между наукой и школой.

В адрес авторов нового учебника было сказано на страницах «Русской речи» много хороших слов и критических замечаний. Наряду с безусловными положительными сторонами нового учебника нельзя не отметить и негативные. Бросается в глаза обилие научной терминологии, пересыщенность пособия авторскими вопросами, советами. Соз-

дается впечатление, что учебник предназначен для самоподготовки, кажется, что авторы желали во что бы то ни стало представить все виды упражнений, которые знает методика. Порой такая пересыщенность (хотя бы научными терминами) ничем не оправдана.

В большинстве упражнений (34, 35, 39, 104, 333 и др.) авторы требуют от учащихся то «выписать слова с орфограммой № 2 и № 3», то «обозначить орфограмму № 4 и № 7» и т. п. В IV классе учащиеся должны запомнить 25 орфограмм и в V классе — 24. Авторы полагают, что, во-первых, написание, соответствующее правилам орфографии, лучше назвать научно — орфограммой, и, во-вторых, учащимся легче запоминать правила, если их пронумеровать. Вместо живого ответа на уроке слышишь: это орфограмма 25, а это 34... На наш взгляд, такое нововведение ничего, кроме формализма, не дает.

В учебнике авторы предлагают не только упражнения, разнообразные задания, но и исторические справки. Это, конечно, одно из достоинств нового пособия. Однако некоторые такие справки нуждаются в уточнении. Так, в тексте о первопечатнике Иване Федорове (стр. 197) читаем: «Рукописных книг было мало и стоили они дорого...». Речь идет о XVI веке, хотя известно, что «количество рукописных книг, написанных в Древней Руси до XIV века включительно... составляло около 100 тысяч экземпляров, а вместе с завезенными из южнославянских стран должно было превышать это число» (Л. П. Жуковская. — «Русская речь», 1971, № 1).

В. П. БАРИНОВ
Загорск

ЕСЛИ — НАДЦАТЬ СУФФИКС...

Несобычайно сложна для изложения в школьном учебнике тема «Имя числительное», так как «пережитки старинных морфологических отношений, видоизмененных, но не до конца переосмысленных, еще сохранялись в грамматической системе современных числительных... При наличии явных признаков самостоятельной грамматической категории современные русские имена числительные представляют пеструю морфологическую картину» (В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 288).

Правила образования и изменения числительных, сочетания их с другими словами в предложении похожи больше на исключения. Почти все они действуют в пределах строго ограниченного круга слов, часть из них не согласуется с правилами, по которым образуются, изменяются или сочетаются слова, относящиеся к иным частям речи...

Авторы учебника отказываются от традиционного для школьной программы деления числительных на простые, сложные и составные. Они приводят в § 45 два разряда: простые числительные (из одного слова) и составные (из сочетания слов). То есть *один, двенадцать, тридцать, пятьдесят, пятьсот* — все это простые числительные. Но в § 47, посвященном склонению «собственно количественных числительных», исподволь вводится термин «сложные числительные»: «У сложных числительных *пятьдесят — восемьдесят, двести — девятьсот* склоняются обе части». Ни до этого, ни после понятие не раскрыто, и вдруг несколько простых числительных оказались сложными.

Авторы не называют сложными числительными *одинадцать — девятнадцать*, а также *двадцать и тридцать*. Основанием тому служит теория словообразования, последовательно проводимая в учебнике. В упражнении 339 дана этимология слова *двенадцать*, которое «возникло из сочетания числительного и существительного с предлогом: „две на десяти“, то есть „два свыше десяти“. В этом сочетании установилось одно ударение на предлоге „на“, слова слились в одно слово. Во втором корне произошли фонетические изменения, которые привели к образованию суффикса „-надцать“. Так же образовались остальные числительные с этим суффиксом». К упражнению вопрос: «Какой способ был использован при образовании слова *двенадцать*?».

Если *-надцать* суффикс, то ученик должен ответить, что здесь был использован «морфологический способ». Ведь в отделе, посвященном словообразованию, есть правило: «Слова в русском языке могут образовываться с помощью приставок и суффиксов... Этот способ словообразования (словопроизводства) называется морфологическим» (§ 18). Правда, из рассказа о слове *двенадцать* ясно видно, что здесь «слова слились...». В числительных *двадцать и тридцать -дцать*, наверное, тоже суффикс, хотя в учебнике об этом не говорится.

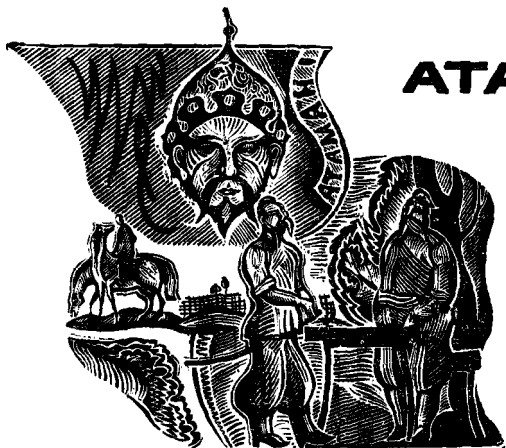
Если в поисках ответа на вопрос о слове *двенадцать* ученик обратится к § 20 учебника, в котором приведены «неморфологические способы образования слов», он найдет правило: «Сочетание слов может сливаться в одно слово». Правило иллюстрировано рассказом об истории слов *сейчас* и *сегодня*, которые «в настоящее время... состоят из одного корня». Здесь *сей-* и *сего-* морфологически вообще ничто.

Авторы новых учебников для IV и V классов часто приводят справки по истории слов, в занимательной форме знакомят учащихся с некоторыми вопросами истории русского языка. На это положительное нововведение обращали внимание многие учителя, методисты и ученые, выступавшие на страницах «Русской речи». Знание истории слов развивает языковое чутье и языковое сознание ученика, помогает ему постичь внутреннюю форму привычных слов родной речи. (Кстати, числительные признаются всегда за образцы слов с прозрачной внутренней формой.) Однако стремление во что бы то ни стало отделить историческое словообразование от современного приводит к досадным недоразумениям. Если вопрос рассматривать шире, то здесь намечается разрыв истории языка и его современного состояния.

В современном теоретическом языкознании известные идеи о резком противопоставлении диахронии и синхронии, истории и современной системы языка, подвергаются сомнениям и критике. Следует ли спешить с введением их в практику школьного преподавания?

Следует ли также в угоду кажущейся стройности изложения излишне усложнять терминологию? Речь идет, например, о термине «собственно количественные числительные», перенесенном в учебник для V класса из некоторых вузовских пособий. О том, что дробные числительные имеют то же, а собирательные близкое значение, по-видимому, лучше было бы сообщить в описательной форме, а не в форме рубрикации «разрядов количественных числительных по значению», как это сделано в § 46. При этом не вводился бы громоздкий термин и мысль была бы точнее: собирательные числительные все же неодинаковы по значению с простыми обозначениями чисел и количеств, то есть с числительными количественными.

В. Я. ДЕРЯГИН

АТАМАН И ГЕТ- МАН

Читатель «Русской речи» Юрий Григорьевич Росляков из Амурской области решительно возражает против этимологии слова *атаман*, возводящей это слово к немецкому *гауптман* 'капитан', и предлагает рассказ о том, как почти 500 лет назад оно могло войти в русский язык во время встреч казаков с тюрками:

«...На третьи сутки увидел Никифор Оплеуха в степном мареве войлочные кибитки ордынцев. Поскакали к ним, а навстречу — лава конного караула басурманского. Спешились казаки, кричат, папахами машут — с миром дескать. Остановились и татары. Сотник — толмачу Юсупке:

— Спроси, кто у них батько.

Из толпы степняков выехал на кровном арабском жеребце роскошно одетый старик. Сказал важно:

— Ата мэн (ман)...

[Вот и весь *атаман*: татарин ответил на прямой вопрос толмача о батьке. На любом из тюркских языков это значит: „Отец (батько) я...“. И не нужно никаких трансформаций, никаких гениальных, но маловразумительных гипотез...]

И вот что происходит в станице после возвращения сотника с разездом. Сотник Оплеуха докладывает „батьке“:

— ...И выезжает от басурман большой начальный человек, бунчук о трех хвостах за ним везут.

Б а т ь к о: Сотник, что ли?

О п л е у х а: Не! Поболе будет.

Б а т ь к о: Полковник?

Взглянул Оплеуха на дружка — полковника, усмехнулся: куда Гришке до сановитого татарина! Ответил: Не! Забирай выше — атаманом сказался.

Ну, тут уж наступила батькина очередь смеяться: „Выше полковника — я. Стало быть, татарин — мне ровня“.

Вскоре, при визите татар он уж сам уверенно представляется гостям: Атаман Загнибеда...

Вот так или очень похоже мог войти в казачий лексикон *атаман*...».

Внешне этот рассказ выглядит очень убедительно, но если мы обратимся к русским письменным памятникам, то убедительность рассказа о слове *атаман* сразу же меркнет. Впервые это слово встречается (в форме *ватаманъ*) в Новгородской грамоте 1294 года: «Како есмь докончалъ съ Новымгородомъ [как я уговорился с Новгородом] ходити тремъ ватагамъ моимъ на море, а ватаманъ Ондрей Критцкый». В старинных памятниках известно также написание *вотаманъ*, новгородские говоры еще в XIX веке сохраняли слово *ватáман* ‘староста рыболовецкой артели’, а сама артель именовалась *ватагой* (Словарь русских народных говоров. Вып. 4. Л., 1969).

Следовательно, *ватаман* был начальником *ватаги*, но впоследствии значения этих слов изменились, связь между ними утратилась.

ВАТАГА

Русское слово *ватага* известно по памятникам уже с XII века. Оно считается старым заимствованием из древнечувашского (булгарского) языка, где звучало **ватаг* (в современном чувашском языке это слово не сохранилось). В других тюркских языках, родственных чувашскому, это слово обозначает палатку, юрту, шалаш или комнату и звучит там по-разному, хотя и похоже: *отаг*, *отак*, *отау*, *отуу* и т. п.

Тюркскому *отаг* в древнечувашском (булгарском) языке закономерно соответствовала форма **ватаг* или **вѣтаг* с приставным (лингвисты называют его протетическим) губным согласным *в-* перед *о-*, который утрачивал свою «огубленность». Это явление очень старое: протетический (приставной) согласный звук *в* встречается в некоторых древнечувашских заимствованиях в вен-

герском языке, а венгры прервали связь с предками чувашей уже в конце IX века.

Уже на русской почве болгарско-чувашское слово **ватаг* приобрело окончание *-а*, став существительным женского рода.

ВАТАМАН

То же самое болгарское слово, вошедшее в русский язык как *ватага*, послужило основой и для *ватаман*, образованного с помощью тюркского суффикса *-ман*: **ватаг* + *ман* > **ватагман* > **ватаман* с закономерным исчезновением *-г-* перед согласным (ср. выпадение *-г-* перед согласным в названии крымского города Судак > Судак).

Ватаман получает распространение на русской почве и к XV веку становится терминологическим обозначением руководителя казацких отрядов, причем так именовались предводители всех рангов (Ф. П. Сороколетов. История военной лексики в русском языке XI—XVII вв. Л., 1970). Поэтому нельзя согласиться с известным немецким историком Б. Шпулером, который считал атаманов помощниками баскаков. В тексте западнорусских летописей, на которые ссылается Б. Шпулер, атаманами называются представители местной власти, которые передавали дань ордынским баскакам.

В речевом употреблении слово *ватаман* могло сочетаться с предлогом *в*, правда, удвоенный согласный *вв* иногда в произношении упрощался, но предлог в этом сочетании ясно чувствовался, поэтому после его устранения возникла усеченная форма *атаман*. Аналогичным образом в простонародном произношении возникают формы с усечением начального согласного *в* в словах типа *Аршава* вместо *Варшава*, а также *атага* вместо *ватага*. Произношение *Аршава*, *атага* во всеобщее употребление не вошло, как это случилось с термином *атаман*, форма которого без начального *в-* стала господствующей с XVI века, именно она проникла и в другие славянские языки.

Не вполне ясно происхождение русских диалектных форм: *батáман* 'домовой', отмеченной в вологодских говорах, *атаман* 'скупой человек, скряга' — во владимирских говорах (Словарь русских народных говоров. Вып. 1. М.—Л., 1965; Вып. 2. М.—Л., 1966).

Русский язык сберег не только болгарскую разновидность *ватаг* тюркского слова *отаг*, но и почти не сохранившееся в тюркских языках образование с суффиксом *-ман*: *одаман* 'старший чабан' — в крымскотатарском, кумыкском, ногайском; *утаман* 'заводила, главарь в играх' — в татарском.

Преобразованное на русской почве, слово *атаман* (из *ватаман*) проникло во многие тюркские языки Советского Союза, например, в татарский (наряду со старым *утаман*, имеющим другое значение), казахский, каракалпакский, ногайский, кумыкский, киргизский, узбекский, туркменский, азербайджанский, тувинский, якутский и др. В горно-марийский язык это слово проникло сразу из двух источников: из русского в виде *атаман* и из древнечувашского — *вытаман* (для последнего также не исключена возможность происхождения из древнерусской формы *ватаманъ*).

Слово *атаман* проникло не только в языки народов нашей страны, но и в языки зарубежных стран, например: немецкий, венгерский, румынский.

ГЕТМАН И ГАУПТМАН

Заканчивает Ю. Г. Росляков свое письмо еще одной этимологией:

«В заключение — пара слов о *гетмане*... Вот это слово действительно очень похоже на немецкое *Hauptmann* 'капитан'. И все же думаю, что *гетман* — от того же *атамана*, только шел другим путем.

Смотрите: *атаман*, потом начальное *а* приобретает типичный для украинского говора придыхательный звук *хг* (*h*) — *хатаман*; далее, выпадает второе *а* — *хатман*. Ну, а от этого слова до *хетман* или *гетман* — один шаг».

Правда, Юрий Григорьевич забыл еще «один шаг»: почему в слове изменилось ударение? И на этот вопрос ответить нелегко. Ведь ударение было и на последнем слоге основы: *гетман*. Оно отмечено, например, в «Лексиконе треязычном» Ф. Поликарпова (1703), как архаизм встречалось у поэтов XIX века, хотя многие словари, начиная с 1835 года, закрепляют общепринятое сейчас ударение на начальном слоге.

Принять предположения Ю. Г. Рослякова мешает также отсутствие в письменных памятниках промежу-

точных форм от *атамана* до *гетмана*, нет их и в живых языках, хотя есть *атаман*, *ватаман* и *гетман*.

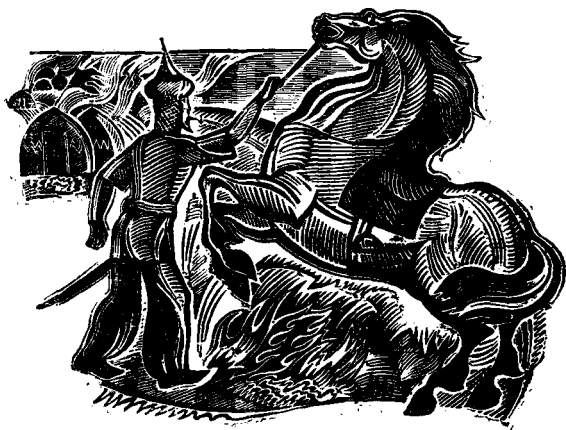
Слово *гетман* впервые встречается под 1493 годом в Новгородской IV летописи. Ф. П. Сороколетов указывает, что первоначально это наименование «применялось только для обозначения лиц командного состава польско-литовской армии», причем термин обозначал начальников большего масштаба, чем капитан. В книге «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», изданной в Москве в 1647 году, термины *гетман* и *воевода* употребляются для передачи немецкого General. Впоследствии *гетман* закрепляется в русском языке для обозначения высшего чина у запорожских казаков.

Следовательно, можно предположить, что к русским и украинцам это слово попало от поляков, которые с 1410 года знают термин *hetman* (также *etman*, *hejtman*), заимствованный из немецкого языка. В основе его лежит не современная немецкая форма *Hauptmann*, а диалектная средненемецкая *häuptmann*, в которой первый слог произносился с *э* долгим. Следовательно, термин *гетман* имеет западное происхождение и никак не может быть связан с восточным термином (*в*)*атаман*.

Польское происхождение термина *гетман* у русских объясняет и колебание ударения. Дело в том, что в польском языке ударение обычно падает на предпоследний слог слова, поэтому *hétman* в именительном падеже имело ударение на начальном слоге, а в косвенных падежах, где добавлялся один слог, типа *hetmána* ударение перемещалось на второй. Такая передвижка ударения в пределах основы чужда русскому языку, который сначала усвоил ударение польских косвенных падежей, перенося его и в именительный: *гетман* по образцу *гетмана* и т. д. Но сейчас возобладало ударение польского именительного падежа, которое было перенесено и на русские косвенные падежи: *гётман*, а отсюда и *гётмана*. Колебания сменились единообразием. Следовательно, и ударение подтверждает предположение о польском происхождении слова *гетман* в русском языке.

Таким образом, только учет всех даже мельчайших деталей дает возможность полно выяснить историю слова.

И. Г. ДОБРОДОМОВ

АРТАЧИТЬСЯ

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера глагол *артачиться* отсылается к слову *ртачиться* (с тем же значением), образованному от слова *рот*. Эта этимология повторяется и в «Этимологическом словаре русского языка», издаваемом МГУ (1963).

Русское *артачиться* может быть объяснено и на тюркском материале. Производящей основой глагола *артачиться*, возможно, является тюркско-монгольское *артак*. В тюркских и монгольских языках мы находим: татарск. *ардаклы* (от не зафиксированного в словарях слова *ордак*) избалованный своенравный (в близких значениях *ардак* имеется также в башкирском, казахском, киргизском, алтайском и др. языках) башк. диал. *‘арҗакла’* ‘баловать’ калмыцк. *ардаг* ‘нежный, не крепкий, быстро устающий; слишком горячий, необученный (о лошади)’ могольск. и бурятск. *ардаг* ‘необъезженный, дикий (о лошади)’, якутск. *атаах, атаак* ‘капризный’, уйгурск. *ардак* ‘баловень; почет’, *ардакка* ‘баловать; уважать’; чувашск. *иртех* — ‘стать избалованным’ (через ступени *эртэх < артак*). Сюда же мордва-эрв. *орта* — мордва-мокшанск. *орда* ‘капризничать’, марийск. *орда* ‘капризный, своенравный’, *яртаман* ‘норовистый (о лошади)’. В «Древнетюркском словаре» (М., 1969, *артак* ‘испорченный’ — от *арта* ‘портиться, совращаться’, ср. также хакасск. *арда* ‘портиться’ башк. диал. *артау* ‘испорченный’).

Таким образом, *артачить, артачиться* означает ‘вести себя как одичалая, необъезженная лошадь’.

Русский диалектальный *ртачить* (от которого образованы *ртачиться* и *артачиться*) имеет значение 'изноравливать коня, портить его обхождением' (Словарь В. И. Даля), то есть тут налицо рефлекс значения татарского *ардак* 'своенравный, капризный, испорченный обхождением'.

Р. Г. АХМЕТЬЯНОВ

ВЕДОМ? ВЕДОМО?

русском языке известны случаи, когда трудно восстановить первоначальную, исходную форму слова, сохранившегося в современном языке лишь в составе застывших словосочетаний. Какова, например, исходная форма *ведома* в сочетаниях *без ведома*, *с ведома*? Словари современного русского языка исходную форму в данном случае не реконструируют, вероятно, по той причине, что в живом употреблении

она не встречается. Так, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова в качестве заголовочного слова выносит *ведома*. 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» помещает устойчивые словосочетания *без ведома*, *с ведома* в словарной статье на причастие *ведомый*, выделяя эти сочетания особым знаком.

Восстановить исходную форму слова оказывается возможным лишь на основании материалов памятников русского языка. Форма *ведома* этимологически восходит к древнерусскому глаголу *вѣдѣти* 'знать', от которого по правилам древнерусской грамматики закономерно образовалось причастие *ведомый*, *ведома*, *ведомое* (краткая форма *ведом*, *ведома*, *ведомо*). Уже в древнерусском языке краткая форма этого причастия в среднем роде стала свободно

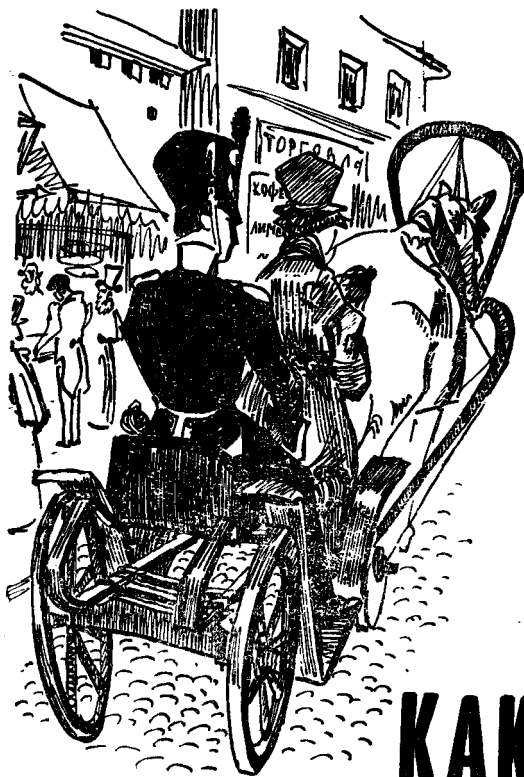
употребляться как безличное сказуемое и как вводное слово. С течением времени краткая форма причастия *ведомый* все активнее начинает втягиваться в процесс субстантивации, то есть переходит в разряд существительных.

В значении существительного в разных косвенных падежах, с предлогами и без предлога, рассматриваемое краткое причастие встречается в памятниках русской письменности уже со второй половины XV века. Многочисленные примеры такого употребления содержатся в картотеках Словаря древнерусского языка (Москва) и Словаря русского языка XVIII века (Ленинград). Вот некоторые из них: «И казаки сказали, что у них прямого ведома и письма людем не живет, приходят и отходят повольно» (Донские дела. 1640); «...Вор де и изменник Федька Шакловитой у нас на ведомо, а Селиверстка Медведева с товарищи сыскивайте сами» (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Конец XVII в.); «И о том гораздо печалются, также и о других больших кораблях, которые еще также не в ведомо» (Письма и бумаги Петра I. 1697).

Особенно ценные сведения дают нам памятники этой эпохи о первоначальной форме интересующего нас слова. Для ее реконструкции имеют значение не только примеры с формой именительного падежа, но и винительного: «И тут де им, государь, ведом учинился, что немецкие люди стоят на Волхове» (Акты Московского государства. 1614); «...А тот де ведом им есть, что Дайчин тайша с детьми своими... и со всеми... улусными людьми прикочевали к Волге у Царицына» (Донские дела. 1661); «...Оринка и с детьми своими от меня бежала, и животы у меня поймали, и им то в слух и в ведомо, — в том на них шлюся» (Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. 1628).

Как видно из этих примеров, первоначальная форма рассматриваемого субстантивированного причастия не была устойчивой: она употреблялась и в мужском роде — *ведом*, и в среднем — *ведомо*. Но уже в первой половине XVIII века *ведом*, *ведомо* утратили почти все падежные формы, и в современном русском литературном языке сохранилась только форма родительного падежа в устойчивых сочетаниях без *ведома*, с *ведома*.

Кандидат филологических наук
З. М. ПЕТРОВА

КАК НАШИ ПРЕДКИ ЕЗДИЛИ ПО МОСКВЕ

Как ездили москвичи сто лет назад? Ведь тогда не было не только метро, но и трамвая, который для многих из нас уже уходит в прошлое. Даже конкой — конным трамваем — еще только начинали пользоваться. Основной «транспорт» — извозчики. Какие же они были — эти извозчики?

У Л. Н. Толстого в повести «Юность» мы находим такие строки: «У Арбатских ворот попался извозчик, старичок, спавший, покачиваясь, на своих калиберных, облезлых, голубоватеньких и запла-танных дрожках...». Что же это за извозчик на калиберных дрожках? В Толковом словаре В. И. Даля указывается: «Калиберный извозчик моск. — на претых или долгих дрожках; ка-

либер — простые рессорные дрожки, не пролетные, а долгие, на малых рессорах». Такой извозчик типичен был именно для Москвы. Об этом говорит помета «московское» в Словаре В. И. Даля.

А каков экипаж у этого извозчика? Л. Толстой так описывает «посадку» на дрожки: «ухватив извозчика за воротник изодранного армячишка ...я влез верхом на волнообразное голубенькое колыхающее сиденье» (Юность). Эпачит, дрожки-калибер представляли собой род беговых дрожек, на которых седоки ездили верхом. Что эта езда была не очень удобная, видно по тому, что эти дрожки назывались «трясучкой»: «...Извозчики летом ездят на калибере-трясучке» (Кокорев. Извозчики — лихачи и ваньки). «Калибер-трясучка» — малоудобный экипаж для небогатых седоков; «Может быть, это одип из тех людей, которые могли бы ездить в карете, но ездят на калибере» (Белинский. Святочные вечера); «...Удобные коляски, которые нанимаются здесь по очень дешевой таксе, заменяют наши калиберы» (Григорович. Корабль Ретвизан).

Другое название калиберного извозчика — *живейный*: «Большинство обыкновенных живейных извозчиков... летом ездят на калибере-трясучке» (Кокорев. Извозчики — лихачи и ваньки); «Живейный извозчик — легкой, в противопоставлении л о м о в о м у, который перевозит тяжести, поклажу» (В. И. Даль. Толковый словарь). Очевидно, название восходит к наречию *живо*, ср. степень *живее* в значении «быстро, быстрее».

Легковые извозчики делились на разные разряды. Лучшими считались *лихачи*, «лихие» извозчики, на самых быстрых лошадях — рысаках, запряженных в хорошие экипажи. Лихач — это легкой извозчик с щегольской закладкою (В. И. Даль. Толковый словарь). Извозчики-лихачи стояли на извозчицье бирже, не ища седоков по городу: «Эх, голубка! — крикнет лихач, дернет возжами, чмокнет — и пошел. Только его и видели, пока разминался горячий рысак. Вот она русская езда» (Кокорев. Извозчики — лихачи и ваньки). Следующая категория извозчиков — это выше-названные живейные извозчики. Они «бывают средственные и плохие, летом ездят на калибере-трясучке» (там же).

Наконец, последняя категория извозчиков называлась презрительно *ваньками*: «При начале своего поприща, когда он назывался ванькой, седоки его большею частью кухарки, экономки» (Вистенгоф. Извозчики). В. И. Даль поясняет: «ванька — зимний легкой извозчик на крестьянской лошаденке и с плохой упряжкой, который не стоит на бирже, а стережет седоков по улицам». «Ваньку» встречаем у Пушкина: «Изредка тянулся Ванька на тощей кляче своей, высматривая запоздалого седока» (Пиковая дама); у Некрасова: «Ванька — дуралей Чтоб седока промыслить побогаче, Украдкой чистит бляхи на своей Ободранной и заморенной

кляче» (На улице); у Л. Толстого: «...У подъезда рядами стояли кареты, сани, ваньки, жандармы» (Анна Каренина).

У этой последней категории извозчиков был ряд прозвищ — *бесколодный*, *ночник*, *подкустарник*, *погонялка*: «Так беседует сам с собой злополучный ванька» (он же „бесколодный“ и „ночник“) (Кокорев. Извозчики — лихачи и ваньки); «Подкустарники — легкие извозчики зимние, у которых плохая упряжь» (моск.)» (Я. К. Грот. Филологические разыскания); «Обыкновенные извозчики называют их голодными воронами и бранят на чем свет стоит, что сбивают эти погонялки настоящую цену» (Кокорев. Извозчики — лихачи и ваньки).

Все эти прозвища имеют определенное значение. Бесколодными извозчики назывались потому, что они не стояли на бирже, не кормили лошадь из колоды: «Биржевых расходов он не знает; да и на что ему колода? Лошадь не дворянка, поест и из торбы» (там же). Ночниками назывались те извозчики, которые возят седоков ночью; подкустарники — извозчики, работающие «кустарно». Это не профессионалы, как живейные и лихачи. Наконец, прозвище *погонялка* говорит само за себя. Такому извозчику приходится все время погонять свою лошаденку.

Все эти названия и прозвища воскрешают старую Москву, с ее навсегда ушедшим в прошлое бытом, с кривыми улочками и своеобразным «общественным транспортом».

Н. С. АВИЛОВА

Мы познакомили читателей (*Русская речь*, 1969, № 3 и 6) с историей названий музыкальных инструментов: свирели гуслей, пищали, трубы, гудка, барабана, бубна, бывавших на Руси в древние времена.

В предлагаемой статье рассказывается об инструментах, по происхождению тоже древних, но широко распространившихся в XVI—XVIII веках, особенно в эпоху правления Петра I.

В МИРЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

ГОБОЙ

Первое упоминание о гобое встречается на рубеже XV—XVI веков. Прямыми предками гобоя можно считать зурну на востоке, свирель — в России. Слово *гобой* пришло в русский язык из немецкого — ‘*hoboe*’, куда оно попало из французского — *hautbois*. Это слово в форме *гобоя* впервые зафиксировано в Словаре И. Нордстета в 1780 году, в текстах же встречалось и раньше. В «Докладах Московского театра» (1704) сказано: «Робят пѣвчихъ... прикажите музыкантомъ учить на габояхъ и на прочихъ инструментахъ». Часто встречается слово *гобой* и в произведениях литературы XIX—XX веков: «Скрипки, альты, гобои и литавры играли на хорах старые немецкие песни, русские плясовые» (А. Н. Толстой. *Петр I*).

ВАЛТОРНА

Валторна — музыкальный медный духовой инструмент. В русский язык слово пришло из польского *waltornia*, в польский — из немецкого (*Waldhorn* ‘лесной рог’). Рог, предок валторны, появился очень давно. Им пользовались уже этруски и римляне. Рог первоначально имел дугообразную форму, напоминавшую рог животных. Позже трубку стали сгибать в несколько оборотов. Это делалось для удобства играющего. Такой вид инструмент приобрел во Франции в конце XVII века, где назывался *cor de chasse*. В Германии, куда рог попал из Франции, он использовался не только для подачи сигналов на охоте, но и вошел в военный оркестр, а в 1664 году композитор Дж.

Люлли вводит рог и в оркестр театральный. В России при императрице Елизавете был создан целый оркестр из охотничьих рогов.

Слово *валторна* (именно в таком написании) мы встречаем в Лексиконе 1762 года, позже это слово фиксируют другие словари: Словарь И. Нордстета (1780) и Словарь Академии Российской (1789 и 1806). В текстах слово встречается значительно раньше. Так, в «Бумагах кабинета министров» под 1736 годом упоминается слово *валторна*: «объ отдачь въ подрядъ трубъ, валторнъ, вальторному мастеру Томсону Сандерсу».

КЛАРНЕТ Слово *кларнет* существует в ряде языков, в русский язык пришло из французского *clarinette* (от старофранцузского *clagine* 'музыкальный инструмент с высоким звуком'), а восходит оно к латинскому *clagus* 'ясный'. Такое название характеризует звук инструмента: ясный, прозрачный, чистый.

Кларнет можно считать прямым потомком старинной французской свирели — *chalumeau*. По форме современный кларнет — цилиндрический канал с клапанами и небольшим раструбом на конце. Вообще следует сказать, что кларнет на протяжении веков претерпел много различных изменений. Много труда в усовершенствование кларнета вложил немецкий мастер из Нюрнберга Христофор Деннер. Ближайшим предшественником современного кларнета является инструмент, сконструированный в конце XVII века. Позже в кларнет вносились лишь небольшие усовершенствования.

В словарях *кларнет* встречаем уже в Новом словотолкователе Н. Яновского (1803—1806) и несколько позже в Общем церковнославянско-русском словаре, составленном П. Соколовым (1834).

ФАГОТ Фагот — деревянный духовой инструмент, состоит, как правило, из четырех трубок, связанных между собой. Отсюда и название инструмента (из итальянского *fagotto* 'узел, связка', может быть, через посредство немецкого *Fagott*). Фагот изобретен в начале XVI века в Италии капоником Афранио, а затем усовершенствован в середине XVI века в Германии инструментальным мастером из Нюрнберга Зигмундом Шейцером.

Слово *фагот* отмечено в Словаре И. Нордстета и встречается в текстах литературных произведений: стихотворениях, мемуарах, записках и т. д. «Вдруг из-за двери в зале длинной // Фагот и Флейта раздались» (Пушкин. Евгений Онегин).

ФЛЕЙТА

Флейта — один из древнейших духовых музыкальных инструментов; по своему строению деревянная, металлическая или костяная трубка с цилиндрическим или коническим каналом. В верхней части трубки имеется небольшое боковое отверстие. Звук извлекается вдуванием струи воздуха прямо в канал.

Слово *флейта* попало в русский язык из немецкого Flöte (от старофранцузского flaute). В XVII веке употреблялась также форма *флейт* (мужского рода), заимствованное из голландского fluit. Кроме одностольной существует флейта многостольная, так называемая флейта Пана. В России разновидностью флейты Пана можно считать цевницу (в текстах — в XIV в.).

Слово *флейта* находим уже в Словаре Берынды и в «Памятниках дипломатических сношений» под 1697 годом. Существовал и особый род флейты — флажолета, называвшийся *флейтуза* (из французского flûte douce). В «Записках» Болотова читаем: «Къ музыкѣ имѣлъ онѣ особливую охоту и игрывал самѣ довольно хорошо на флейтузѣ». Слово *флейта* встречается в произведениях многих писателей и поэтов XIX—XX веков.

В. С. ФИЛИПОВ

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

I. Исправьте предложения

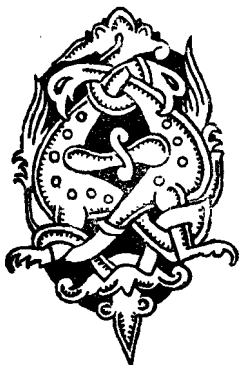
1. Конструктор Быков сыскал к себе доверие и добрую славу в коллективе.
2. Широкоформатный кинотеатр «Орбита» самый прекраснейший в нашем городе.
3. Статья молодого ученого написана простым, понятливым языком.
4. Утомленные туристы сделали привал у живописного лесистого озера.

II. Объясните значение (смысл) следующих выражений, укажите их стилистическую окраску в речи

1. Глас воиющего в пустыне.
2. Давать стрекача.
3. Лить колокола.
4. Ничтоже сумняшеся.

(Ответы на стр. 135)

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ

том, как говорил человек Древней Руси, мы знаем значительно меньше, чем о том, как он писал. Именно в письменных памятниках нашла отражение (иногда очень опосредствованное) и устная речь. Лингвисты стремятся реконструировать устную речь, скрытую за письменным текстом. Это восстано-

вление осложняется тем, что между письменной и устной речью существовали значительные различия. Разговорная речь отличалась от письменной и лексикой, и грамматическими формами слов, и построением предложения. Записи устной речи в памятниках неоднородны. Одни записи отражают влияние церковно-книжных произведений, другие воспроизводят живую бытовую речь.

В «Житии Феодосия Печерского», дошедшем до нас в составе Успенского сборника (XII в.), предсмертная воля Феодосия выражена в таком литературно-обработанном монологе: «И о семь же молю вы и заклинаю. да въ неи же есмь одежи нынѣ. въ той да положите мя тако въ пещерѣ. идеже постыныя дни прѣбываахъ. ни же омывайте убогаго моего тѣла» (Вот о чем я прошу вас и заклинаю: в той же самой одежде, которая на мне сейчас, положите

меня в пещере, где я пребывал в дни поста: и не омывайте убогого моего тела...). В летописи же (под 1074 г.), где сохранилось более краткое жизнеописание того же святого, речь Феодосия короче и проще: «в ночь похороните тѣло мое».

Еще один аналогичный пример, на этот раз из более позднего памятника. В конце XV века в Новгороде было создано «Житие Михаила Клопского». Язык этого жития, как и многих других памятников новгородской литературы, близок к живой речи. В XVI веке житие было существенно переделано, вернее переписано по-церковнославянски боярином Василием Тучковым. Вот как выглядит в этих двух редакциях речь князя Дмитрия Юрьевича Шемяки.

Редакция XV века: «Михайлушко! Бегаю своей отчины, збили меня с великого княжения».

Редакция XVI века («тучковская»): «Отче, моли бога о мне, яко да паки восприиму царствия скифѣтры: согнан бо есмь от своея отчины, великого княжения Московского!» (Отче, моли бога обо мне, да снова возьму царский скипетр: я изгнан из своей вотчины, великого княжества Московского!).

Вместо употребленного в редакции XV века типично разговорного обращения *Михайлушко* (суффиксом *-ушко*, характерным для живой народной речи) в тучковской редакции находим книжную звательную форму *отче*. Формам живой речи *збили меня* соответствует у Тучкова книжный оборот *согнан есмь*, а вместо живой русской формы *своей* в тучковской редакции представлена книжная (старославянская по происхождению) форма *своея*. Кроме того, вторая речь по сравнению с первой расширена за счет книжных слов — *паки*, *скифѣтр*, *восприиму*; слово *царствие* содержит книжный суффикс *-ствие*. Как видим, одно и то же содержание может быть выражено в литературно обработанной и разговорно-бытовой форме.

Литературно обработанные речи — это специально написанные произведения ораторского искусства, вложенные автором в уста действующих лиц. Эти речи сочинены в строгом соответствии с требованиями «литературного этикета» (см.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967). В обращении к богу, например, неуместны были элементы бытовой разговорной речи, зато широко представлены книжно-литературные слова и обо-

роты. Например, Епифаний Премудрый (XV в.) вложил в уста Стефана Пермского такую молитву: «Боже и господи, иже премудрости наставниче и смыслудавче, несмысленным казателю и нищим заступниче: утверди и вразуми сердце мое и дай же ми слово, отчее слово, да ты прославлю в веки веком» (Боже и господи, премудрости наставник, дающий разум, просветитель неразумных и заступник нищих, утверди и вразуми сердце мое и дай мне слово, отчее слово, чтобы я прославил тебя во веки веков) — Житие Стефана Пермского. Автор жития несомненно заимствует эту молитву из каких-то книжных источников: ее начало почти полностью повторяет начало молитвы, приписываемой Владимиру Мономаху и находящейся в более древнем памятнике — Лаврентьевской летописи под 1096 годом (см. об этом в комментариях Д. С. Лихачева в кн.: «Повесть временных лет». Ч. II. М. — Л., 1950).

В древних памятниках мы находим записи речей совершенно иного характера — конкретных по содержанию и простых по форме. По этим записям можно судить об устной речи, выработавшейся в крупнейших городских центрах (речь сельского населения в письменности почти не отразилась). Население древнего Киева было смешанным по составу: в столицу древнерусского государства стекались представители разных племен. Поэтому еще до возникновения письменности там, вероятно, начала складываться особая форма устной разговорной речи, в которой сглаживались местные различия в языке; такая форма речи носит название *койне* (от греческого κοινὴ 'общий'). Этим термином называют особую разновидность языка, служащую средством общения людей, говорящих на разных диалектах или на разных языках.

В киевском койне вырабатывалась хозяйственная, военная и юридическая терминология, нашедшая широкое отражение в летописях и других памятниках, возникших в разных местах Древней Руси.

Воспроизводя устную речь своего времени, древний писатель стремился дать предельно достоверную картину действительности. Не абстрактно-моралистические рассуждения, а конкретные факты составляют содержание «неолитературенной» речи: «Рече ему Волга... погребъ мя. иди же яможе хочеш» (Сказала ему Ольга...: «Когда похоронишь меня, иди куда хочешь») — Повесть временных лет.

Эти речи просты по структуре и включают в себя много слов и форм, возникших у восточных славян. Интересно, например, что употребляя в прямой речи русское полногласное слово (*берег, город, володѣти* и т. д.), древнерусский писатель нередко рядом, в авторском тексте, мог употребить соответствующее старославянское неполногласное: «И рече володимерь: се не добро, еже малъ городъ около киева... и поча нарубати мужѣ лучшиѣ отъ словень. и отъ кривичь. и отъ чюди. и отъ вятичь. и отъ сихъ насели грады» (И сказал Владимир: «Нехорошо, что мало городов около Киева»... и начал набирать мужей лучших от славян, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей, и ими населил города) — Повесть временных лет. Подобного рода примеры говорят о том, что писавший считал русские слова более уместными в прямой речи, нежели старославянские, которые допускались в авторском тексте (см.: Т. Н. Кандаурова. Полногласная и неполногласная лексика в прямой речи летописи.— «Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология». М., 1968).

Памятники письменности донесли до нас не только отдельные реплики, но и живой древнерусский диалог: «И нача глаголати святополкъ. останися на святокъ. и рече Василко не могу остати брате. уже есмъ повелѣлъ товаромъ поити переди. Давыдъ же сѣдѣше акы нѣмъ. и рече Святополкъ да заутрокаи брате. и обѣщася Василко заутрокати. и рече Святополкъ посѣдита вы сдѣ. а язъ лѣзу наряжю... и посѣдѣвъ Давыдъ мало рече кде есть братъ Они же рѣша ему стоить на сѣнехъ И вставъ Давыдъ рече азъ иду по нь а ты брате посѣди» (И заговорил Святополк: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу остаться, брат: я уже приказал обозу идти вперед». Давыд же сидел, точно немой. И сказал Святополк: «Хоть позавтракай, брат». И обещал Василько завтракать. И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряджусь» ... И, немного посидев, Давыд сказал: «Где брат?». Они же ответили ему: «Стоит на сених». И, встав, Давыд сказал: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди») — Повесть временных лет. Это отрывок из знаменитого рассказа об ослеплении Василька Теробовльского его братьями Святополком и Давыдом (1097). Рассказ очень конкретен и драматичен; приведенный разговор предшествует ослеплению и своей предельной достоверностью, реалистичностью усиливает напряженность и трагичность ситуации.

Уже в древнейших летописях находим мы взятые из живой народной речи пословицы и поговорки. Так, вспоминая об аvaraх («обрах») — вымершем кочевом народе тюркского происхождения, летописец пишет: «И есть притѣча в Руси и до сего дне погибоша аки обрѣ» (И есть поговорка на Руси и до сего дня: «погибли, как обры») — Повесть временных лет. В том же памятнике, в рассказе о событиях 945 года, сообщается, что древляне, узнав, что Игорь повторно собирается взять с них дань, говорят: «Аще ся вѣвадити волкъ в овцѣ. то выносить все стадо. аще не убьютъ его» (Если повадится волк за овцами, то перетаскает все стадо, пока не убьют его).

Конечно, памятники сохранили для нас далеко не все свойства и явления устной речи. Ничего не знаем мы, например, о ее интонации. Передавая реально звучавшую речь, писатель, несомненно, упорядочивал ее, делал более стройной и правильной, удаляя из нее элементы непосредственности, разговорности. Эти элементы в большей степени сохранились в тех случаях, когда писавшие вообще не стремились создать какое-либо сочинение, а просто фиксировали свои мысли, чувства, потребности и т. п. Таких памятников, особенно древнейших (XI—XIV вв.), сохранилось немного. Это главным образом записки или письма бытового характера, которые никто не стремился сбережеть. Тем интереснее они для нас. Бытовую речь древних новгородцев сохранили записки и письма XI—XV веков, написанные на бересте. Житель древнего Новгорода по имени Григша пишет к Есифу: «Поклонъ отъ грикши къ есифу приславъ онанья. мол [далее текст испорчен] язъ ему отъвѣчалъ не реклъ ми есифъ варити перевары ни на кого и онъ прислалъ къ федосьи вари ты пиво съдишь на безатьщинъ не варишь жито» (Поклон от Григши к Есифу. Онания, прислав [по-видимому, слугу], сказал: ...Я ему отвечал: «Не говорил мне Есиф варить перевары [напиток из ячменя] ни для кого». И он прислал к Федосье [и приказал]: «Вари ты пиво; владеешь безадыщиной [выморочным именем], а не варишь ячмень») — Новгородская грамота на бересте, № 3. Надо полагать, что автор письма довольно точно воспроизвел то, что он мог бы сказать в бытовом разговоре. Речь предельно проста: краткие предложения следуют друг за другом (вари... съдишь... не варишь...), не связываясь друг с другом союзами. Такое построение свойственно разговорной речи.

Отзвуки живой речи встречаем мы иногда в надписях на стенах старинных зданий или на полях объемистых рукописей, написанных по-церковнославянски. Устав от долгого переписывания, писец испытывает желание сообщить кому-нибудь о своем состоянии, но не имея, по-видимому, собеседника, изливает свои чувства на полях рукописи — так, как он сделал бы это устно: «охъ зноно» — находим мы на полях «Шестоднева» XIV века («Шестоднев» в данном случае богослужбная книга со службами на каждый день недели); «охъ тощно» — на полях Пролога XIV века («Пролог» — это сборник кратких житий святых, поучений, назидательных рассказов, размещенных в порядке церковного календаря); «Охо охо охо дрѣмлет ми ся». [дремлется мне], — сообщает между делом писец Службника XIII века («Службник» — книга, содержащая основные службы — литургии — православной церкви); «охъ охъ голова мя болить не могу писати а уже ночь лязмы [ляжем] спати» — вторит ему писец Пролога первой четверти XIV века; та же жалоба — в приписке на Ирмологии 1344 года («Ирмология» — книга, содержащая церковные песнопения за всенощной, — ирмосы): «о господи помози господи поспѣши дремота непримѣнная и в семь рядке помѣшахся [ошибся в этой строчке]».

Писцы весьма непринужденно сообщают о самых различных вещах, но чаще всего о том, что они собираются делать в ближайшее время; о времени суток или о состоянии своего пера: пойти на вечернюю (Шестоднев XIV в.); поехать пить въ зряковичи (там же); поехать на гору къ святѣ богородици молитися о своемъ спасении (там же); полести мыться (там же); пойти на заутрѣнюю (Пролог первой четверти XIV в.); уже ночь... тьмно (там же); уже поздно (Пролог XIV в.); уже день успе, а ночь пришла естъ (там же); ночь успѣ а день приближися (Паремийник XIV—XV в.); погыбель перья сего (Ирмологий 1344 г.).

В «Прологе» первой четверти XIV века находим такое весьма непосредственное высказывание: «како ли не обьестися исто [наверное] поставять кисель с молокомъ». Основной текст, находящийся на том же листе, что и эта приписка, написан по-церковнославянски и содержит «Слово о исходе души и о восходе на небеса». Вот отрывок из этого сочинения: «И аще покаялася будеть. то избавится от нихъ. и многа запинания истязания души от бѣсовъ идуци до небеси. посемь зависти ярости. гнѣва и

гърдыни. срамословия и непокорства. лихвы сръбролюбия пъянства. злопомнания. злопомыслия. чародѣяния потворъ. объядения братоненавидиния. убиства тадбы. немилосердия» [И если покается (душа), то избавится от них (от бесов). и от многих препятствий, чинимых бесами, и истязаний души, идущей на небеса, а также от зависти, ярости, гнева и гордыни, срамословия и непокорства, сребролюбия, пъянства, злопамятства и злых мыслей, чародейства, колдовства, объядения, братоненавистничества, убиства, воровства, немилосердия]. Очевидно, упоминание в числе грехов объядения и вызвало опасение власть в этот грех.

Как видим, писцы, писавшие или переписывавшие рукописи на церковнославянском языке, оставили на полях замечательные своей непосредственностью записи бытовой древнерусской речи.

Чрезвычайно важно и интересно, однако, поставить вопрос о том влиянии, которое оказали на повседневную устную речь старославянский и церковнославянский языки. Употреблялись ли славянизмы в речи древнерусского человека, и если да, то какие?

Читая книги на церковнославянском языке, слушая богослужение, образованный русский человек не мог не усваивать некоторых славянизмов. Кроме того, есть все основания полагать, что ряд слов проник в древнерусскую речь устным путем из древнеболгарского языка (на основе которого и возник книжно-литературный старославянский язык) в процессе непосредственного общения с болгарями, возможно, еще до принятия христианства. А. А. Шахматов относил к числу таких слов: плац, овощ, товарищ, виноград, сладкий, плен, шлем, время, вред, врач, срам, нрав, власть, страна, странник, праздник, влага, облако, область, храбрый, среда, средний, вещь и др. Не исключено, что через болгарское посредство устным путем в разговорную речь могли проникнуть такие греческие по происхождению слова; как: кровать, коромысло, полаты, терем, парус, уксус и др.

О том, как славянизмы употреблялись в устной речи в древнейший период, мы можем судить по записям речей, сохранившихся в древнейших русских летописях, созданных в XI—XIV веках (Новгородской I летописи, Повести временных лет, Суздальской, Киевской, Галицкой и Волынской летописях). Если определенный славянизм встре-

чается (и притом регулярно!) в записях речей в окружении слов и форм, свойственных русской разговорной речи, то можно считать, что он реально употреблялся в повседневной речи рассматриваемого периода. Таким путем установлено, например, что почти из 400 глаголов со старославянской приставкой *пре-*, отмеченных в самых разнообразных памятниках, написанных на древнерусском языке или на церковнославянском языке русской редакции, в живой речи в княжеско-дружинной среде XI—XIII веков употреблялось лишь пять глаголов: пребыти, предати, предатися, прельстити и преступити. Лишь эти глаголы регулярно встречаются в древнейших русских летописях в записях «неолитературенных» речей, например: «Оже ны ся не прѣдасте дамы вы Половцемъ на полонъ» (Если нам не сдадитесь, отдадим вас половцам в плен) — Киевская летопись; «иди в Божьскыи. и прѣбуди же тамо» — Киевская летопись. В устную речь проникали главным образом те славянизмы, которые чаще всего встречались при чтении богослужебных книг и повторялись во время церковной службы. Лишь постоянное повторение, напоминание делало их составной частью активного словарного запаса древнерусского образованного человека.

Широко употребительные славянизмы типа *град*, *млад* встречаются и в произведениях древнерусского народного творчества, в частности в былинах постоянно встречаются такие сочетания слов: Киев град, Добрыня Никитич млад, злато — серебро, златоверхий терем, златорогий тур; а также неполногласные слова: безвременно, Владимир, вран, врата, град, глава, глас, злаченый, младой, облако, отвратить, преставиться, срам, средний, страна, храбрый, чрево (Н. Н. Алексеев. Неполногласная лексика в былинах. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Псков, 1951).

Многие устойчивые выражения церковного происхождения настолько часто употреблялись в живой речи, что стали восприниматься как ее неотъемлемая часть: господи накажи а смерти не предаи, отвьѣчати предъ богомъ, пречистая богородица и др. Прочно вошли в повседневную речь выражения *бога ради*, *бог даст*, *боже мой* и т. п. Некоторые из таких штампов употреблялись автоматически и так часто, что их составные части перестали осознаваться и постепенно слились в одно целое. Такая судьба постигла, например, сочетание *спаси бог*, бывшее обычным выражением благодарности и слившееся затем в *спасибо*.

Круг славянизмов, регулярно повторявшихся в живой речи, расширялся очень медленно. Записи живой устной речи, произведенные иностранцами в XVI—XVII веках, включают опять-таки наиболее привычные славянизмы. В «Парижском словаре московитов» (1586) находим лишь слова *владыка* и *злат*, в дневнике-словаре англичанина Ричарда Джемса (1618—1619): благо, блажить, брапить, воскресенье, воскреснуть, враг, время, ладья, немощь, пещера, помощь, праздникъ, прапоръ, разробление (sic), сладкий, храмъ; в диалогах, записанных немецким ученым и путешественником В. Лудольфом (1696): аще (в цитате из священного писания), благословить, благочестие, браниться, власть, воскресение, возлюбить, возмочь, вознести, воспитать, время, глава, древо, здравствуй, младенецъ, напраздно, облакъ, отвержется, понравится, похранить, праздникъ, праздность, пребывать, предавать, прежде, премудрость, проклажаться [прохлаждаться], разбойникъ, разумень, розсуждать [с «оканьем» в приставке], сладокъ, сласти, смиренномудрие, согласовать, сотворить, среда, средний, странна [страна], товарищ, умрети, хранить.

Новый приток славянизмов в литературу в XV—XVII веках, связанный со вторым южнославянским влиянием, отразился, несомненно, и на живой речи. Обучение грамоте велось по «исправленным» церковным книгам, многое из них выучивалось наизусть и оставалось в устной речи. Так следует объяснить распространение в XV—XVII веках произношение *жд* вместо *ж*, начальных *е*, *ю* вместо *о*, *у* в словах типа: Рождество, заблуждаться, рассуждать, понуждать, надежда, одежда, Елена, юноша, юг и т. п. В некоторых словах книжного происхождения устанавливается произношение фрикативного («южного») *г*: господи, благо, благословить, благодать, благодарить, богатый и пр. Это было связано, возможно, с литературной деятельностью в Москве в XVII веке украинских и белорусских книжников — Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и других.

Славянизмы попадали прежде всего в речь тех людей, которые получили «книжное» образование. Речь священника или князя, очевидно, отличалась в этом отношении от речи представителя городских низов, а речь последнего в свою очередь от речи крестьянина. Исследования показали, что в речи высших слоев киевского общества было больше славянизмов, нежели в речи низших слоев

(Т. Н. Кандаурова. Полногласная и неполногласная лексика в прямой речи летописи.— «Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология». М., 1968).

Социальные и культурные различия между людьми отразились и на устной речи периода Московской Руси. Памятники сохранили для нас диалоги и монологи на книжные темы, позволяющие судить о беседах книжно образованных людей. В их речи сравнительно много славянизмов. Вот отрывки из религиозно-попечительского произведения «Прения с греками о вере» (XVII в.), написанного Арсением Сухановым: «И Кирил де, то свѣдав, укрывался в дальних словянах, что нынѣ живутъ под цесарем, и там де и преставился; Престани от помышления своего [оставь свою мысль], еже носити тебѣ на главѣ своей бѣлый клубук».

Говоря о существовании у русских двух языков — «славянского» (церковнославянского) и русского, В. Лудольф сообщал в «Русской грамматике»: «Чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи». Сам Лудольф дал примеры рассуждений на религиозные темы, довольно богатых славянизмами, но имеющих и разговорные элементы. Надо полагать, что в XVII веке можно было слышать, такие монологи: «Спаситель скажетъ: аще кто хоцетъ по мнѣ ити да отвержетъ ся себе. Что то, отвержетъ ся тебе? Отложить плотские похоти и мирскую любовь. и только попечися о богоугодномъ житии, си речъ: что бы мы по примеру Спасителя нашево всегда жили, въ смиренномудрии, въ любви, и въ чистотѣ» (Спаситель говорит: «тот, кто хочет идти за мной, пусть отречется от себя». Что это значит «отречется от себя»? Оставит плотские похоти и мирскую любовь и будет заботиться только о богоугодной жизни, то есть чтобы мы всегда жили по примеру спасителя нашего, в смиреннии, мудрости, в любви и в чистоте).

Перед нами разъяснение «своими словами» евангельской заповеди. Естественно, что такая тема не могла быть выражена без элементов церковнославянского языка: аще, хоцетъ, отвержетъ ся, богоугодный, житие, смиренномудрие. И однако мы имеем дело здесь, по-видимому, с реальной живой «церковно-бытовой» речью, а не с церковно-

славянским языком. Об этом говорит и сравнительно простой синтаксис высказывания, и элементы живой речи: сказать, чтобы, нашево. Известный советский языковед Б. А. Ларин, издавший грамматику Лудольфа (Л., 1937), показал, что Лудольф записал образцы речи разных слоев русского общества XVII века. По мнению Б. А. Ларина, в «высших и наиболее просвещенных кругах московского населения» усвоил Лудольф такие фразы: «Напрасно попечеть ся, как Вышной не благословить»; «Кажеть ся мнѣ, что онѣ не учонѣ»; «По моему мнѣнию то болново ослабляеть»; «Скажутъ, что пригожие женщины во французской землѣ», «То великое утешение мнѣ было о чужихъ земляхъ бесѣдовать»; на «среду высшего и среднего купечества и тогдашней „технической интеллигенции“ — крупнейших мастеров специалистов» указывают такие фразы: «По той ценѣ продавать не могу», «много я издержалъ на етую работу, а жаль мнѣ, что деньги не въ мошнѣ держалъ», «то ихъ убычей [обычай], что лутче ты платишь, то хуже служатъ»; от дворовых слуг были записаны такие фразы: «ты меня здвора [со двора] послалъ, не могу два дѣла въдругъ зделать», «я бежалъ будъто бешена собака», «Въ передъ ленивъ не буду».

Если же мы обратимся, например, к произведениям протопопа Аввакума (вторая половина XVII в.), то найдем там элементы просторечия — и не только в прямой речи, но и в авторском тексте. Вот как многострадальный Аввакум описывает свое возвращение из сибирской ссылки: «Пять недель по лду голому ехали на нартах. Мне подробят и под рухлишко дал две клячки; а сам и протопопица брели пеши, убивающесе о лед. Страна варварская, иноземцы немирные, отстать от лошадей не смеем, а за лошедами итти не поспеем, голодные и томные (утомленные) люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, — кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нее набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: „матушка-государыня, прости!“ . А протопопица кричит: „что ты, батко, меня задавил?“ . Я пришел, — на меня, бедная, поевает, говоря: „долго ли муки сея, протопоп, будет?“ . И я говорю: „Марковна, до самыя смерти!“ . Она же, взохня отвещала: „добро, Петрович, ино еще побредем“».

Как видим, письменность сохранила для нас образцы речи разных слоев населения Московской Руси. Можно утверждать, что славянизмы в разной степени проникли

во все разновидности речи. Эти славянизмы, утратившие в значительной степени свой книжный характер, могли содействовать с исконно русскими словами.

Изучение записей устной речи, имеющих в памятниках, а также произведений устного народного творчества и современных народных говоров показывает, что старославянский и церковнославянский языки влияли на устную речь. А. А. Шахматов даже полагал, что «все лица, прошедшие школы, основывавшиеся на Руси в XI веке», говорили на «древнеболгарском» [старославянском] языке (Введение в курс истории русского языка. Ч. I. Пг., 1916).

Многочисленные записи устной речи, имеющиеся в памятниках, свидетельствуют, однако, о том, что в устном общении древнерусский человек (в том числе и книжно образованный) пользовался не старославянским или церковнославянским, а живым древнерусским языком.

И. С. УЛУХАНОВ

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

(Ответы. См. стр. 123)

I

1. Конструктор Быков снискал себе добрую славу в коллективе и завоевал доверие товарищей.
2. Широкоформатный кинотеатр «Орбита» лучший в нашем городе.
3. Статья молодого ученого написана простым, понятным языком.
4. Утомленные туристы сделали привал у живописного лесного озера.

II

1. *Глас вопиющего в пустыне* — призыв к чему-либо, остающийся без ответа, без внимания (книжное).
2. *Давать стрекача* — стремительно, поспешно убежать; удирать (просторечное).
3. *Лить колокола* — распускать сплетни, врать (просторечное, устарелое).
4. *Ничтоже сумняшеся* — пичуть не задумываясь, не сомневаясь ни в чем, без колебаний (книжное [ироничное], устарелое).

Произведение древнеславянской письменности, которому посвящена настоящая статья, написано Иоанном экзархом Болгарским в X веке, в период расцвета древней болгарской литературы, называемый се «золотым веком» (экзарх — титул главы самостоятельной православной церкви в небольшом государстве или епископа, управляющего большой церковной областью). Иоанн экзарх Болгарский известен как талантливый преемник и продолжатель идей Кирилла и Мефодия, знаменитых основателей древнеславянской письменности. В основу «Шестоднева» положено одноименное произведение Василия Великого, переведенное Иоанном с греческого на славянский.

«Шестоднев» состоит из шести частей, называемых Словами. Каждое из Слов посвящено описанию и комментированию библейской легенды о каком-либо одном из дней творения. Так, в IV Слове рассказывается о четвертом дне, когда были созданы небесные светила, звезды, Солнце и Луна, в VI — о человеке. Следуя своим предшественникам, Иоанн экзарх уделяет большое внимание древнегреческим философам, полемизирует с ними по вопросам происхождения Земли и жизни на ней, отстаивает незыблемость религиозных догматов,

О «ШЕСТОДНЕВЕ» ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО

На Руси «Шестоднев» был довольно распространенным произведением, так как до нашего времени дошло значительное число его списков — рукописных копий, выполненных в разное время. Для древнерусского читателя сочинение Иоанна экзарха было своего рода естественно-научной и философской энциклопедией, сообщавшей о морях реках и озерах, о горах и равнинах, о луне, солнце и звездах, о жизни животных, птиц и рыб, деревьев и трав и, наконец, об устройстве человеческого общества. Вместе с Иоанном экзархом древнерусский читатель любовался красотой мира, в котором жил, восхищался целесообразностью и сложностью предметов, которые его окружали. Вот почему так бережно сохранялись старые и создавались новые списки «Шестоднева».

Оригинал «Шестоднева» до нашего времени не сохранился. Мы располагаем лишь его многочисленными списками, наиболее ранний из которых, как следует из записки писца, грамматика Федора, был написан в Сербии в 1263 году (грамматик — от греческого *γραμματικός* 'писец, секретарь, ученый'). Затем список находился в Хиландарском монастыре, откуда был вывезен в Россию и одно время принадлежал патриарху Никону; ныне хра-

нится в Москве в Государственном Историческом музее. Более поздние списки «Шестоднева», хранящиеся в главных библиотеках Москвы и Ленинграда, относятся к XV—XVIII векам. Почти все они имеют русское правописание.

Внимательное сопоставление имеющихся списков «Шестоднева» показывает, что они отличаются друг от друга составом, полнотой и порядком следования отдельных частей их текста. Состав древнейшего списка 1263 года не повторяется ни в одном из известных нам русских списков.

Чем же были вызваны текстологические различия списков? Напомним, что «Шестоднев» переписывали на протяжении многих столетий. В течение этого времени наиболее ранние рукописи ветшали, теряли отдельные листы. Утрата некоторых отрывков текста могла происходить также вследствие ошибок, допущенных писцами при переписывании. Впрочем, иногда писцы и сами замечали, что в списке, с которого они делали копию, имеется пробел, пропуск текста.

Кроме больших и малых пропусков, в списках «Шестоднева» отмечаются перестановки частей текста. Это свидетельствует о сильном повреждении тех рукописей, с которых переписывались новые копии. В IV Слове некоторых списков можно прочесть следующий текст: «ему же есть быти се ли буди добръ разумно егда на землю стящи или худбющи смотрящи того суть разумѣли знаменія». Здесь налицо явное нарушение смысла. Понять значение этого отрывка можно, лишь сопоставив испорченное место с текстом в других списках. Оказывается, что здесь отражена перестановка частей текста, а перед отрывком, начинающимся со слов «стящи или худбющи», имеется пропуск, который закончился на половине слова *растящи*: «[много же и о лунѣ ра]стящи или худбющи смотрящи того суть разумѣли знаменія».

Наконец, писцы могли не только случайно или преднамеренно сокращать текст, но и дополнять его. Наиболее крупные вставки сделаны в некоторые «Шестодневы» XVII века. Они заимствованы из «Космографии» Козьмы Индикоплова, а также из сочинений писателей XVI века Максима Грека и Зиновия Отенского. В эти «Шестодневы» вставлены многочисленные рисунки, которые поясняют происхождение ночи, изображают расположение ветров и т. д.

*Сотворение мира.
Миниатюры из
«Шестоднева»
(конец XVI —
начало XVII в.)*

Все списки «Шестоднева» Иоанна экзарха можно разделить на несколько групп и более крупных образований — ветвей, исходя из характера пропусков и дополнений текста, а также перестановок отдельных частей. Такая группировка рукописей очень важна и литературо-

веду, анализирующему состав и художественные особенности «Шестоднева», и лингвисту, занимающемуся изучением языка этого произведения, в частности его лексики.

Поскольку лексика «Шестоднева» отличается необычайным богатством, а само произведение переписывалось на протяжении многих веков, она может исследоваться в ряде направлений. Укажем, в частности, такие: изучение словарного состава древнейшего слоя церковнославянского языка, употреблявшегося на Руси; выяснение вопроса об изменениях словарного состава русского литературного языка в течение XV—XVII веков.

При разработке первого из этих направлений следует иметь в виду, что богатейшая лексика «Шестоднева» является своего рода «естественнонаучной», большей частью не дошедшей до нас в других памятниках древней письменности. В разряд естественнонаучной лексики древнейшего периода входят слова, которые служат для обозначения различных отвлеченных понятий и явлений. Этот разряд составляют слова, относящиеся к космогонии, географии и астрономии (астрологии), к растительному и животному миру, к проявлениям общественной и семейной жизни человека.

В IV Слове, например, рассказывая о планетах, Иоанн экзарх называет их *плавающими звездами*; однако иногда он употребляет для их обозначения и самое слово *планета*: «въ и еже зовуть планеты рекше плавающее». Астрологи в некоторых списках «Шестоднева» именуется словом *звѣдословни*. В значении 'завеса' употребляется слово *запона*: «облаки творя акы (как) запоу небу» (любопытно, что в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского приведено еще одно значение этого слова — 'застежка'). Заливы морей обозначаются словом *пазуха*: «и пазухы морьскна» (в «Материалах» И. И. Срезневского *пазуха* — углубление, глубина, залив). Иоанн экзарх упоминает многие растения, в том числе *дуб*, *кипарис*, *тисие* (тис), *кляпыш*. Очевидно, последнее слово было малопонятным в XVII веке, так как в одном списке выражение «и горекъ есть кляпышъ» пояснено записью на полях: «древо мигдаловое» (*кляпыш* означает 'миндаль').

В V Слове, повествующем о сотворении зверей, птиц и рыб, встречаются разнообразные названия животных и частей их тела. Животные отличаются от птиц и рыб тем, что имеют «хотью [в некоторых списках — *ходитию*] силу»

(могут ходить). Мелкие животные названы Иоанном «дробница малы». В списке 1263 года, как и в некоторых русских списках, употреблено древнее название пресмыкающихся — «плѣжуца душа», произведенное от глагола *плѣзити, плѣжу* 'ползти, лезть'. В ряде других списков это слово заменено более поздним — *пресмыкающиеся*. Хобот слона, при помощи которого он питается и пьет, обозначен выражением «зубъ слоновъ».

Очень интересна лексика, употребляемая для названия человека и частей его тела или органов: *приязычница* означает 'язычок, оконечность небного полога'; *приглавница* — 'мозжечок, малый мозг', *хряставокъ* (хрястокъ) — 'хрящ (значение слов дается по «Материалам» И. И. Срезневского). В тексте «Шестоднева» можно встретить немало случаев, когда значения отдельных слов объяснены автором. Так, слово *иночадыи* 'единородный' Иоанн экзарх поясняет следующим образом: «еже не имѣти братна глеться [называется] иночадыи».

Замена устаревших или иноязычных слов русскими словами — результат своеобразного редактирования, которое могло быть выполнено в определенное время. При последующем переписывании «отредактированного» текста в него неизбежно вносились дальнейшие изменения, вызванные либо тем, что писцы бессознательно употребляли более современные для них слова того же значения, либо тем, что они преднамеренно отказывались от устаревших или малопопулярных слов. Однако при сопоставлении разных списков можно убедиться, что наиболее существенные различия являются следствием «редактирования», тогда как индивидуальные замены отдельных слов в том или другом списке встречаются значительно реже.

«Отредактированный» список, с которого позднее стали делать копии, становился своего рода «прародителем» группы списков. Такую группу характеризуют не только известные лексические особенности, исправление и подновление слога, но и определенные текстологические признаки, о которых говорилось выше (вставки, пропуски и т. п.). При этом следует отметить, что нередко изменения лексического состава вследствие «редактирования» касаются не одной, а нескольких ветвей списков, объединенных по текстологическим признакам. Приведем несколько примеров. Слово *смердъ* 'крестьянин, мужик', употребленное в древнейшем списке 1263 года, повторено

в списках одной из ветвей, в то время как в трех остальных ветвях дано слово *поселянинъ*. Аналогично различаются эти ветви в употреблении таких групп слов, как *пытати — вопрошати, юнше (унше) — лучша* (ср. древнерусское *уньшина — лучшее*). Немало примеров, когда лексические различия наблюдаются в списках одной или нескольких групп: *пошибение — уродство* (последнее слово употребляется в группе списков XVII века), *михование — лишение, изгыбѣль — погибель, бесправедье* (в некоторых списках — *бесправдие*) — *неправда*.

Примеры индивидуальной замены слов чаще встречаются в более поздних списках.

Некоторые исправления в тексте делали сами читатели, например в одном из списков Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, написанном в начале XVI века, многие слова подправлены более темными чернилами и почерком, отличным от почерка писца. Очевидно, исправления были сделаны позже, чем была написана рукопись. Слово *беспрѣмене* (оно употребляется в других списках этой ветви) исправлено на *беспрестани, начѣство* (или в некоторых других списках *начѣ*) — на *началие*. Слово *поривы* (множественное число от прилагательного *поривый*), которое в «Материалах» И. И. Срезневского объясняется как 'упрямый, надменный', в некоторых списках изменено на *коривы*. Можно предположить, что *коривы (коривый)* произведено от глагола *корити, корю* 'осуждать, хулить'. В пользу такого соображения говорит то, что в списке из этого собрания данное слово переделано в *сварливы*.

Богатый материал, иллюстрирующий процесс изменения и обновления словарного состава древнерусского литературного языка, предоставляют лингвистические глоссы (записи писцов или читателей на полях рукописей). Эти глоссы объясняют или заменяют многие иноязычные и устаревшие слова в тексте. Особенно много глосс находится в группе списков XVII века, дополненных оригинальными вставками и рисунками. Так, к слову *сѣбне* дана глосса *кромѣ*, к слову *сетное* — *послѣднее*, аналогично объяснены слова *доблимѣ* — *крѣпким*, *ружно* — *ружательно*, к наречию *беспрѣмене* дается параллель *бес спѣкоя*, глагол *мѣню* (в тексте) постоянно сопровождается другим глаголом *глю* (глаголю) на полях и т. д.

Изменениям иногда подвергались географические на-

звания. Во II Слове Иоанн экзарх приводит изложение толкования Василия Великого о реках. В одной из рукописей к этому изложению прибавлены русские названия рек, гор и Евксинского (Черного) моря. Эти названия даются как параллели-гlossы. Приводим текст по списку, в котором русские топонимы, данные на полях рукописи в качестве gloss, помещаем в скобки: «а от средняго востокѣ течетъ Вакть (Днепръ) ж и Хоасопъ (Двиѣ) Аразъ (Висла) отъ него же и Танаи (Волга) отцеѣляся в Меотское езеро течетъ к сим же и Фасъ (Дунай) отъ Кавкасиискихъ (Угорскихъ) горъ истечетъ и ины бесчисла отъ полунощныя страны в море Евксинское (Черное) текутъ...».

Это же толкование Василия Великого о реках несколько по-иному представлено в другом списке. Русские названия рек, гор и моря вставлены прямо в текст, а такие названия, как Вакть, Хоасопъ и некоторые другие, опущены. В списках «Шестоднева» можно найти случаи замены астрономических названий: созвездие, названное в большинстве списков Юремъ, в одном из списков XVII века получило обозначение — Вѣсы.

Приведенные примеры показывают, каким ценным источником изучения древнейшего и более позднего периода развития русского литературного языка является «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского.

«Воздадимъ должную хвалу сему бессмертному мужу не за одну отличную ревность в обработывании еще младенчествовавшаго языка словенскаго, но и за обширные его познанія», — так в 1824 году написалъ объ Иоанне экзархе первый исследователь его творчества русский ученый К. Калайдовичъ.

Г. С. БАРАНКОВА

Отъ Сергiя первый снѣжокъ не лежокъ.

Мужикъ с телегою прощается — в сани забирается.

До Казанской не зима, а с Казанской не осень. Бываетъ на Казанскую дождь с утра дождитъ, а ввечеру снѣгъ сугробами лежитъ. Выезжаешь с Казанской на колесахъ, а полозья в телегу клади. С Казанской тепло морозу не указ. Коли на Казанскую небо заплачетъ, то следомъ за дождемъ и зима придетъ.

БЕРЕЗА

Она стояла на широком лугу, на краю речного обрыва. Летом мы играли в густой высокой траве, а когда стало жарко, собирались в прохладную тень березы.

Осенью на лугу пусто, голо. Мы усаживались у березы, с нею нам было веселей.

Зимой прокладывали от деревни к березе лыжню: кто скорей добежит до нее.

Однажды весной прибежали на луг — нет березы! Срубили? Почему не видно пня? Потом увидели: река подмыла берег, а вместе с ним и нашу березу. Она лежала внизу обрыва, уцепившись корнями за береговой песок, ветви ее полоскала вода.

Мы побежали к рыбаку Прокопию. Он часто выручал нас.

— Помню, помню березу, — сказал рыбак. — Не раз от дождя укрывала. Пошли к бригадиру.

Виталий КОСТЫЛЕВ

Бригадир разрешил взять лошадь и повозку. Вместе со взрослыми мы вытянули березу из воды, положили осторожно на телегу, отвезли подальше от берега, выкопали яму и посадили.

Каждый день мы приходили посмотреть, как она приживается на новом месте. Когда листья березы пожелтели, мы испугались. Поливали водой целое лето.

Прошла снежная зима, весной береза зазеленела пуще прежнего.

НА СПЛАВЕ

Зимой лесорубы валят в тайге лес, складывают бревна в высокий штабель возле реки. За зиму они просохнут, вынесет в море лед — начинается сплав.

Скатывать бревна со штабеля просто: толкнул — покатилося бревно по гладким перекладам. Бух! — над водой встает огромный фонтан. Очень интересно!

Вот и стал я спрашивать дядю Павла:

— Возьмите меня на сплав!

Мама испугалась. Потеряешься, говорит, в лесу. А дядя Павел успокоил:

— Я его к себе на веревочку привяжу.

И взял.

За нашей деревней сразу лес. Сплавщики шли впереди, а я хвостиком — сзади.

Дядя Павел все подшучивал:

— Гляди, белка на елке!

Я туда-сюда глазами — не вижу!

— Где?

— Увидала тебя — со страху с елки свалилась.

Сплавщики смеются.

Вышли мы на косогор.

Только начали спускаться к реке, к месту сплава, дядя Павел говорит:

— Ну и ну! Медведь к нам в работники нанялся.

Сплавщики не смеются, глядят вниз. А там, метров за триста от нас, медведь со штабеля бревна в речку скатывается. Толкнет лапой бревно — оно скорехонько летит в воду. Брызги фонтаном! Полюбуется медведь — за другое бревно берется.

Сплавщик Дорофеев снял с плеча ружье, прицелился. Дядя Павел отвел ружье рукой:

— Ослеп? Это ж медведица. Медвежата без маминого молока пропадут... Ветер на нас, зверь не учтет. Сядем, перекурим, пусть медведица позабавится.

Сели сплавщики. Храбрые! Я за дядю Павла уцепился, первый раз медведя увидел.

Медведица полштабеля в реку перекатала. Устала, видно, — присела на краешек бревна, поскользнулась и плюхнулась со штабеля в воду. А бревно за ней следом. Только медведица вынырнула, а оно рядом: «Плюх!».

Взвизгнула медведица — ну как дворняжка!

Сплавщики до слез рассмеялись. Тут Дорофеев взял и выстрелил из ружья в воздух. Медведица, конечно, испугалась, выскочила из воды и скрылась в лесу.

Виталий Костылев — выпускник Литературного института, автор нескольких книг для детей. Его рассказы публиковались в журналах «Крестьянка», «Дон», «Работница», «Нева» и других изданиях.

СЛОВАРЬ ПРОИЗНОШЕНИЯ И УДАРЕНИЯ

(Продолжение. См.: 1971, № 4—6, 1972, № 1—4)

Рáджа, *род.* рáджи [не рад-
жá, раджи]
развитой (находящийся на
высокой ступени роста, раз-
вития)
развитый и *доп.* рáзвитый
(раскрученный, разверну-
тый)
разгибáть [не разгинáть]
разгруженный (*устар.* разгру-
жённый)
раздробленность (*устар.* раз-
дроблённость)
раздроблённый (*устар.* раз-
дроблённый)
разлив (*проф.* рóзлив)
разлиновáть [не разлиневáть]
разлитый [не разлитой]
разлучённый [не разлучённый]
разноимённый [не разноимён-
ный]
разномастный [не разнома-
стный]
разношёрстный [не разношёр-
стный и не разношёрстый]
разряжённый и *доп.* разря-
женный (нарядный)
разряженный (освобожденный
от патронов, снарядов)
ракурс (*разг.* рáкурс)
ракушка [не ракушка]
рант, *род.* рáнта [не ранта]
рантовой (*разг.* рáнтовой)

рапорт, *род.* рáпорта (*проф.*
рапóрт, *род.* рапóрта)
раскупорить [не раскупóрить]
рассредоточение [не рассредо-
точéние]
растрóб (*разг.* рáструб)
револьвёр [не револьвер]
рейд (р'е)
рейс (р'е)
ремень [не рéмень]
репрессия (р'е и *доп.* рэ)
ржаветь (*разг.* ржавéть)
ромán [не рóман]
рудник [не рúдник]
русло [не руслó]

Сажень, *род.* сажéни, *жен.*
и *доп.* сáжень, *род.* сáжени,
жен. [не сáжень, сáжениа,
муж.]
сандалéта, *род.* сандалéты,
жен., *род.* множ. сандалéт
сантимéтр [не сантимéтр]
сведённый [не свéденный]
сведущий [не свéдующий]
свёкла [не свеклá]
светопреставление [не свето-
представлéние]
свистéть и **свистáть**
свитер (тэ)
своевременный, *крат. ф.* свое-
временен [не своеврёмен]
свойство (признак, качество)

свойствó (родственные отношения по супружеству)
сво́йственный, крат. *ф.* сво́йствел *устар.* свойственен)
связа́ный (стройный, логичный)
связа́ной (поддерживающий связь)
свято́ша [не святоша]
сгиба́ться [не сгина́ться]
сгово́р (тайное соглашение)
сгово́р (сватовство)
сгово́ренный [не сговоренный]
сда́ть, *прош.* сдал, сда́ла [не сда́ла], сда́ло, сда́ло [не сегмент]
сегме́нт [не сегмент]
сейм (с'е)
се́йнер (с'е, н'е)
сейф (с'е)
селя́нин [не селя́нин]
се́мга [не семга]
серва́нт (с'е)
серви́з (с'е; набор посуды)
се́рвис (сз; обслуживание)
се́рва, *мнж.*: *им.* се́рвы, *род.* се́рв, *дат.* се́рвам [не се́рвам]
се́ссия (с'е)
се́ттер (сз, тз и *доп.* с'е)
се́гчатый [не сегчатый]
се́ть, *род.* се́ти, *предл.* в се́ти (и *доп.* в се́ти)
си́лос, *род.* си́лоса [не силос, силоса]
си́лосный [не силосный]
симме́трия (*разг.* симме́трия)
си́твó, *нескл. сред.*
скаб́ре́зный [не скабрёзный и не ска́бресный]
сваоре́чник (шн)
скирд, *род.* скирда́, *мж.* и скирда́, *род.* скирды́, *жен.*
скла́дчина [не складчина]
скле́н [не склёп]
скрепле́нный [не скрёпленный]
скре́щённый [не скрёщенный]
ску́чно (шн)
ску́чный (шн)
сла́лом [не слалом]
сла́сти, *род.* сласте́й [не сластей]
слеза́ть, слеза́ю, слеза́ешь [не слаять, слая́ю, слая́ешь]; *повелит. ф.* слеза́й, слеза́йте

[не слазь, слазьте]
сливо́вый [не сливо́вый]
слбже́нный (составленный, собранный)
сло́жбный (о телосложении)
случа́й [не случа́й]
сме́ртный [не сме́ртный]
сме́тка [не сме́тка]
снадо́бие [не снадобье]
соболе́зование [не соболеано-вание]
соболе́зовать [не соболеано-вать]
совре́менный [не современ́ный]
созы́в [не со́зывает]
соли́тер (тз)
сопе́т (н'е и *доп.* нэ)
сопле́мённый [не сопле́мённый]
сопле́менный [не сопле́мённый]
собе́нка и сосе́нка
сно́лх (*разг.* спóлх)
сра́м [не стра́м]
сра́мить [не стра́мить]
ста́вень, *род.* ста́вни, *мж.* и ста́вни, *род.* ста́вни, *жен.*
ста́нко́вый [не ста́нковый]
ста́рина (былина, историческая песня)
ста́рина (древность)
ста́рьевщи́к [не старьёвщик]
ста́ту́т [не ста́тут]
ста́ту́л [не ста́ту́л]
сто́ля́р [не сто́ляр]
стра́да [не стра́да]
сы́пать, сы́пмелъ (*разг.* сы-пелъ)

(Продолжение в следующем номере)

СТАРИННЫЕ МЕРЫ ДЛИНЫ

(Продолжение. См. № 3, 4, 1972)

НОГА — обозначала расстояние, равное длине ступни или шагу. В одной из рукописей XVII века, называемой «Орбис Терарум: сии речъ образец или чертеж всего света земель», слово *нога* поясняется припиской на полях рукописи: «ноги, то есть шаги наши».

НОГОТЬ — мера для обозначения предельно малых величин, равная толщине человеческого ногтя. Ср. в одном из рукописных руководств XVII века: «кое мѣсто писати по тому месту потолка нохти да прочертити свайкою». В том же значении у некоторых употребляется толщина волоса.

ОБОИМ, ОБОИМЕНЬ, ОБОИМИЩЕ — мера, равная расстоянию по кругу, которое можно обхватить широко расставленными, сцепленными в кольцо руками. Этой мерой измерялась толщина деревьев, столбов: «колокол обойма в три»; «деревья толсты обойма в два и в три». В этом значении мы употребляем сейчас слово *обхват*.

ОКРИК — расстояние, на которое слышен голос человека (уральское). По Далю, в версте 3—4 окрика. Меры, определяемые на слух, широко использовались в древности у самых разных народов.

ПАЛЕЦ — мера, равная ширине пальца руки, служила для измерения толщины чего-либо: «батоги... въ длину, въ полтора аршина, а въ толщину ручной палец» (Челобитная 1649 года); «блины в палецъ толщиною» (Рукопись. XVIII в).

ПАЛКА — мера земли, однако само название меры предполагает употребление ее и как меры длины: «Земли на две палки взяли» (Картотека Словаря русских народных говоров).

ПЕРЕСТРЕЛ, ПЕРЕСТРЕЛИЩЕ, ПЕРЕСТРЕЛОК, ПЕРЕСТРЕЛЬЩИЩЕ — мера, равная расстоянию, на которое летела вы-

пущенная из лука стрела: «лучный перестрел». Поскольку мера эта была довольно неопределенной, зависящей от целого ряда условий, рядом иногда стояли слова, более точно определявшие меру «добрый стрѣлец перестрел»; «великий перестрел»; «малый перестрел». С введением огнестрельного оружия встречаем выражения: «пушечный перестрел»; «перестрель из фюзей».

ПЕРСТ — то же, что *палец*, встречается в книжном языке: «Кожа его [носорога] иссохши имать толстоту на 4 персты» (Алфавит XVII в.).

ПЕТЛЯ — ливейная мера у мурманских поморов длиной от одного плеча до конца пальцев другой руки. Уже в наше время мера с таким же названием отмечена у мурманских поморов в несколько другом значении — «мера длины для веревок, размер которой определяется маховой саженью — расстоянием между концами раскинутых рук, то есть около 2 1/2 аршина».

ПЛЕСО — пространство пути, которое пешеход может пройти в один день, а также вообще пространство пути, пройденное пешеходом. Эту меру можно встретить в Архангельской области и теперь (Усть-Цилемский район). Название меры связано со словом *плесо* «расстояние водного пути на реке от поворота до поворота».

ПОПРИЩЕ — название крупной путевой меры. Термин заимствован из старославянского языка. Употребление его не выходило за пределы книжной речи. Иногда он выступал как синоним собственно русского названия крупной путевой меры — *верста*. Ср. «Тысяча и восемьсот поприщей или версть да мѣста таго Трибулашь или Триполь» (Описание Турецкой империи, составленное русским, XVII в.). Словом *поприще* в ранних древнерусских переводных памятниках обычно переводятся греческие меры длины *stadion* «мера длины около 185 м» и *milion* «мера длины около 1480 м». Там же термин *поприще* мог выступать в более неопределенном метрологическом значении «расстояние, длина вообще» или «расстояние в дневной переход».

ПРОШЕСТЬ, ПРОСЕСТЬ — мера длины полотна или основы в ткачестве. Она равна расстоянию между полотняным навоем и бердом. В рязанских говорах мера *прошесть* чаще встречается в виде *просесть*, что является позднейшей народной этимологией по ассоциации с *сесть* (длина холста, которую можно выткать за один присест, не отрываясь).

(Продолжение в следующем номере)

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

ГРОЗНЫЙ СУД

Многие преподаватели литературы, учащиеся, студенты хотят знать, как в стихотворении Лермонтова «Смерть поэта» следует читать: «грозный судия» или «грозный суд»? С недавних пор стали печатать и, таким образом, пропагандировать второй вариант: «грозный суд».

Учительница-пенсионерка Т. П. Никольская пишет: «К этому нельзя остаться равнодушным: нужно доискаться истины и ей следовать».

Прежде во всех изданиях Лермонтова печатали слово *судия*; тысячи советских школьников так учили его по хрестоматиям советской школы; такие хрестоматии и сейчас имеются в руках учащихся».

Стихотворение Лермонтова «Смерть поэта» впервые было опубликовано под заглавием «На смерть Пушкина» в журнале А. И. Герцена и Н. П. Огарева «Полярная звезда» за 1856 год (Лондон, 1856, кн. 2, стр. 31—32. Во 2-м томе академического Собрания сочинений М. Ю. Лермонтова дата первой публикации указана неверно). В России стихотворение впервые появилось в журнале «Библиографические записки» в 1858 году (т. 1, кн. 2, стлб. 635—636), без последних 16 стихов — со слов «А вы, надменные потомки...».

При подготовке второго издания под редакцией С. С. Дудышкина, которое вышло в 1863 году, в работе принимал участие П. А. Ефремов. Желая уточнить некоторые строки стихотворений Лермонтова, он обратился к А. М. Меринскому, хорошему знакомому поэта, уже опубликовавшему в печати тексты некоторых лермонтовских произведений. А. М. Меринский в ответном письме сообщил некоторые поправки, и П. А. Ефремов воспроизвел их в тексте следующего вышедшего целиком под его редакцией, издания (1873). И в «Полярной звезде», и в изданиях С. С. Дудышкина мы читаем: «Есть грозный суд, он ждет...». Полностью стихотворение было напечатано в 1880 году в «Сочинениях Лермонтова» под

редакцией П. А. Ефремова. Именно в этом издании впервые вместо слова *суд* было напечатано *судия*.

В советское время, до выхода академического Собрания сочинений М. Ю. Лермонтова, традиционно печаталось слово *судия*. При подготовке этого издания для установления точного текста стихотворения были исследованы 23 копии «Смерти поэта», имевшиеся в распоряжении ученых (в настоящее время их известно 25). Во всех копиях при наличии отдельных разночтений стих 66 неизменно читается: «Есть грозный суд: он ждет». Письмо А. М. Меринского, на которое ссылается П. А. Ефремов, в настоящее время опубликовано (Михаил Юрьевич Лермонтов. Сборник статей и материалов. Ставропольское книжное изд-во, 1960, стр. 173—177). В нем даны по копии, которую А. М. Меринский снял с автографа, четыре поправки к тексту стихотворения «Смерть поэта», но стих 66 оставлен без изменения так, как он был напечатан в издании С. С. Дудышкина в 1860 году, то есть со словом *суд*. Другого письма А. М. Меринского мы не знаем, по каким источникам исправлял этот стих П. А. Ефремов — неизвестно.

В «Деле о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермонтовым и о распространении оных губернским секретарем Раевским» (хранится в Институте русской литературы АН СССР) имеется копия этого стихотворения, где тоже написано слово *суд*. Эта копия считается наиболее авторитетной, поэтому в академическом Собрании сочинений М. Ю. Лермонтова текст стихотворения печатался по следующим источникам: строки 1—56 — по беловому автографу, а последние 16 строк, так как белой автограф неизвестен, — по копии в «Деле о непозволительных стихах», где 66 строка читается: «Есть грозный суд: он ждет».

Но есть, есть божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет...

Безусловно, Лермонтов знал догмы христианской схоластики — знал и о всеведении, и о завете предвечного и т. д. Но не про божеский суд говорит он в этом стихотворении. Всевидящий бог не остановил руку убийцы, а эту руку направляли люди. И не бог будет судить убийц, а люди, потомки, которым мысли и дела тоже будут уже «известны наперед». Именно так воспринимали эти строки Лермонтова его современники.

Не ты ль сказал: «есть грозный суд!»
И этот суд — есть суд потомства,—

писал в ответ поэту юнкер Павел Гвоздев, его приятель («Русская старина», 1896, № 10, стр. 132). И разве не сам Лермонтов утверж-

дал: «Есть суд земной и для царей» (М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Т. I. М., изд-во АН СССР, 1954, стр. 153). И этот «земной суд», «грозный суд», суд потомков — высший, «божкий» суд. Не о боге на небе, а о людях на земле думал шеф жандармов Бенкендорф, когда писал царю: «Вступление к этому стихотворению дерзкое, а конец — бесстыдное вольнодумство, более чем преступное». На это Николай I ответил: «Приятные стихи, печего сказать... Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он: а затем мы поступим с ним согласно закону» (С. Шостакович. Лермонтов и Николай I. — «Литературная газета», 13 октября 1959). Царь боялся не бога — он боялся человека, великого поэта, который пришел на место Пушкина.

Ю. Прохоров

● О ПРИЛОЖЕНИЯХ С СОЮЗОМ *КАЖ*

В «Вопросах литературы» (1970, №11) напечатана интересная статья В. Соловьева «Живые и жильцы». Один из абзацев этой статьи: «Другого рода смех возникает помимо желанья Скалозуба — от его глупости. Так, скажем, он настолько ограничен, тверд и негибк, что не удосуживается склонять слова, и правила грамматики для него такая же блажь, как книги; он говорит: „Мне совестно, как честный офицер“» (стр. 157).

В то же время в «Мертвых душах» Ноздрев говорит Чичикову: «Да мне хочется, чтобы у тебя были собаки. Послушай, если уж не хочешь собак, так купи у меня шарманку, чудная шарманка; самому, как честный человек, обошлась в полторы тысячи: тебе отдаю за девятьсот рублей».

Мне хотелось бы получить по этому поводу разъяснение.

А. В. Гунько
Владивосток

Речь персонажа в произведении служит одним из важнейших художественных средств создания образа. Не только тематика и содержание речи, но и подбор слов, их оформление, связь, построение предложений, стилистические особенности, манера произнесения и т. д. — все это так или иначе характеризует автора речи, раскрывая его внутренний мир, выявляя уровень его общественной и, в частности, речевой культуры. Поэтому настоящий художник слова тщательно и кропотливо трудится над всеми элементами авторской речи, а также прямой и несобственно-прямой речи героев, добиваясь наибольшей выразительности и характеристиче-

ской силы ее, художественной реалистичности, но избегая при этом натуралистического речевого правдоподобия, явная печать которого, к сожалению, лежит на некоторых произведениях наших дней.

В названных А. В. Гунько классических творениях литературы XIX века каждая фраза вышла из-под пера величайших художников русского слова, выдержала их взыскательный суд и строжайшее испытание временем. В языковой ткани этих произведений нет ничего случайного, не подчиненного всей системе художественно-стилистических средств, используемых для воплощения глубочайшего и многогранного содержания, включая идейно-философские и эстетические взгляды авторов.

По поводу отмеченных случаев употребления приложений с союзом *как*, не согласованных с определяемым словом, надо сказать, что и они выполняют художественно-образительную роль: наряду с другими языковыми элементами они характеризуют речь людей невысокой культуры, какими и являются царский полковник Скалозуб и провинциальный помещик Ноздрев. Здесь нет необходимости говорить об облике этих персонажей: все, кто знаком с комедией «Горе от ума» и поэмой «Мертвые души», хорошо их помнят.

Приложения с союзом *как* передают причинное значение, сближаясь с выражениями *в качестве кого, чего; будучи кем, чем*. В нашей речи, особенно устной, такие приложения чаще употребляются в форме именительного падежа, согласуясь с подлежащим, например:

«Итак, я вам советую, как приятель, быть осторожнее» (Лермонтов. Княжна Мери); «Муромский, как образованный европеец, подъехал к своему противнику и учтиво его приветствовал» (Пушкин. Барышня-крестьянка); «Мой знакомый, как человек некогда обучавшийся в университете, любил употреблять выражения ученые» (Тургенев. Странная история).

Реже встречаются случаи, когда такие приложения относятся к другим членам предложения и, согласуясь с ними, стоят в форме косвенных падежей: «Я отказался от мщения, как от безумства» (Пушкин. Дубровский).

Природу несогласованных приложений с союзом *как*, передающих обстоятельственное значение причины, можно объяснить и иначе. Их можно истолковать как эллиптическое видоизменение придаточного предложения с устаревшим в наше время союзом *как*: как я честный офицер; как я честный человек. Придаточные причины с союзом *как*, близким по значению к союзам *так как, поскольку*, но имеющим устаревший или просторечный характер, употребляются до сих пор: «Но как вино подавалось у нас только

за обедом, то мой Бопре очень скоро привык к русской настойке» (Пушкин. Капитанская дочка); «И как уголок их был почти непроезжий, то и неоткуда было почерпнуть новейших известий о том, что делается на белом свете» (Гончаров. Обломов); «— А может, вы и есть родная моя мать? Только вам не хочется в том признаться людям, как я очень некрасивый? а?» (Горький. Мать); «— По правилу, лучше всего поехать бы Артамашову как у него все посевы зерновые» (Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды).

Несогласованные приложения с *как* могли возникнуть и как просторечный эллипсис вводного предложения *говорю (скажу) как*: самому, говорю (скажу) как честный человек, обошлась в полторы тысячи — самому, как честный человек, обошлась в полторы тысячи. Ведь известны многие факты сокращения вводных единиц путем устранения из них глаголов речи *сказать, говорить*: короче говоря — короче, вернее сказать — вернее и др.

Иногда в несогласованных приложениях с союзом *как* усматривают скрытый галлицизм, результат воздействия эквивалента французского языка, не знающего склонения: «*Monsieur Pitt comme traite à la nation et au droit des gens est condamné à...*» (Питт, как изменник нации и народному праву, приговаривается к...) — Л. Толстой. Война в мир.

А. И. Аникин

● ТЬМА КРОМЕШНАЯ

«В № 2 за 1971 год „Русская речь“ рассказала о выражении *тьма-тьмушая*. Не менее интересно было бы прочитать и о выражении *тьма кромешная*, — пишет из Харькова С. Журило.

Прежде всего следует отметить, что в выражениях *тьма-тьмушая* и *тьма кромешная* употреблены два разных слова — два омонима (слова одинаковые по звучанию, но различные по значению). Слово *тьма* из первого словосочетания в древнерусском счете значило ‘десять тысяч’ («Русская речь», 1971, № 2, стр. 159), *тьма* из второго выражения — ‘отсутствие света, темнота’.

В современном русском языке фразеологическое сочетание *тьма кромешная*, как и синонимичные ему выражения *мрак кромешный*, *мгла кромешная* и др., употребляются в значении ‘полная, беспросветная темнота’: «Выйдя из сеней, вы встречали нечто вроде холодного коридора с чуланчиками и кладовушками на каждом шагу, в котором царствовала такая кромешная тьма, что надо было идти ощупью» (Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи); «Ночь выдалась непроглядно темной, и казалось непостижимым, как в этаким кромешном мраке не сталкивались машины, люди, обозные повозки» (Поповкин. Семья Рубанюк); «Вход

корабля в тень произошел быстро. Моментально наступила кро-
мешная темнота» (Гагарин. Дорога в космос).

Прилагательное *кромешный* было образовано с помощью суф-
фикса *-шн-* от слова *кромъ* в значении 'вне'. Слово *кроме* по проис-
хождению является формой местного падежа существительного
крома 'край граница, бок чего-нибудь'. Если слово *крома* сейчас
известно немногим (оно сохранилось в русских народных говорах:
крома доски, камень поставили на кромку и др.), то слово *кромка*
'край чего-либо' знают многие: кромка льда, кромка скатерти и др.

Прилагательное *кромешный* в современном русском литератур-
ном языке является лексическим архаизмом. Как и другие арха-
измы, например, *благой* (благие намерения), *нерадивый* (нерадивый
человек), *зазорный* (ничего зазорного), слово *кромешный* в древ-
нерусском языке употреблялось в свободных словосочетаниях в
значении 'внешний, наружный'. Почему же словосочетание *тьма*
кромешная стало употребляться в значении 'полная, беспросвет-
ная темнота'?

Оказывается, по старинным представлениям, наша планета
освещалась солнцем, луной, звездами и имела край. За пределы
этого края свет не попадал. Люди верили в существование этого
края, который находился где-то очень далеко. В русском языке
до сих пор живут фразеологические выражения *быть* (находить-
ся) *на краю земли, света; идти* (бежать, ехать и т. д.) *на край*
земли, света, обозначающие 'быть (находиться) где-то очень дале-
ко; идти (бежать, ехать и т. д.) куда-то очень далеко'.

Выражение *тьма кромешная* употребляется переносно и об-
разно. По христианским религиозным верованиям, *тьмой кромеш-
ной* называют ад — местопребывание душ грешников, якобы обре-
ченных на вечные муки: «Священник:... нынче бесы Погибший дух
безбожника терзают И в тьму кромешную тащат со смехом» (Пуш-
кин. Пир во время чумы). *Тьмой кромешной* называют мрачную,
полную невзгод и лишений жизнь: «С малолетства жил я в дерев-
не;.. И видел я мужика, как он во тьме кромешной живет и уби-
вается» (Потапенко. На действительной службе).

В современном русском литературном языке словосочетание
тьма кромешная нередко распадается, и слово *кромешный*, утра-
чивая свое первоначальное значение 'внешний, наружный,' вы-
ступает в новом значении — 'очень темный, лишенный какого-либо
света, освещения': «Чем дальше тянулась почь, тем становилось
все кромешнее и холодней. Шипела вода. Зуев снова осветил фо-
нариком. Вода шла в уровень с берегом» (Паустовский. Ночь в
октябре).

В. Н. Сергеев

● «МОЙ ПЕРВЫЙ ДРУГ, МОЙ ДРУГ БЕСЦЕННЫЙ...»

Учительница Туранова (Москва) нам пишет:

Объясните, пожалуйста, разночтения в поэтическом послании А. С. Пушкина к Пущину «Мой первый друг, мой друг бесценный...».

В академическом Собрании сочинений А. С. Пушкина (т. 3, стр. 39) этот текст выглядит так:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

А в книге «И. И. Пущин. Записки о Пушкине» (М., «Детская литература», 1969) строки третья, шестая и восьмая имеют некоторые отличия:

Когда мой дом уединенный...
Молю святое Провиденье...
Дарует тоже утешенье!..

Как же было написано у Пушкина? — *двор* или *дом*, *провиденье* или *Провиденье*, *то же* или *тоже*? Сохранился ли автограф стихотворения? И что за рукопись изображена на стр. 11 в книге «И. И. Пущин. Записки о Пушкине»?

В настоящее время известно несколько источников текста этого стихотворения:

а) черновой автограф, где 3-я строка читается: «Когда мой двор уединенный»;

б) копия в тетради И. И. Пущина, где в 3-й строке слово *дом* исправлено на *двор*;

в) копия в «Записках» И. И. Пущина (см.: «Декабрист И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири». Ред. и биограф. очерк С. Я. Штрайха. М., 1925, стр. 130). Эта копия сделана с белого автографа, который И. И. Пущин нашел в 1842 году. В копии 3-я строка: «Когда мой двор уединенный»;

г) в число источников текста входит публикация стихотворения в журнале «Современник» (1841, т. XXII, май, стр. 173). Там напечатано слово *дом*.

Беловой автограф в настоящее время неизвестен.

Таким образом, 3-я строка стихотворения встречается в двух вариантах. В основных авторитетных источниках стоит слово *двор*. Откуда же появилось разночтение? Как известно, И. И. Пущин получил в ссылке от А. Г. Муравьевой не сам автограф, а лишь копию с него («Записки», стр. 130). Возможно, уже в этой копии была ошибка. И. И. Пущин снял с этой копии еще несколько копий — слово *дом* могло появиться и здесь. В 1839 году он послал одну из этих копий П. А. Плетневу для «Современника», естественно, что там и было напечатано *дом*. В копии в тетради И. И. Пущина, созданной в то же самое время, слово *дом* сохранено. Но в 1842 году И. И. Пущин находит автограф («Записки», стр. 131) и по нему исправляет копию в тетради (*дом* на *двор*) и снимает еще одну — для «Записок» (со словом *двор*). Таким образом, мы должны признать правильным следующее чтение 3-й строки стихотворения: «Когда мой двор уединенный».

Что же за факсимиле воспроизведено в книге «И. И. Пущин. Записки о Пушкине» (М., «Детская литература», 1969)? Это, конечно, не автограф Пушкина: чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить почерк, которым написано стихотворение, с настоящим автографом поэта, воспроизведенным в той же книге (стр. 51). Как нам сообщила ответственный редактор книги И. В. Воробьева, на стр. 11 дано факсимиле одной из копий данного стихотворения, взятое из книги «И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Письма» (Серия литературных мемуаров. М., Гослитиздат, 1956). Эта копия, написанная рукой И. И. Пущина, найдена недавно в Чите Е. Д. Петряевым. Слово *дом* оставлено в ней без изменения, так как И. И. Пущин нашел автограф только после отъезда из Читы.

Что же касается написания слова *провидение* в 5-й строке стихотворения, то здесь надо заметить следующее: во времена Пушкина все слова религиозно-церковной лексики писались, по правилам, с прописной буквы. Но уже и тогда можно было встретить отдельные отступления от этого правила. Например, в копии этого стихотворения, сделанной рукой И. И. Пущина в его тетради, слово *провидение* написано со строчной буквы. В настоящее время эти слова пишутся по новой орфографии со строчной буквы, за исключением тех случаев, когда в тексте имеется персонификация, то есть когда эти слова означают действующее лицо. В данном стихотворении никакой персонификации нет, и поэтому слово *провидение* печатается со строчной буквы.

Во второй строфе стихотворения между факсимиле и печатным текстом есть некоторые пунктуационные отличия. Они обусловлены тем, что переписчик, очевидно, несколько неверно понял смысл слова *да*. В данном случае *да* означает, без сомнения не 'и', а

«*дусть*» — в XIX веке такое употребление этого слова встречалось много чаще, чем в наши дни (у Пушкина: «Да скроется тьма» и др.).

Следовательно, эти строки надо понимать следующим образом: *молю* провиденне: *пусть* голос мой душе твоей дарует утешенье, *пусть* озарит он заточенье лучом лицейских ясных дней. Вследствие этого является совершенно правомерным отсутствие тире между словами *мой* и *душе* в 6-й строке и двоеточие после слова *провиденне*.

С таким пониманием связано и написание слова *то же*: голос поэта должен даровать узнику то же самое, такое же утешение, какое тот когда-то даровал ему. Здесь можно заметить даже определенную «звуковую» аналогию: колокольчик — голос. Именно так расставлены знаки препинания в этом стихотворении в копии, имеющейся в «Записках» И. И. Пущина, так установлен текст в академическом Собрании сочинений А. С. Пушкина (т. 3, ч. 1. М., изд-во АН СССР, 1957, стр. 39). Так принято печатать во всех современных изданиях.

Ю. Прохоров

● КРОКОДИЛОВЫ СЛЕЗЫ

Читатель Г. Кейперт из Бонна (ФРГ) прислал в редакцию письмо, где имеются дополнительные сведения об истории фразеологического оборота *крокодиловы слезы*.

Фразеологический оборот *крокодиловы слезы* в русском языке возводится обычно к сложному существительному *Krokodilstränen* (нем.), в доказательство приводится фиксация этого оборота в «Немецко-латинском и русском лексиконе» Вейсмана (1731). На первый взгляд это предположение очень убедительно, потому что в немецком языке это выражение получило широкое распространение уже в XVI веке. Но некоторые обстоятельства вызывают сомнения в том, что немецкий язык был исключительным источником.

Во-первых, этого рода выражения известны и в других западноевропейских языках, ср., например, английское *crocodile tears*, французское *larmes de crocodile* и т. п.; едва ли возможно признать их переводами названного немецкого слова. Во-вторых, в восточнославянских памятниках эта фразеологическая калька встречалась еще до XVI века. Один из наиболее ранних случаев употребления фразеологизма *крокодиловы слезы* представляет собой западнорусский текст «Антиризиса против Христофора Филалета», знаменитого полемического трактата самого конца XVI века (1599; «Русская историческая библиотека». Т. XIX. СПб. 1903, стр. 545). В соответствующем списке на польском языке поставлен латинский обо-

пот «Lachrymae crocodili». Ввиду общеупотребительности этого фразеологизма почти во всех европейских языках, первоисточником и немецкого и русского выражения надо считать латинский язык. «Lachrymae crocodili» встречаются уже в 1500 году в сборнике «Adagia», очень популярном в свое время сочинении Эразма Роттердамского.

Таким образом, словосочетание *крокодиловы слезы* в русском языке, по всей вероятности, является латинизмом, однако не следует исключать возможности вторичного калькирования в XVI веке. Хотя этот вопрос еще нуждается в детальном выяснении, но во всяком случае не вызывает сомнения, что современные западноевропейские языки способствовали дальнейшему расширению употребления оборота, заимствованного уже в конце XVI века.

Г. Кейперт

Справка: Читатели могут получить дополнительные сведения о выражении *крокодиловы слезы* в статье В. И. Чернышева «Темные слова в русском языке» («Избранные труды в 2-х томах». М., Просвещение; 1970).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор),
В. А. БЕЛОШАПКОВА, Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ,
В. Я. ДЕРЯГИН, И. Г. ДОБРДОМОВ, Л. М. ЛЕОНОВ,
А. И. ОВЧАРЕНКО, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора),
Л. И. СКВОРЦОВ, Ю. С. СОРОКИН, Ф. И. ФИЛИН,
Н. Ю. ШВЕДОВА
и. о. отв. секретаря В. А. ЕРЕМИН

Адрес редакции: Москва, Г-19, Волхонка, 18/2.

Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией *И. М. Беспалова*
Рисунки *Ю. И. Космынина* и *В. В. Толстоногова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *Н. Н. Глаголева, Н. М. Кузьмина*

Сдано в набор 12/VI 1972 г. Подп. к печ. 9/VIII 1972 г. Т-13630. Тираж 68 000
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 8,4. Бум. л. 2,5. Уч.-изд. л. 10,1 Зак. 763
